

**«ЭТО МОЙ
ТРУД
ВЛИВАЕТСЯ
В ТРУД
МОЕЙ
РЕСПУБЛИКИ!»**

№ 20 ОКТЯБРЬ 1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА



СМЕНА

ЛЕНИНСКОМУ КОМСОМОЛ



С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, КОМСОМОЛ!

ПОКОЛЕНИЙ СВЯЗУЮ



Уроки жизни

Беседуют
Василий Филиппович ВАСЮТИН,
делегат III съезда РКСМ,
секретарь ЦК РКСМ
в 1923—1924 годах,
профессор Высшей партийной школы
при ЦК КПСС,
и Виктор ДЬЯЧКОВ,
рабочий производственного
объединения «Буревестник»,
член Центральной
ревизионной комиссии ВЛКСМ.





Фото Сергея НИКОЛАЕВА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ

ЩАЯ НИТЬ

В. ВАСЮТИН. Мне очень приятно, Виктор, что мы с тобой познакомились накануне двух знаменательных событий: дня рождения комсомола и 55-летия со дня выступления В. И. Ленина на III съезде РКСМ. Для людей моего поколения эти даты не просто история, они прекрасные страницы нашей собственной биографии. Ведь я, можно сказать, с самого возникновения первых комсомольских ячеек и по сегодняшний день не порываю связей с комсомолом. И потому считаю день рождения ВЛКСМ своим личным праздником.

В. ДЬЯЧКОВ. Знаете, Василий Филиппович, я впервые в жизни встречаюсь так близко с человеком, которому выпало огромное счастье — видеть и слышать Владимира Ильича Ленина. Вы прошли большой и сложный жизненный путь, и я о многом хотел бы вас спросить, посоветоваться с вами, узнать подробности вашей жизни, но понимаю, что нам тогда не хватит дня...

В. ВАСЮТИН. Я счастлив, что мне пришлось быть участником и свидетелем поистине

исторических событий. Конечно, многие эпизоды уже стерлись из памяти. Но есть такие, над которыми и время не властно — они врезались навечно, потому что определили всю дальнейшую жизнь. Такими событиями были для меня встречи с Владимиром Ильичем Лениным.

Я как-то подсчитал: видеть и слышать Ленина мне посчастливилось восемь раз. А впервые это было ровно 55 лет назад, на том самом историческом III съезде РКСМ, на котором Ленин выступил с речью о задачах союзов молодежи.

В. ДЬЯЧКОВ. Сколько же лет вам было тогда?

В. ВАСЮТИН. Я ровесник века — родился в 1900 году, и было, значит, мне тогда 20 лет. Несмотря на такой возраст, я уже имел шестилетний стаж комсомольской работы, участвовал в подпольной организации Одессы, боввях стычках с врагами революции.

В. ДЬЯЧКОВ. Я много читал воспоминаний о тех героических днях. И все же мне очень

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц

№ 20 (1162) ОКТЯБРЬ 1975



Наша обложка:
Манзура УБАЙДОВА —
работница
хлопчатобумажного
комбината г. Бухары.

Фото Сергея
ПЕТРУХИНА

1 УРОКИ ЖИЗНИ.
Диалог делегата III съезда РКСМ Василия Филипповича ВАСЮТИНА и члена Центральной Ревизионной комиссии ВЛКСМ Виктора ДЬЯЧКОВА.

3 Стихи Валентина СОРОКИНА.

4 ЗА ПРАВО ПОДПИСАТЬ РАПОРТ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА XXV СЪЕЗДУ КПСС.
«И КАЖДЫЙ ДЕНЬ — РЕКОРД».
Репортаж Анатолия БАРАНОВА И Виктора САККА.

7 ЗАВОДСКОЙ РАЙОН.
Лина ТАРХОВА. «ЧЕМ ИЗМЕРИТЬ ВРЕМЯ?»

8 Виктор РОЗОВ. «ПРИКОСНОВЕНИЕ К ВОЙНЕ».

11 Стихи Евгения АНТОШКИНА и Ивана БУРСОВА.

12 «ЦЕНА ЗОЛОТА». Репортаж Алексея ВЛАДИМИРОВА и Сергея ПЕТРУХИНА из Узбекистана.

15 КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ ЧИТАТЕЛЯ.
Лидия ВАСИЛЬЕВА. «ПУСТЬ МЕНЯ НАУЧАТ!»

16 ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ.
К 150-ЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ.
Альберт ЛИХАНОВ. «ТОБОЛЬСКИЙ УЗНИК».

18 ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ.
Ирина ОВЧИННИКОВА. «СТОЙКИЙ ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК».

20 МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ.
Андрей БАТАШЕВ. «МНОГОЗВУЧНЫЙ УЗОР».

22 Очерк Гария НЕМЧЕНКО «НАСТОЯЩИЕ МУЖЧИНЫ».

25 Алим БАБЕТОВ. «...С КАЖДЫМ ГОДОМ МНЕ МИЛЕЙ МОЯ ЗЕМЛЯ».
Очерк о творчестве молодой киргизской поэтессы Майрамкан АБЫЛКАСЫМОВОЙ.

26 ОКТЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. Обзор зарубежной прессы.

28 Братья ВАЙНЕРЫ. «МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ».
Роман.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Кулешов, В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), В. Г. Победоносцев (ответственный секретарь), Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, А. П. Середя, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник), Д. Н. Филиппов.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор Л. И. Курлыкова

Издательство «Правда». «Смена». 1975 г.

смена

В. ВАСЮТИН. Значит, вам надо постоянно думать, повышать квалификацию, изыскивать резервы производительности труда, рационализировать свою работу, то есть, как говорил Ленин, «быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин...». И я рад, что эти слова Ленина глубоко вошли в сознание членов вашей бригады и сотен тысяч советских юношей и девушек, получив яркое воплощение в замечательном движении «За себя и за того парня».

В. ДЬЯЧКОВ. Нам еще очень помогает то, что у нас дружный, сплоченный коллектив. Каждый член бригады знает 5—6 рабочих операций и в случае чего может на любом месте заменить товарища. Это позволяет нам успешно бороться за высокое качество продукции. Мы сами себе контролеры и, конечно, не допускаем, чтобы на другие потоки от нас пошел даже мелкий брак. Потому наша бригада занесена в Книгу почета Министерства легкой промышленности СССР, а все члены награждены знаком «Ударник 1974 года».

Понятно, многое зависит от того, какой в коллективе бригадир. Вот уж поистине про нашего Юрия Агафонова можно сказать: человек на своем месте. Он обладает не только опытом, доскональным знанием обувного дела, но и умением чувствовать настроение в коллективе, найти нужное слово для каждого члена бригады. Для меня и сегодня он является добрым наставником.

В. ВАСЮТИН. А знаешь, Виктор, у меня ведь тоже был наставник. Помнишь, я рассказывал, что работал подручным слесаря на судоремонтном заводе в Одессе? Так вот, тем слесарем был замечательный человек по фамилии Завадский. Я хорошо его помню и сейчас. Он не только обучал меня слесарному искусству, но и воспитывал, «делал из меня человека». Мы с ним в трактир ходили, пили чай, и я не помню, чтобы он при мне выпил рюмку вина. Никогда не кричал, не повышал голоса—это при том, что другие мастера и подзатыльники и зуботычины подмастерьям давали,—а спокойно объяснял или показывал что к чему. Я думаю, он и сегодня не ударил бы в грязь лицом как воспитатель.

Вот видишь, все время на воспоминания тянет. Такая уж наша стариковская привычка... Но ты мне все же расскажи, как вы думаете закончить эту пятилетку, чем будете встречать XXV съезд нашей партии?

В. ДЬЯЧКОВ. Тут, Василий Филиппович, мне есть чем «похвастаться» перед вами. Из 19 членов нашей бригады 18 уже завершили личные пятилетние задания. Игорь Скриник, например, и я выполнили пятилетку еще в июне 1973 года. Сейчас мы встали на ударную вахту в честь съезда партии: хотим освоить новый ассортимент обуви, добиться присвоения ему Знака качества, а в день открытия съезда наша бригада даст сверх плана 2100 пар обуви, причем сошьет их из сбереженных материалов. Наш бригадир Юрий Агафонов, Игорь Скриник и я обязались к 5 декабря выполнить второе пятилетнее задание.

В. ВАСЮТИН. Вот эта да! А справитесь?

В. ДЬЯЧКОВ. Раз взяли обязательство, значит, должны его выполнить, причем стараемся даже раньше намеченного срока.

В. ВАСЮТИН. Вот это по-ленински—трудиться вдохновенно, творчески, предельно добросовестно, с полной самоотдачей, так, как трудится ваша бригада.

В. ДЬЯЧКОВ. Спасибо вам, Василий Филиппович, за добрые слова... Не знаю, интересно ли было вам со мной беседовать, но у меня эта встреча надолго останется в сердце. Я теперь понимаю: возраст не самое главное. И в 15 и в 75 можно быть настоящим бойцом.

В. ВАСЮТИН. Не то что «можно», Виктор, а нужно, обязательно нужно быть бойцом, решительным, честным, мужественным, принципиальным, ни в коем случае не останавливаться на достигнутом. Я часто встречаюсь с молодежью твоего возраста. Мне нравится в вашем поколении смелость, образованность, доброта. И я уверен, что если бы история вдруг повторилась, вы сделали бы для нашей Родины не меньше, чем мы в свое время.

Диалог записал БОРИС ДАНОШЕВСКИЙ.

Валентин СОРОКИН,
лауреат премии Ленинского
комсомола.

Сергею Есенину посвящается

Тревожный звон

*Ока моя, родная, разлившая,
Певучая есенинская речь,
Зовет любовь, и я опять не знаю,
Ну, как себя от бури уберечь.*

*Глаза ее отважные туманом
Подернуты, и так они влажны,
Что все мосты к смущеньям и обманам
Огнем багряным напрочь сожжены!*

*Сомкну ресницы, и она приснится,
Веселая и быстрая, в ночи
Идет с холма, и не остановиться,—
Река моя святая, помолчи!*

*И нет во мне безверия былого,
Летит дорога, пляшут тополя,
И не с того ли чувства удалого
Позолотела русская земля?*

*Ока моя лебяжья, быстротечны
Твои шторма, а берега ясны,
Пусть на просторе этом вековечном
Шумят сады надежды и весны!*



*Опять плывут в века,
Торжественно и скоро,
Немые облака
Над хмуростью простора.*

*За Киев, за Азов,
За тыщи километров.
Тревожный, древний зов
Кочующего ветра.*

*И в трепетную высь
Из адового пыла,
Как лебеди, взвились
Березы белокрыло.*

*Когда в долины мгла
Стекла в глухом рассвете,
Холмов колокола
Вздохнули на планете.*



*Стонет ветер покаянно.
На земле и в небе пусто.
Наша улица багряна
От листвы, опавшей густо.*

*Будто солнце проскакало:
Жарко, жарко меж домами.
То ли тучи, то ли скалы
Громятся над холмами.*

*Схолодели в реках воды,
Буйно травы увядают.
И в пустыне огороды
Ночью луны забредают.*

*Мир наполнен чудесами,
Но, как вестники печали,
Сам я слышал, за лесами
Громко лебеди кричали.*



Дом Есениных
горел дважды

*А дорога
Билась и дрожала,
Ржали кони
Бешено в туман.
Говорят, что
Ночью приезжала
В то село негромкое
Дункан.*

*Не кружился
Яблоневый лепет...
Каменело
Жуткое лицо,
Через пальцы
Тек остывший пепел,
И сверкало
Жемчугом кольцо.*

*Навсегда
Лишенная покоя,
Вспоминала
Свиту разных стран,
Не поля
Звенели за Окою,
А взлетал
И падал океан.*

*Все молчала,
Над калиткой свесясь,
И казалось,
В бездне луговой
Обреченно
Покатился месяц
Золотой
Кудрявой головой.*

*И глаза
Росинками намокли,
И, почти понятные,
Свои,
Перед ней
Вздохнули и замолкли
Русские
Седые соловьи.*

*Вновь дорога
Билась и дрожала,
Ржали кони
Бешено в туман.
...Уезжала,
Словно убежала,
Из села рязанского
Дункан.*



*Звезда полей
Не падает во тьму,
Давным-давно
Кукушка не кукует.
Хандра тревожит грудь,
И не пойму
Души своей,
Зачем она тоскует.*

*Вот где-то
Застучали топоры,
И высоко,
Над горизонтом скользким,
Качнулся месяц
Всадником монгольским,
Знать, конь его
Споткнулся у горы.*

*Земля моя,
Вновь чувствую не зря,
Как ветер
Белых лебедей уносит,
В холодных водах
Плещется заря,
И осень тихо
Обогрева просит.*

*Я ничего пока
Не потерял,
И впереди
Несметное пространство
Ждет наших встреч,
Любви и постоянства,
Ведь ими так
Тебя я уверял!..*

*И в этот мир восторженность принес.
И клялся я,
И кланялся немногим,
И тайну мига
Постигал в дороге,
Клик вечности
Распознавал у звезд.*



*Грустный, грустный осенний покой,
Лишь над острыми елями тучи
Проползают и молнией гжучей
Тьму тревожат за длинной рекой.*
*Но взберется поспешно и странно
Месяц ввысь, и покажется вдруг:
Ты увидишь окрестные страны
В этом блеске полночном вокруг.*

*Так свежо, и просторно, и ново,
Звездной россыпью очи слепит,
Рыба плещется, птица не спит,
Сосны шепчутся, честное слово!*

*И клянусь я при чутком светле,
Что, не сломленный волнами бедствий,
Где-то есть человек на земле,
От меня ожидающий действий.*

*Наполняется радостью грудь,
И в каком-то порыве чудесном
На мгновение сольется с небесным
Мой обычный, но огненный путь.*

Рисунок Владимира ДЕЛБЫ



Юбилеры 1975 года

КОМСОМОЛ МОЛДАВИИ НАГРАЖДЕН ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

Иван ГУЦУ,
первый секретарь ЦК ЛКСМ Молдавии

С первых дней своего существования коммунистический союз молодежи Молдавии выступил как революционная, созидательная сила. Он стал школой подготовки убежденных борцов за дело коммунизма, занял важное место в политической, хозяйственной и культурной жизни республики. И высокая награда Родины — орден Трудового Красного Знамени — это признание заслуг всех поколений молдавских комсомольцев в деле строительства новой жизни и коммунистического воспитания молодежи.

В дни предъюбилейного социалистического соревнования в честь пятидесятилетия комсомола Молдавии с особой силой проявились лучшие черты нашей молодежи — революционный порыв, страстность, непреклонность в достижении цели. Участниками предъюбилейной нахты стали все юноши и девушки нашей республики. В эти дни на заводах и фабриках, на стройках и колхозных полях родилось немало трудовых рекордов, а молодые труженики обещали сделать эти рекорды повседневной нормой.

В делах сегодняшних комсомольцев мы истинно ощущаем преемственность поколений, верность заветам Ленина, гордость за ратный и трудовой подвиг наших отцов, ответственность за оставленное нам наследство.

Сегодня наш революционный фронт — пятилетка. И самое большое счастье для нас — быть создателями на этом фронте.

Время рождает новые требования, появляются сложные и ответственные задачи, решение которых требует предельной мобилизации всех сил, организованности, высокого мастерства и деловитости. Сейчас наряду с количественными на первый план выдвигаются качественные факторы в нашей работе. И мы стремимся всемерно повышать вклад молодежи в борьбу за эффективность общественного производства. О творческом инициативе комсомольцев и молодежи Тираспольской швейной фабрики имени 40-летия ВЛКСМ сейчас знает вся страна. Именно здесь родились

первые «сквозные бригады отличного качества». Опыт тираспольчан одобрен ЦК ВЛКСМ и получил прописку во многих комсомольских организациях страны. Он позволяет активно претворить в жизнь указания Леонида Ильича Брежнева о том, что десятой пятилетка «...должна быть прежде всего пятилеткой качества, пятилеткой эффективности». В настоящее время на промышленных предприятиях республики создано 189 «сквозных бригад отличного качества».

В год славного юбилея — 30-летия великой Победы — комсомольцы и молодежь республики работают под боевым лозунгом, перекликающимся с призывом огненных лет: «Пятилетке — победный финиш! XXV съезду КПСС — достойную встречу!». Более трех тысяч комсомольско-молодежных бригад зачислили в свой состав героев войны, 65 тысяч юношей и девушек трудятся за себя и за тех, кто не вернулся с полей сражений.

280 комсомольцев — передовиков промышленного производства, первыми выполнявшие пятилетние планы, добившиеся замечательных результатов в труде, учебе, научно-техническом творчестве и общественной работе, завоевали право сфотографироваться у свиты Советского народа — Знамени Победы.

125 комсомольско-молодежных коллективов промышленных предприятий, 4 тысячи юношей и девушек уже работают в счет десятой пятилетки.

В обстановке огромного трудового и политического подъема молодежь республики готовится встретить XXV съезд КПСС, готовит ему свои трудовые подарки. В ответ на постановление Центрального Комитета партии «О социалистическом соревновании за достойную встречу XXV съезда КПСС» все комсомольско-молодежные коллективы пересмотрели свои социалистические обязательства, решили бороться за право подписать рапорт Ленинского комсомола партийному съезду.

Пятилетке — победный финиш! XXV съезду КПСС — достойную встречу!

ПОД ФЛАГОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ: ЗА ПРАВО ПОДПИСАТЬ РАПОРТ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА XXV СЪЕЗДУ КПСС

Еще в начале 1971 года, подсчитав свои возможности, наша бригада приняла социалистические обязательства на девятую пятилетку. Пятилетнее плановое задание мы решили выполнить за четыре года. И хотя обязательства были весьма напряженными и кое-кто даже считал их непосильными для молодежной бригады, мы их значительно перевыполнили. Уже весной 1974 года мы начали работать в счет десятой пятилетки, о чем и доложили XVII съезду ВЛКСМ. Такой рывок стал возможен потому, что все члены бригады освоили смежные профессии, повысили свою квалификацию, приобрели необходимый опыт и стали относиться творчески к порученному делу.

План завершающего года мы выполнили накануне Дня строителя и решили до конца пятилетки выполнить еще одно годовое задание. Сейчас наша бригада, как и большинство комсомольско-молодежных коллективов, борется за право подписать рапорт Ленинского

комсомола XXV съезду КПСС. Когда на своем бригадном собрании мы обсуждали постановление ЦК КПСС «О социалистическом соревновании за достойную встречу XXV съезда КПСС», монтажник Григорий Карцин предложил работать так, чтобы бригада получила право носить имя XXV съезда партии. Это предложение дружно поддержали все члены бригады.

Анатолий ПАСЕЧНИК,
бригадир комсомольско-молодежной
бригады треста «Молдэлектромонтаж»,
кавалер ордена Трудового Красного Знамени

ПЕРЕКЛИЧКА РАБОЧИХ БРИГАД.

АДРЕС: МОЛДАВСКАЯ ССР. ОТРАСЛЬ: ПРОМЫШЛЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО.

И КАЖДЫЙ ДЕНЬ —

Анатолий БАРАНОВ.
Фото Виктора САККА.
Специальные
корреспонденты «Смены».

З

десь будет штаб, — сказал бригадир.

— Не дотянем, — с сомнением покачал головой Гриша Карцин. — Кран не развернется в этом закоулке.

Бригадир Анатолий Пасечник повернулся к крановщику, и тот торопливо обошел площадку, промеряя ее шагами. По-видимому, решил, что развернуться на этом пятчке можно, и все-таки сказал:

— А зачем тебе залезать сюда? Поставь вагончик на свободном месте, и все дела.

Я тоже удивился тому, как тщательно выбирал Анатолий площадку для установки бригадного вагончика. И место это мне не показалось самым лучшим: рядом тянулась стена будущей мастерской, а объект, где бригаде придется работать, был далеко.

— Здесь вагончик днем не нагревается — тень, и стена от ветра заслонит, — объяснил крановщику Пасечник.

Он обстоятелен даже в мелочах, хотя

бригадный вагончик, конечно, не мелочь. Не случайно Толя неизменно называет его штабом. Это и есть штаб. Здесь электро-монтажники не только переодеваются и хранят инструмент, в штабе проходят заседания совета бригады, принимаются решения, по которым живет и работает коллектив, здесь просто отдыхают в свободную минуту, читают газеты, играют в вечное на стройках домино и листают учебники. Штаб бригады и внутри похож одновременно на бытовку, красный уголок и небольшую контору. На самом видном месте пламенеет переходящий вымпел «Лучшей комсомольско-молодежной бригаде треста».

— Мы его уже третий год у себя держим, — подсказал Дмитрий Мамаевский. — И крепко держим.

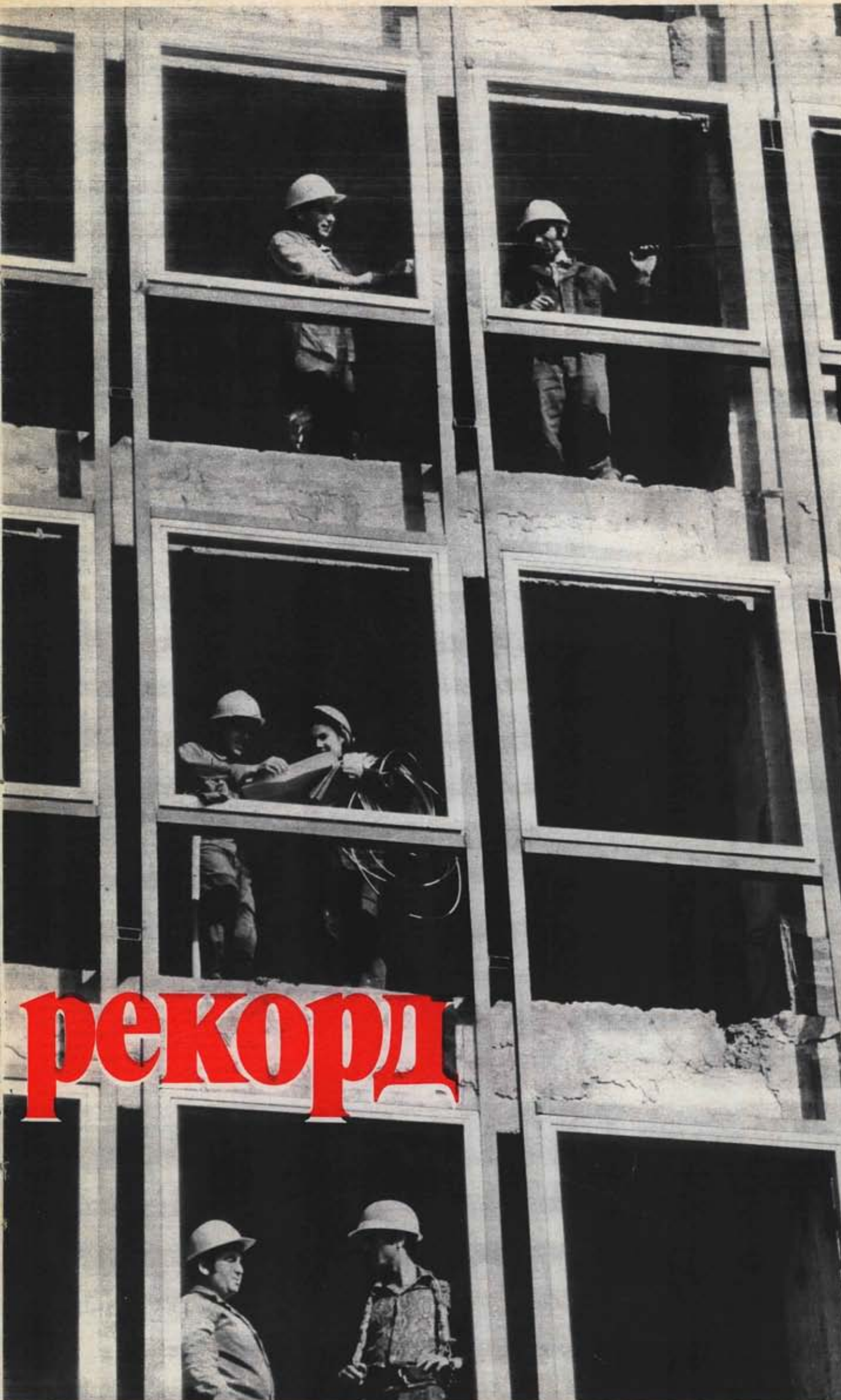
— Силой славу не удержишь, — засмеялся Пасечник. — Надо работать. Вы пока обживайтесь, а я проверю объекты.

Работа предстояла большая. Нужно развести кабели, ввести трансформаторную подстанцию, наладить сложное электриче-

ское хозяйство современной автотранспортной базы. Словом, за два месяца необходимо освоить свыше семидесяти тысяч рублей.

Анатолий вернулся с «рекогносцировки» довольный: все оборудование и материалы на месте, что на стройке встречается не так уж часто, фронт работ сейчас не зависит от снабженцев, а только от них, монтажников. Но в своих ребятах он верил и надеялся справиться с этим заданием не за два месяца, отпущенных бригаде, а вдвое быстрее.

— Можно управиться за три недели, — сказал бригадир, бросая на стол свой объемистый блокнот, страницы которого уже заполнились сведениями о новом объекте. По этому блокноту можно легко проследить жизнь бригады не за один год. За скрупы цифрами и обрывками фраз угадывается не только работа каждого монтажника, но и его старательность, а порой и настроение. — Времени, конечно, немного, зато материалов хватает. Нужно только



рекорд

нажать как следует. Дима с Гришей завтра возьмутся за подстанцию, Саша и Миша станут на разделку кабеля...

Он знает, кто из монтажников какую работу больше любит, кто и с чем лучше справляется, и старается расставить их так, чтобы отдача каждого была максимальной. Но «распределение ролей» не монопольное право бригадира, его еще должен поддержать весь коллектив.

— Может быть, еще кого-то поставить к трансформатору?—осторожно спрашивает Мамаевский.—Там сейчас двоим тяжело.

— Минимум троих туда послать,—поддерживает Григорий Карцин.

— Согласен.—Бригадир переставляет кубики в своем блокноте.—Ты и пойдешь. Если понадобится, вам еще дядя Паша поможет. Только постарайтесь, мальчики, побыстрее.

По виду Толя Пасечник—само добродушие. И действительно, никто не припомнит, чтобы он вышел из себя, повысил голос, хотя на стройке и ситуации и люди встречаются разные.

И многие удивились, когда семь лет назад молодого, вроде бы ничем себя не проявившего монтажника Толю Пасечника назначили бригадиром.

— У этого тихони железная хватка и талант организатора,—объяснил бывший начальник участка Борец, с которым Пасечник работал на многих стройках.

Толя родился в маленьком виноградном селе Маяки, в шестнадцать лет закончил школу и хотел так же, как и родители, стать учителем. В «школу» он играл долго, проверял тетрадки младшего брата и его одноклассников, устраивал им экзамены и твердо верил в свое учительское призвание. Экзамены в Кишиневский университет сдал успешно, но по конкурсу не прошел—не было трудового стажа. Возвращаться домой без студенческого билета постеснялся, но и раздумывать о своей дальнейшей судьбе долго не собирался. Рядом с университетским общежитием увидел объявление о приеме на работу на строительство Дубоссарской ГЭС, и в тот же день его оформили учеником электро-монтажника.

У первого Толиного наставника были свои представления о педагогике. «Монтажник начинается с кувалды,—говорил бригадир.—Махай почаще». С кувалдой Толя возился долго, почти год, но успел все же и научиться кое-чему у опытных монтажников, хотя учился в основном вприглядку.

Однажды на строительстве Кишиневской ТЭЦ, куда бригада переехала из Дубоссар, он взялся разделять кабель—хотелось попробовать, сможет ли самостоятельно справиться с этой сложной работой.

— А из тебя получится монтажник,—сказал начальник участка, долго наблюдавший за работой Пасечника,—только учиться надо. О курсах мы еще договоримся, а теперь надо бы тебя в другую бригаду перевести, где работа разнообразнее.

Толя строил завод «Молдавкабель» в Бендерах, потом снова вернулся в Кишинев, монтировал оборудование на заводах электрохолодильников, торгприборов, имени Котовского, искусственных кож... Год проучился на курсах повышения ква-



У АНАТОЛИЯ ПАСЕЧНИКА (ОН В ЦЕНТРЕ) И ЕГО ТОВАРИЩЕЙ ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ.

ГЕОМЕТРИЯ СТРОЙКИ.

лификации при политехническом институте и, наконец, сам стал бригадиром.

А складывалась бригада трудно. Желающих добровольно перейти в бригаду Пасечника почему-то не находилось. Даже Пантелей Иванович Скорцельский, с которым Толя на многих стройках работал, решительно отказался: «Твою бригаду на подхвате держать будут, а мне такая работенка ни к чему». Молодой бригадир хотел уже идти к начальнику управления, но понял, что приказом коллектив не создашь. Нужны друзья, единомышленники, готовые ради общего дела поступиться личным. И всем им, как и ему, начинать, наверное, лучше всего с «нуля».

Пасечник зашел в профессионально-техническое училище, готовившее электромонтажников, выложил все начистоту перед директором. И на следующий день в его бригаде работало уже десять подростков. Но они еще были практикантами, и к каждому из них бригадир присматривался, пытаясь разобраться в их умениях и характере. Потом пришли еще трое—из учебного комбината—ребята серьезные, надежные, уже прошедшие армейскую службу. Из комиссии по делам несовершеннолетних прислали «трудного» паренка, за которым Толя поначалу ходил как нянька. Но Саша Поляков, несмотря на свой ершистый характер, в работе был примерным и быстро стал квалифицированным монтажником.

Однажды на стройке появилась девушка, протянула бригадиру тоненькую ла-

дошку и важно представилась: «Клавдия Таппа, электромонтажник второго разряда». Пасечник долго рассматривал направление, выданное девушке учебным комбинатом треста, и не знал, как поступить: среди рабочих своей профессии женщин ему не доводилось встречать.

— И без того с планом зашиваемся, а тут еще девчонок присылают,—не выдержал Миша Борто, один из тех, кто остался в бригаде после окончания профтехучилища.—Здесь не танцплощадка.

— Может быть, Клава и не научит тебя танцевать, но ты научишь ее нашему делу обязан,—повернулся бригадир к Борто,—так что бери девушку под свою опеку.

Дела в бригаде поначалу не ладились. Не хватало опыта, да к тому же, как и предсказывал дядя Паша, молодых монтажников чаще других переводили с объекта на объект, бросали на «прорыв». Но Пасечник жаловаться к начальству не ходил, надеясь из такого положения извлечь максимальную пользу,—работа у монтажников была теперь самая разнообразная, а он по собственному опыту знал, что это дает возможность лучше изучить профессию. Он рассчитывал не на сегодняшний день, а старался заглянуть в завтрашний, всеми силами приближая его.

Электромонтажники обычно работают маленькими звеньями—по два, по три человека, и бригадир почти ежедневно менял напарников. Это позволяло ему, как за-

правскому учителю, объяснять на практике свои приемы, передавать новичкам свой опыт. Тогда же он впервые услышал о советах бригады и предложил ребятам создать такой же у себя. На первом же заседании совет решил, что каждый электромонтажник должен поступить на вечерние курсы повышения квалификации, получить разрешение на работу с электросварочным аппаратом и монтажным пистолетом. Не всем хотелось вместо кино или танцев идти вечером на занятия, но приказ об учебе отдавал не бригадир, которого порой можно было и ослушаться. Решение об учебе принимал совет, не дававший поблажки тем, кто пропускать занятия.

Уже через год молодые монтажники твердо стояли на ногах, им все чаще и чаще поручали ответственную работу, и хотя бригада еще не вышла в передовые, о ней отзывались с уважением и в управлении и даже в тресте.

В начале девятой пятилетки бригадир, оставив за себя Борто, поехал в управление. Целый день он сидел с экономистами и нормировщиками, высчитывая свое пятилетнее задание, исписывая колонками цифр страницы большого блокнота. Потом в бригаде провели собрание, долго спорили, рассчитывая свои возможности и возможности различных служб—снабженческой, комплектующей. Потому что, только отладив необходимое взаимодействие всех звеньев большого строительного конвейера (а звенья эти—изготовители материалов, поставщики оборудования, ком-

плектующие цехи), можно избежать простоев и тем самым значительно повысить темпы строительства.

— Мы дадим слово и не сдержим его по вине тех же снабженцев, а кто краснеть будет?!—шумел Борто.

— Пусть и они берут свои обязательства,—предложил Мамаевский,—вместе и отвечать будем.

— Каждый должен отвечать за свою работу,—заволновался Костя Шумский.—При чем здесь снабженцы?!

Пятилетнее задание монтажники обязались выполнить за четыре года.

— Провалишься ты со своими пацанами,—попробовал пророчествовать Андрей Логинов, с которым Пасечника связывала давняя дружба.—Это же еще детский сад, а не монтажники.

— Не волнуйся, Толя, вытянем,—вмешался Пантелей Иванович Скорцельский. И, встретив удивленный взгляд бригадира, дядя Паша торопливо добавил:—Возьми к себе в бригаду, постараюсь исправить свою ошибку.

Пасечник благодарно посмотрел на дядю Пашу, он давно чувствовал, что в бригаде как раз не хватает такого человека, который бы мог поделиться с молодыми рабочими не только мастерством, но и житейской мудростью, своим пониманием рабочего таланта и призвания. Ведь именно Скорцельскому обязан сам бригадир тем, что в один прекрасный день ощутил красоту работы электромонтажника и навсегда связал себя с беспоконной работой строителя, забыв о своей полудетской мечте стать учителем. Впрочем, разве бригадир не педагог?! Ему надо учить молодых монтажников мастерству, передавать им свои знания, готовить к самостоятельной работе и жизни. Может быть, не случайно дирекция профессионально-технического училища старается, чтобы учащиеся проходили практику именно в бригаде Анатолия Пасечника—в нем профессиональные педагоги видят своего коллегу. И Михаил Борто, демобилизовавшись из армии, требовал в отделе кадров, чтобы его направили только в родную бригаду. А первый бригадир Анатолия привел к нему своего сына и попросил: «Возьми к себе моего парня, у тебя он быстро человеком станет».

Поэтому никто не удивился, когда первый секретарь ЦК комсомола Е. М. Тяжельников вручил знак ЦК ВЛКСМ «Наставник молодежи» двадцативосьмилетнему бригадиру Анатолию Пасечнику.

В середине семьдесят первого года бригада Пасечника впервые завоевала классное место среди комсомольско-молодежных коллективов треста и с тех пор ни разу не уступала его.

— Мы никогда бы не добились успехов в соревновании, если бы постоянно не думали о повышении производительности труда,—считает бригадир.—А постоянный рост производительности—это и укрепление трудовой дисциплины, и лучшая организация работы, и возросшее мастерство членов бригады. Мы стараемся работать так, чтобы каждая смена становилась рекордной. Бригадные рекорды—своеобразные ступеньки, по которым монтажники поднимаются вверх, к цели. А цель у нас сейчас одна—как можно лучше завершить пятилетку, чтобы подготовить партийному съезду достойный подарок.

Свое пятилетнее задание бригада выполнила одной из первых в республике. За это достижение она была занесена в «Летопись комсомольской славы».

Вечером, когда Анатолий распределял ребят по звеньям и объяснял задания на завтрашний день, рядом с бригадным штабом резко затормозил грузовик. Из кабины выскочил мастер Леонид Молдавский и, не успев подняться в вагончик, объявил новость:

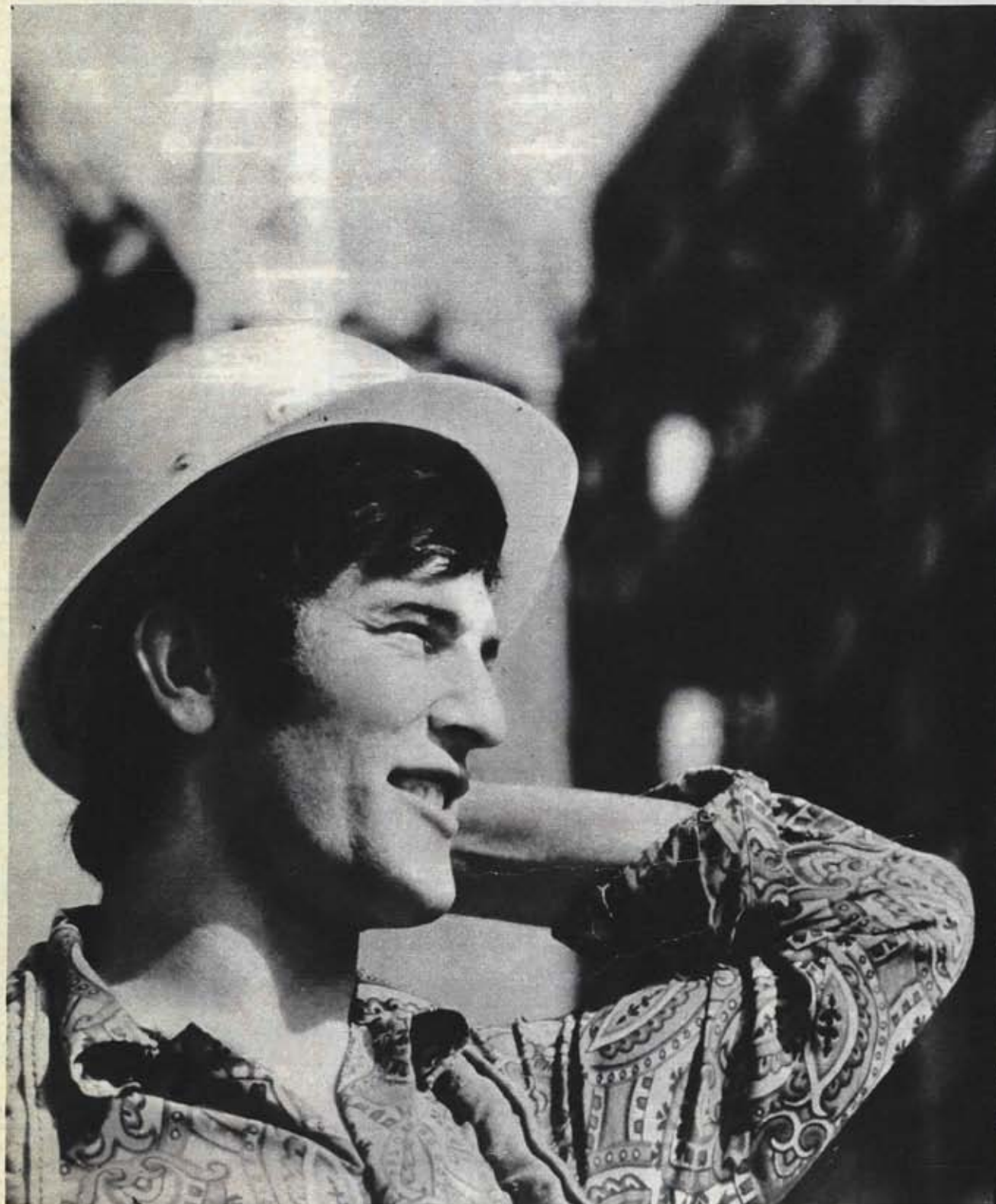
— Через неделю приемная комиссия по-жалует.

— Ну и что?—тихо спросил Пасечник.—Пусть хоть через день приходит. Завтра кончаем.

— Выходит, вы двухмесячный план за две недели выполнили!—удивился Молдавский.

— Выходит, так,—засмеялся Гриша Карцин и повернулся к бригадиру:—Может быть, а завтра светильниками займусь, а с трансформатором ребята вдвоем справятся?

Они хорошо умеют считать, эти молодые монтажники, для них экономика строительства—это не только проценты выполнения плана, но и вовремя подставленное плечо друга, и решимость проложить свою тропу к вершинам мастерства, и бесконечный поиск производственных и человеческих резервов.



МОНТАЖНИК ГРИГОРИЙ КАРЦИН.

ЗАВОДСКОЙ РАДИОН

Бука гордо стоит на столе. В нем полметра роста, на груди горят награды. Он желтый, как Буратино, потому что тоже деревянный. И так же, как Буратино, многое умеет делать, а разговаривает даже более вежливо, чем сынок папы Карло.

Когда раздается телефонный звонок, он аккуратно снимает трубку и говорит:

— Квартира Тормозовых. Отвечает электронный секретарь Бука. Хозяев нет дома. Прошу сказать, кто звонит и что передать.

Бука терпеливо слушает тридцать секунд, после чего сообщает:

— Я все записал, спасибо, до свидания.

Магнитофонная лента хранит изумленные ахи. Кто-кто? Электронный секретарь? Господи, это робот, что ли? Но удивляются только те, кто звонит впервые, а друзья и знакомые давно знают, что у Тормозовых надо быть готовым ко всему. Позвонишь в дверь, а тебе ответят нечеловеческим голосом: «Хозяев нет дома. Говорит электронный секретарь Атос».

Теперь Атос работает больше, чем Бука. Хозяин отправил деревянного робота, как он выражается, на пенсию. Хватит, поблестал на всесоюзных и иных выставках, наполучал заслуженных наград — отдыхай. Иногда только, по праздникам, мигает он зелеными глазами для увеселения гостей или, если «велит» хозяин, включает звонок будильника в указанное ему время, настраивает и выключает приемник.

В этой квартире всюду какие-то чудеса. Лежит на кресле белый предмет. Похоже, электробритва? Нет, это целый пульт дистанционного управления телевизором. И транзистор здесь не просто транзистор, у него есть приставка и кнопки, которые позволяют ему работать по программе, заданной хозяином. И сделано это все руками Иосифа Тормозова в основном из старых приборов, бросовых болтиков и других железок.

Интересно! Но и это еще не все, чем способен Иосиф Тормозов порадовать гостей. А гости у него сегодня — Сергей Бурыкин, Александр Сергеев и я. (Эти трое мужчин работают на авиационном заводе и живут в заводских домах, в районе, называемом смольянами Покровкой. Сергей — разметчик, Александр — технолог, а хозяин дома — заведующий лабораторией.)

На стене три акварельных портрета. Манера исполнения вполне реалистическая, но что-то в рисунках есть особенное, ни на какие манеры не похожее. Кто автор?

Иосиф, вертя в руках какую-то гайку (он говорит, что эта привычка уже, наверное, на всю жизнь — обязательно вертеть что-нибудь в руках; разговаривать, слушать — и свинчивать, разъединять, монтировать), объясняет:

— У меня как-то был простой. Туго было в магазинах с радиодетальками. Дай, думаю, научусь рисовать. Это первые работы.

В портретах есть такая основательность, что с трудом верится, будто они первые. Но бывают же люди, одаренные не одним талантом!

А кто вырезал эти выразительные фигурки из белой, даже на вид мягкой липы?

Хозяин, проглядывая какую-то шайбочку на свет, опять говорит:

— У нас с другом Володей Орловым как-то был простой. Он говорит: «Давай научимся из дерева фигурки резать...»

Про чеканки, которыми плотно увешаны две

Лина ТАРХОВА,
специальный корреспондент
«Смены».

7. ЧЕМ ИЗМЕРИТЬ ВРЕМЯ?

стены, я уже не спрашиваю. Опять, наверное, не было деталей.

Про чеканку спрашивают Сергей и Саша. Они за тем и пришли, чтобы увидеть, как это делается. Иосиф выкатывает из-за шкафа тумбочку, накрытую толстым куском резины. Это его рабочее место, когда он чеканит. Мужчины склоняются над ящиком с инструментами, перебирают чеканы, вникают в тонкости «производства».

Иосиф бежит на кухню.

— Лучше всего чеканить на свинце, — кричит на ходу, — у меня есть замечательный кусок свинца. Вечно его жена куда-то приспособит...

Гремят кастрюли. Наконец слиток обнаружен и положен на резину. А сверху — тонкий, весь в пятнах, лист меди. Цок-цок молоточком по чекану, цок-цок еще и еще. Мы не успеваем следить за движениями Иосифа и потому, хоть видели все с самого начала, удивляемся, когда на металле вдруг возникает тюльпан.

Если бы Иосиф сейчас сказал, что владеет искусством игры на кастаньетах или плетения корзин, я бы не удивилась.

— Вы уж скажите сразу, что еще умеете, — прошу его. — Убивать, так наповал.

— А я все умею.

Иосиф произносит это совершенно серьезно, даже деловито.

— Может, это и нахальство, но я всегда говорю, что все могу, все умею. Не лично я, Иосиф Павлович Тормозов, а человек, любой человек. Все можно научиться, если очень захотеть. Я убежден, что в человеке заложен миллион талантов...



т этого дома до озера Скворцова дача километр, ну, может быть, два. А кажется, что бесконечность. Вернее, бесконечность пролегла между ребятами, которые по-своейски похлопывали Буку по лакированному плечу, и теми...

Они прибыли на мотоцикле. Один сидел на багажнике, вцепившись побелевшими руками в водителя, а восемь человек тряслись на прицепе, напоминавшем телегу. Машина шикарно взлетела на высокий берег, пассажиры раскатились по земле, как арбузы, а на прицепе остался только один, его и помчал мотоциклист дальше, в гору, зверски мотая на колдобинах. А свалившиеся перед этим подъемом азартно наблюдали.

— Во! Дает земля!

— Свалится, точняк!

Восторгу не было предела, когда «земля» наконец угодил в кювет. И сразу же компания перестала им интересоваться, тем более, что в поле зрения

появились две дамы с догом необыкновенной красоты и благородства.

Один из парней (позднее мы узнали, что зовут его Виктором) подбежал к собаке, протянул к ее морде дрожжащие руки. Дог брезгливо дернул черной губой и отвернулся.

— Он не любит пьяных, — сердито сказала хозяйка.

— Да разве ж я пьяный? — удивился Виктор. — Нет, разве я пьяный? Просто культурно отдыхаю.

...Компания разбилась на кучки, утихла. Ждали гитару, послали за ней самого молодого. Кто-то мокнет в озере, кто-то развалился на единственной уцелевшей скамейке (каждое лето их десятками устанавливают в районе Скворцовой дачи, и каждое лето их топят или сжигают хулиганы).

А мы разговариваем с Виктором и выбравшимся наконец из кювета Владимиром Голубевым. Оба они рабочие завода торгового оборудования. После смены, как обычно, пришли сюда.

— И вчера так отдыхали?

— Нет, вчера лучше было. Мы жгли костер и прыгали через него, — басит Голубев, приземистый парень в запыленной кожаной куртке.

— И завтра так же будете отдыхать?

— Как можно так же? — Их даже обижает подобное предположение. — Завтра суббота, возьмем рикшу — мотоцикл, по-вашему, — и поедем в Красен бор пить пиво из бокалов.

— Из фужеров, — наставительно поправляет его Виктор.

— Поедем пить пиво из фужеров.

Им смертельно скучно. Гитары все нет, хмель выветрился из голов, дог ушел, последняя урна сброшена в озеро еще вчера. Взгляды лениво шарят по берегу. Хоть бы что-нибудь примечательное появилось, хоть бы кошка какая-нибудь...

— Ой, не могу, как мы кошек один раз хвостами связывали...

Десять здоровых, нормальных — у каждого две руки, две ноги, голова на плечах — парней на глазах окружающих медленной смертью умирали от безделья.

— Если уж сами не можете ничего интересного придумать, — продолжал разговор, пытаясь понять, как они сами оценивают свой сегодняшний вечер, — пошли бы в клуб или театр...

— Я был один раз в театре, — отзывается Виктор скорбно, — от тоски чуть не скончался.

Если отвлечься от законных в этом случае отрицательных эмоций (в самом деле, разве достойное это человека состояние — пьяное безделье?), то невольно задумаешься над такой странностью человеческой психики: мы ни друзьям, ни театру, ни телевизору не простим, если нам будет скучно, а себе — всегда пожалуемся. Трудно представить, что в тот единственный вечер, когда Виктор оказался в театре, ему было тоскливее, чем сейчас, среди задремавших на зеленом берегу приятелей. И все же цепко держит тот случай в памяти, боится повторить опыт и десятки, сотни вечеров проводит без пользы, без смысла, без интереса.

В чем здесь дело? Может быть, в том, что от театрального вечера Виктор ожидал чего-то запоминающегося, особого (в конце концов деньги заплачены), а от будничных, когда он развлекает себя сам, — нет?

Уже давно социологи не без основания пишут, что современный человек, особенно молодой, прежде всего ценит в работе возможность творчества. Недовольство характером труда — главная

причина текучести кадров сегодня. Кстати, и Голубев в свое время работал на предприятии, где ему не понравилось: «Я там ящики грузил. Каждый день одно и то же. Ушел».

Вот так: если каждый день одно и то же, это не устраивает, если же каждый вечер, годится вполне. Но ведь наше свободное время — выходные дни и будничные вечера — дает такой же простор для творчества, что и рабочие часы, и любой свободный вечер может стать при желании чудом фантазии и импровизации.

Когда я в первый раз пришла в этот дом, на стене самой большой комнаты висели детские рисунки, над ними плакат: «Выставка произведений Юлии Чернової». Юное дарование в возрасте четырех лет сидело в креслице с перевязанным по случаю ангины горлом (выставку для того и устроили, чтобы Юле не так горько было болеть) и охотно комментировало свои произведения. На столике лежала тетрадь в линейку для отзывов, полная уморительных записей «посетителей». Было это лет десять назад, а помнятся и рисунки и записи, потому что больше не приходилось мне бывать на такой замечательной выставке. Запомнился и весь вечер, проведенный в том доме. Тогда разговор с хозяйками, начавшись полусерьезно, с обсуждения творческой манеры четырехлетней художницы, продолжился всерьез — о природе творчества вообще. Из богатейших шкафов были извлечены редкие книги — работы психологов, дневники и письма художников. Я узнала новые имена, я стала богаче в тот вечер.

А вот как праздновали в том доме день рождения хозяйки. На стене, которую до этого занимали детские рисунки, были развешены фотографии именинника с колыбельного возраста до наших дней. Гости — те, кому этого хотелось, — придумали к снимкам подписи, и самые остроумные из них были под общим хохот оглашены. Победитель получил специально отлитую шоколадную медаль с соответствующим текстом.

В разгар застолья, когда именинник начал слегка зазнаваться от хвалебных тостов, жена его и подросшая дочка спели очень смешные частушки, в которых со всей прямотой были отражены не только достоинства именинника, но и отдельные недостатки.

В продолжение всего вечера с полной нагрузкой работала «Бесильная» — комната, где были приготовлены аттракционы и розыгрыши и где взрослые и дети могли делать все, что им заблагорассудится. Кстати, взрослых в той комнате было значительно больше, чем детей, — оказалось, каждый немножко ребенок. Все мы стали моложе в тот вечер.

А уходя из дома Иосифа Тормозова, я почувствовала, что мои представления о человеческих возможностях значительно расширились. Я и раньше знала о существовании умельцев, творящих удивительные технические чудеса, но одно дело — знать понаслышке, другое — самой услышать, как говорит лупоглазый робот, и увидеть, как одни и те же руки привычно включают его глаза-мигалки, чеканят медь, режут дерево.

А чем одарил т от вечер Голубева и его приятелей, что оставил он в памяти? Брезгливую гримасу дога?

Мы сообразили в обкоме — первый секретарь Смоленского ОК ВЛКСМ Николай Булдаков, заведующий отделом пропаганды Виктор Борисов, секретарь Заднепровского райкома комсомола Юрий Юрьев и я. Обсуждали все ту же проблему свободного, «неорганизованного» вечера.

Одним из первых встал вопрос: почему молодые люди так по-разному воспитаны? Живут-то ведь в одно время, на одной земле...

— Я знаю Голубева, — сказал Юрьев, — наш райком в свое время с ним возился, но, видно, мало. Так вот, родители у него такие, что не могли дать ему в детстве верного направления. Это не оправдание, а попытка пролить свет.

Но она ничего не объясняет. Потому что родители Иосифа Тормозова тоже немножко могли научить сына: отец имел за плечами четыре класса церковно-приходской школы, а мать и того меньше. Иосиф начал мастерить не оттого, что кто-то за руку подвел его к этому. «Я это от безвыходности, — говорит он, — игрушек в то время не было». Володя Голубев рос в более благополучное время, когда игрушки перестали быть проблемой. Выходит, дело не только в родителях да и не во времени. Дело в человеке. Все мы до определенного момента живем, как живут люди рядом, по законам своей, узкой, среды, но рано или поздно приходит необходимость решить, хотим ли, можем ли жить по этим законам и дальше. Ответ зависит только от нас. И оправдания типа «он такой потому, что дружки такие» или «родители такие» применительно к взрослому человеку смехотворны. Так же, как и традиционный

вопрос «А где была комсомольская организация?» должен звучать во вторую очередь. Сначала: а где был ты сам, когда скатывался к пьянству, прозябал в лени? Но спросить об этом Виктора и его приятелей не удалось: в тот вечер они были «не в форме», а в райком, куда их пригласили, не явились.

И потому мы обсуждаем только второй вопрос — о роли комсомола. Не только применительно к этому случаю, а шире: что вообще может сделать комсомольская организация в таком деликатном деле, как неорганизованный отдых молодежи.

— Прежде всего давайте договоримся, — говорит Николай Булдаков, — что эта работа ни в коей мере не должна подменяться контролем за тем, что именно делают ребята по вечерам. Человек в свободные часы хочет быть предоставлен самому себе и пускай себе наслаждается этой свободой. Но мы должны так его воспитать, чтобы быть спокойными за него в любой ситуации. Это — в идеале. Если же смотреть на вещи реально, то оказывается, что на предприятие приходят, как правило, сложившиеся люди, пусть им только по семнадцать лет. Правда, в первое время они психологически готовы к переменам, готовы принять законы нового коллектива, и проронить этот момент — иногда значит проронить человека. И все же воспитание потребности жить интересно, отдыхать с пользой для души и ума следует начинать с детства. С малых лет нужно воспитывать эстетические и этические запросы, если можно так выразиться, обучать разным полезным навыкам. Комсомол же обязан принять эту эстафету и довершить формирование духовного мира, вкуса подростка.

В частности о вкусе. Сейчас из-за повального увлечения гитарой, когда играть берется любой, требовательность слушателей резко снизилась. Играет какой-нибудь «лабух», пальцы мимо струн, а все благосклонно слушают. Потому что гитара и такой, с позволения сказать, стиль исполнения — это модно. Данью моде отдает и небрежность некоторых юношей и девушек в отношении друг с другом, грубость и разухабистость в обращении со старшими. Мы должны создавать свою моду, благо смолянам есть на чем ее «заквашивать». Наши земляки — Глинка, Исаковский, Твардовский...

Проблема воспитания вкуса молодежи не мелочь. Мы все это понимаем, но, если быть честным, не всегда руки доходят. Чаще другие заботы ододевают. Вот сейчас, например, все силы отнимает сенокос, — заканчивает свою мысль Николай Булдаков.

Смоленский обком комсомола серьезно занимается проблемами, о которых шла речь, их поделовому обсуждали на специальном пленуме. Там правильно понимают задачу, и нужно только, чтобы руки скорее дошли, тем более что у комсомольского актива найдется множество добровольных помощников среди артистов местной филармонии, драматического театра, творческой интеллигенции.

В Смоленске живет удивительная женщина, Ирина Константиновна Джаврова — микробиолог, доцент медицинского института и одновременно заслуженный работник культуры РСФСР. Уже много лет она с одинаковым успехом ведет научную и педагогическую деятельность и руководит двумя кружками — биологии и хореографии. Последний не так давно преобразован в народную студию, балетный спектакль которой «Далекое — близкое» с восторгом принят смолянами.

К Ирине Константиновне меня привели те же вопросы, которые обсуждались в обкоме.

— Что может сделать общественность? — живо переспрашивает Ирина Константиновна. — Я думаю, правильнее поставить вопрос таким образом: что нужно сделать с общественностью? Ее нужно беспощадно эксплуатировать. Мы с коллегами читаем в институте лекции по истории архитектуры, балета, других видов искусств. Но только для студентов. В студии тоже большинство будущих медиков, хотя есть и рабочие: Галя Рыжкова, Люда Мышкова, например. У меня все дни забиты до предела, не помню, в каком году последний раз включала телевизор, но я готова выехать с нашей студией на любое предприятие, выступить на любой площадке города и области, если нас пригласят.

Будем надеяться, что приглашение не заставит себя ждать и что оно будет адресовано не только балетной студии, а всем тем талантливым людям Смоленска, которые готовы поделиться своими знаниями и душевным огнем с другими. Ведь речь идет не просто о воспитании любви к балету или радиоделу, речь о большем — о судьбах людей.

...Прощаясь с Иосифом Тормозовым, я спросила: — Вам знакомо, что такое скука?

— Скука... Да нет. Бывает досадно, трудно, но скучно — никогда.

Последнее, что я услышала, уходя от берега Свирцовой дачи, был интуитивный вздох Голубева:

— Ску-учно! Что ж гитару-то не несут?

ПРИКОСН К ВОЙНЕ

Виктор РОЗОВ,
лауреат Государственной премии СССР.

Я пишу не о событиях, не о явлениях природы и общества, не о предметах и даже не о людях, а только о своем чувствовании мира, о жизни человеческого духа. Моего духа. Я хочу вспомнить, что я чувствовал в такое-то время, в таком-то случае, при виде этого, при встрече с тем.

Я назвал эти заметки «Прикосновение к войне», потому что к войне я именно только прикоснулся. Я принимал участие всего-навсего в одном бою, был в нем тяжело ранен и сразу же выбыл из войны в собственном ее смысле. Все остальное было только подготовкой к этому бою, а потом госпиталь и тыл.

Однако даже прикосновение к войне обжигает и оставляет рубцы. Во время войны я получил много новых, удивительно сильных и совершенно неожиданных впечатлений. О них-то я и расскажу.

Мы, актеры Московского театра имени Революции, были на гастролях в Кисловодске... При встрече с Кавказом я тоже испытал сильнейшее и даже необыкновенное чувство и не могу о нем не рассказать.

Театр поехал сначала в Сочи. Было это в конце апреля 1941 года. Душа моя в тот год была истерзана битвой за жизнь. Полугодное существование, плохое положение в театре — я никак не мог продвинуться дальше актера вспомогательного состава, — а главные, бурные нелюбви. Все было не только серо, тускло, но и беспросветно. У меня над кроватью висел лист бумаги, расчерченный на 365 квадратиков, и я вечером перед сном раскрашивал каждый квадратик — прожитый день — в свой цвет. Их было три: красный, серый и черный. Иногда они чередовались, иногда шли полосами — один цвет подряд. Сейчас образовался такой беспросветно черный ряд, которого не бывало никогда. Измученный бессонными ночами, загнанный, истерзанный, злой, погруженный в глубокую безнадежность, под холодным мерзким дождем, который в Москве прыскал уже несколько суток без передышки, с драным чемоданом я пересек площадь у Курского вокзала, спустился в тоннель, затем вылез на платформу (о, этот глупый и тоже мерзкий Курский вокзал с лазаньем вверх-вниз, как будто сделанный нарочно для мучения людей!), втащился в вагон и, ни с кем не разговаривая, ни на кого не глядя, забрался на верхнюю полку и уснул на голой доске. Мне хотелось провалиться в сон. И я провалился. Долго ли, коротко ли я спал, не знаю, не чувствовал. Спал беспросветно, без снов, намертво. Когда проснулся, не хотел открывать глаза, боялся их открыть. Во сне было хорошо, во сне ничего не было, а сейчас открою и — снова начнется ад. Медленно и лениво открываю.

Поезд стоит на полустанке. И первое, что увидел за окном, — ветку цветущего миндаля, яркую зелень деревьев, голубое небо и беспредельную синеву моря. Это было так сверкающе прекрасно, что мне показалось: я проснулся в другом мире. В мгновение ока, нет, я даже не успел сделать этого мгновения оком, какая-то высочайшая волна радости окатила меня с головы до ног и подняла ввысь. Я услышал голоса своих товарищей, их смех. Мне сделалось милым все.

ОВЕННИЕ



Рисунок Вениамина КОСТИЦЫНА

из-под мороженого шампанское и с криками «ура» выпили. Назовите это мальчишеством, глупостью, идиотизмом, как угодно, но это было именно так. Именно это теперь меня и поражает, потому что сейчас, когда мне много лет, когда у меня дети, когда я знаю, заряд какой разрушительной силы кроется в слове «война», я бы не побежал в кафе, я бы не дурчился, не смеялся, а, обхватив голову руками, мучительно думал, как спасти детей. Но тогда вот эта-то необычайность — началась война! — сделала жизнь еще более интересной и любопытной: я узнаю, что такое война. Вроде повезло.

Вечером 22 июня мы играли спектакль в Пятигорске. Казалось, все на своем месте. Актеры надевают нарядные испанские костюмы (в этот вечер шла «Собака на сене» Лопе де Вега), гримируются, бутафоры раскладывают по местам необходимые вещи, стучат молотками рабочие сцены, в зрительном зале сверкают зажженные люстры... Но мы полны любопытства: придет зритель в театр или не придет в этот странный и непонятный день. Всегда набито битком.

Третий звонок, постепенно тухнет свет в зале. Смотрю в щелку. Пустых мест около половины. И эти пустые стулья почему-то вселяют в душу тревогу. Первая тревога.

Спектакль идет как-то необычно. Те же слова, те же мизансцены. Но все вдруг обретает какую-то бессмысленность. Началась война, а тут какая-то графиня де Бельфлер занимается глупостями: можно ей любить своего секретаря Теодора или не можно, уронит это ее графскую честь или не уронит. Ну кому до этого дело? Началась война! Играем — и какое-то чувство стыда.

После окончания спектакля, разгримировавшись, выходим из театра и... попадаем в крошечную тьму. Что такое? Почему не горят веселые вечерние огни Пятигорска? Приказ: свет в городах не включать, вражеские летчики ничего не должны видеть, если окажутся над городом. Война идет где-то там, за тридевять земель, за тысячи километров от нас, но дыхание ее сразу же дошло сюда, до тихих, божественных Минеральных Вод. Тревога номер два. Шаримся во тьме, держась за руки и окликая друг друга. Южные ночи черны.

А на следующий день под звуки оркестра идут новобранцы. Мы выскакиваем из театра и видим эту картину. Оркестр гремит звонко, трубы поют в ясном, солнечном воздухе. Но почему в привычном ухе марше слышится какая-то чеканная сухость и тревога? Так, да не так. А еще рядом быстро идут, почти бегут матери и отцы марширующих к вокзалу новобранцев. Тревога! Тревога номер три.

Много времени спустя, в 1942 году, после лечения в госпитале, ехал я, добираясь до дома, по Волге. Пароход причалил к Чебоксарам. Пристань была битком забита людьми, а сверх того толпа стояла на берегу. Это тоже провожали новобранцев. Пареньки моложе тех, что маршировали в Кисловодске, стали грузиться на пароход. Раздались прощальные слова, выкрики, всхлипы. Черная масса плотно скученных людей зашевелилась, закачалась, как одно большое, непонятное существо. Когда отдали трап, еще соединявший последней связью людей на пароходе с людьми на берегу, когда пароход стал отваливать, люди на пристани — отцы, матери, братья, сестры, невесты, друзья — вцепились руками в борта парохода, стараясь удержать его, не дать отвалить от пристани. Пространство между пароходом и пристанью становилось все шире. Тела стали вытягиваться над водой, но пальцы не разжимались. Матросы бегали вдоль палубы и отрывали эти руки от бортов. Через мгновение я услышал плеск падающих в воду тел, и река огласилась воплями. Пароход шел, а вслед ему несли этот единый многоголосый вой. Он тянулся за нами долго, как туман, как дым, как эхо.

Когда я писал в сценарии «Летят журавли» сцену проводов Бориса, я помнил и звуки оркестра в Кисловодске, и этот вой над Волгой, и проводы меня со 2-й Звенигородской улицы 10 июля 1941 года. Краснопресненская дивизия народного ополчения лавой плыла по ночным, темным московским улицам. По краям тротуаров стояли люди, и я услышал женский голос, благословлявший нас в путь: «Возвращайтесь живыми!» Эту реплику я в неприкосновенности отдал бабушке в пьесе «Вечно живые». Она заканчивает первый акт драмы.

До этого выхода из Москвы с первого дня войны возник и лично мой нравственный вопрос: где должен быть в это время я? Собственно, вопрос этот не мучил меня долго, он возник и немедленно был решен: я должен идти на фронт. Это было продиктовано не чувством патриотизма и тем более какого-либо желанием проявить себя на военном поприще. Мне просто было бы стыдно оставаться в тылу в то время, когда мои сверстники были уже там. Я повиновался чувству внутреннего долга, обязанности быть там, где всего труднее (подобная фраза есть в пьесе «Вечно живые», ее произносит уходящий на фронт Борис).

Я не знаю, как воспринял это мое решение отец. Никогда до самой своей смерти он не обронил об этом ни одного слова. Да он и не мог бы сказать «нет», хотя сам прошел через все 1914—1918 годы с боями, ранением и пленом. Этого ему не разрешил бы его отцовский долг. Но он и не сказал бы «да» как знак одобрения. Отец был очень суров, и сентиментальность была ему решительно чужда. Да и слова одобрения в подобных ситуациях произносятся только со сцены или на собраниях чужими людьми. «Слова солгут, молчанье скажет все» (Шекспир).

Моя любимая девушка поправляла волосы перед зеркалом, когда я вошел и объявил, что ухожу в армию. Не отрывая глаз от своего хорошенького личика, не поворачивая головы в мою сторону, она бесечно произнесла: «Да? Какого числа?» Я назвал дату, и мы перешли к разговорам на другие темы.

Мне могут сказать: что, собственно, особенного, товарищ Розов, в вашем поступке? Десятки тысяч других юношей и девушек распорядились в эти дни и годы своей судьбой точно так же. Да, и из театра Революции мы ушли на фронт довольно большой группой. А когда нас, ополченцев Красной Пресни, выстроили во дворе школы на 2-й Звенигородской улице (теперь она называется улицей Народного ополчения) и командир отчеканил: «Кто имеет освобождение от воинской

и вагон, и друзья, и их смех, и это счастье за окном — цветы, небо, море. Вся моя черная хандра, вся тяжесть невзгод — все исчезло, как по взмаху волшебной палочки. Я снова сделался счастливым. Меня просто распирало счастье! И я чувствовал: это не на минуту, не на день, это уже навсегда.

Такое полное и глубокое постижение жизни, ощущение, что ты сам есть вся жизнь, часть всего мира — и часть и целое, — бывало со мной редко, но произывало всего насквозь и надолго. Первый раз это случилось, когда я однажды днем шел по Гоголевскому бульвару и в меня, как в мальчика Кая из сказки «Снежная королева», вдруг влетел осколок волшебного зеркала, только доброго зеркала. Я даже остановился, опешил. В одно мгновение я испытал невыразимое счастье всей жизни, с ног до головы.

Именно это повторилось при встрече с Кавказом... Таким образом, предвоенные дни сделались днями радости.

Из Сочи театр переехал в Кисловодск. Моря нет, все не так пышно, но тоже поглотило целиком своей мягкостью и величием. А тут еще рядом Пятигорск, весь пропитанный

Лермонтовым. И сверх того незадолго до 22 июня на труппе прочли веселую, даже блестящую комедию в стихах — «Давным-давно» Александра Гладкова. Также приятно. Бабанова будет играть Надежду Дурову, Лукьянов — Раевского. Мы, молодежь, всегда взволнованно переживали выпуск спектакля — от читки пьесы до премьеры. Событие! Все отлично!

Тут бы написать: и вдруг все перевернулось, началась война.

Так, да не так. Пожалуй, первое чувство, которое я испытал, когда услышал о начале войны, — острое любопытство, как перед ожиданием какого-то грандиозного представления. Что-то теперь будет, ай, как интересно! Глаза мои раскрылись шире в ожидании. Я увидел, как в первые же часы люди стали быстрее ходить по улицам, почти бегать. Возникло всеобщее возбуждение. Мы, молодежь театра, тоже были как-то взвинчены, возбуждены... Огромной шумной и веселой компанией мы ринулись в кафе-мороженое отмечать это совершившееся, но невидимое всем нам событие. Мы хохотали, остряли, дурачились и закончили «торжество» тем, что разлили в высокие металлические вазочки

Мы в вагонах-теплушках. Поезд тянет набитые телами вагоны медленно. Налет авиации. Стоп! Скрежещут колеса, тормоза. Кто на ногах, выскакивает в лес. В раздвинутые двери нашего товарняка вижу, как лес взлетает корнями вверх. Убежавшие мчатся обратно в вагоны, а мы — лежащие — только лежим и ждем. Смерть так и носится, так и кружит над нами, а сделать ничего не можем. Пронесет или не пронесет?

Бомбежка окончена. Едем дальше. Тишина. Куда-то приехали. И вдруг... Приятная, нежная музыка. Где это мы? На каком-то вокзале в Москве. На каком — так до сих пор и не знаю. Кто на ногах, идет на перрон. И у одного вернувшегося я вижу в руках белую булку. Белую, как пена, нежную, как батист, душистую, как жасмин.

Белая булка и музыка.

Как, они здесь заводят музыку? Едят белые булки? Что же это такое? В то время как там ад, светопреобразование, здесь все, как было? Да как они могут?! Как они смеют?! Этого вообще никогда не может быть. Никогда. Белая булка и музыка — это кощунство.

Этот вояж в теплушке до Владимира, где нас выгрузили, продолжался шесть дней.

Жизнь между небом и землей. Ходячий здоровенный солдат с перебитой рукой в лубке, небритый и растерзанный, стоит надо мной, смотрит. Что смотрит — не знаю. Уж, поди, нагляделся на умирающих.

— Чего тебе надо? — вдруг спрашивает он.

Чего мне надо? Ничего не надо. Так и отвечаю.

— А чего хочешь? — хрипло спрашивает он.

— Сладкого хочется.

Парень здоровой рукой лезет в карман зелено-серых военных штанов, достает грязный носовой платок и начинает зубами развязывать узелок, завязанный на конце этого платка. Развязывает медленно, деловито, осторожно. Развязал и бережно достал оттуда маленький замусоленный кусочек сахара.

— На, — протягивает он мне свое сокровище, свою драгоценность, свой клад. — Съешь.

Спасибо тебе, милый солдат! Жив ли ты, хорошо ли тебе, если жив? Хорошо бы — хорошо!

18 июля 1942 года я выписываюсь из казанского госпиталя. Жара. А я не только в гимнастерке — в шинели. За плечами вещевой мешок, руки на костылях. Пот льет обильно, струйками бежит по лицу, стекает за воротник вдоль всего тела. Доскакал до трамвая и еду к пристани через весь город по дамбе. Это теперь красавица Волга вошла в Казань, и берега ее оделись в камень, а тогда... Трамвай битком набит людьми, отчего жара совершенно нестерпима. Кажется, едешь бесконечно.

Приехали. Слез с трамвая, иду к пароходам. Их два, и оба идут на Астрахань. Туда-то мне и надо. «Коммунистка» и «Гражданка». Стою на обрыве и решаю вопрос. Если пойду на «Коммунистку», уеду через тридцать минут. Если на «Гражданку», она отходит только вечером. Но до «Коммунистки» надо идти метров триста лишних. «Гражданка» стоит рядом. Я еще никогда так долго не ходил на костылях и вообще почти год не ходил. Сил нет, и слабость выбирает «Гражданку». Плетусь. Костыли вязнут в песке. Вот они стучат по мосткам, и вот я на пароходе. Устроился.

«Коммунистка» пошла вниз. «Дурака свалил, что не поехал на ней. Уж плыл бы и плыл». Однако к вечеру и мы тронулись. Я прошел огонь, теперь прохожу воду. Кстати замечу, потом прошел и медные трубы. Они лежали на барже, на которой я эвакуировался из Махачкалы через Каспийское море, и по этим самым трубам я, как фокусник, ходил на костылях. Чего только не бывает на свете!

Милая моя Волга, дававшая мне столько детского счастья! В низовьях уже идет битва за подступы к Сталинграду. И в первую же ночь немцы бомбят пароходы и баржи, идущие по Волге. Наш белоснежный красавец срочно на ходу перекрашивается в серый цвет, чтобы не выделялся ночью на воде, не был для летчиков приметной мишенью. Чем ниже мы спускаемся, тем жарче чувствуется пламя войны. Вон плывут трупы. Вон с ревом вырывается пламя из пробитой бомбой и выбросившейся на мель нефтянки. Черный дым коромыслом перекинулся с берега на берег, и мы едем под ним, как сквозь черную арку.

Бежит к нам катерок. Что-то кричат, машут руками:

— Стойте!

Пароход судорожно шлепает плицами, давая задний ход. В чем дело? Немцы забросали Волгу минами, ехать нельзя. Ждите, когда выловят.

Ждем. Махнули флажком — едем. Вон они, мины, — рога-тые осьминоги, вывороченные на бок.

Каждую ночь пристаем прямо к берегу, где возможно. Бросаем длинные доски, и все пассажиры гуськом сходят на землю и скрываются в лесу. Идет бомбежка. Самолеты скребут небо. Бомбы падают редко и глухо. Бьет то по селению, то по барже, то наугад: где-то что-то ему померещилось.

Едем много дней. Трупов на воде все больше и больше. Сожженные селения попадают все чаще. Разбитые баржи, пароходы тоже. У всех одна мысль: попадет в нас или не попадет. Едем медленно, крадучись.

Вон еще один пароход прибил к берегу. До чего же черен бывший белый красавец! Вот уж поистине сгорел в дым. Ни одного стекла в окнах, только зияющие чернющие проемы. Один остов. Крупо не повезло кому-то. Проезжаем ближе, и я читаю дугообразную надпись над колесом: «Коммунистка».

Много-много лет спустя я попал в Казань и захотел побывать на могиле Лобачевского. Как-то нехорошо бывать в Казани и не пойти к этой могиле. Мы нашли памятник великому русскому математику, поклонились ему и уж было направились к выходу, как мое внимание привлекла большая группа однообразных могил с пирамидками, на вершинах которых были прикреплены пятиконечные красные звезды. Я спросил своих друзей-казанцев, чьи это могилы.

— Здесь похоронены раненые, которые умерли в казанском госпитале, — ответили мне.

Опять я испытал прикосновение чего-то холодного. Прилетела мысль: вот тут, на этом самом месте, в этой земле, мог бы лежать и я. Но я выжил и живу. Зачем? Почему судьба бережет меня? Что я должен сделать?

Евгений АНТОШКИН



Глухо Черное море вздыхает,
И смеется,
И плачет
Сквозь сон.
Солнце раннее отдыхает
За горою Хамелеон.

Вечно спорить с волнами

уставшие,
Под покровом крошечной тьмы,
Словно витязи задремавшие,
Обступили море холмы.

И, в ногах ощущая жжение,
Я карабкаюсь вверх,
Где апрель,
Словно токами напряжения,
Разбудил уже Коктебель.

И воды
Горький йодистый запах
Над горами плывет невесом.
И с востока опять

на запад
Катит море волну
колесом.
Словно камешек, в небо

заброшенный,
Утонувший в его глубине,
На одном из холмов

Волошин
Спит и видит море
во сне.

Вечность

Природа —
вечный твой учитель,
Как много тайн

хранит пока.
Хоть ты ее и повелитель,
Но ты —

в ее учениках.
О чем шумит сосна на взгорье,
О чем гудит

морской прибой?..
Все радости твои

и горе
С ее обручены судьбой.

И это
ничего не значит,
Что ты,
Взлетев быстрой копья,
Стремишься дальше обозначить
Уже границы бытия.

В морозный день
Иль ясным летом
Ты видишь:
Свет звезды дрожит...

А мысль —
Она быстрее света,
В твоих руках уже

лежит
Модель таинственной
Планеты.



Как письмам выцветшим,
гореть
Опавшим листьям.
Рисует осень в октябре
Резцом и кистью.

В ветвях колдует ветровой,
Все тропки спрятав,
Где след от туфельки твоей
Май отпечатал.

И стала красочней земля,
Как ты хотела.
Накидка тополя в поля
Вдруг улетела.

Теперь другие вести жди —
Ветра сквозные.
Пойдут торопкие дожди
И затяжные.

Еще над веточкой любой
Взгляд утра светел.
Но нашу первую любовь
Уносит ветер.

Иван БУРСОВ

22 июня 1941 года

Еще над колокольнею
знакомо

Кружились галки —
шумно и черно.

Еще смеялось на стене нардома
Название веселого кино.

Но что-то вдруг сместилось, как в тумане,
Под знойным солнцем весь базар продрог,
Как будто репродуктор возле бани
Дохнул морозом злым на городок.

Цедили липы свой медовый запах.
Кричали громко птицы —
не к добру...

И окна,
обращенные на запад,
Кроваво стекленели на ветру.



Бредя по случайным дорогам,
В каком-нибудь знойном овражке,
Бывает, сорвешь ненароком
Цветок многокрылой ромашки.

Ощупаешь пальцами, слепо,
И что-то в душе растревожишь.
Как дождиком с ясного неба,
Обдаст тебя чем-то хорошим.

Из прошлого
капелька меда
Печаль подсластит
и расцвет...
Не о тебе сейчас кто-то —
«Любит — не любит» — гадают.



С ауканьем
лето вломилось в леса.

В малиннике весело зною.
Просветы в листве,
как медвежьих глаза,
Наполнены желтизною.

Как печи, шершавые пни горячи.
Кроты задыхаются в норах.
Высокое солнце, ломая лучи,
Разводит костры на озерах.

Тепло подмывает небесную твердь,
Струясь над расплавленной рожью...
Птенцы оперились...
Им скоро лететь
По синему бездорожью.



В узких окнах тесно свету,
Бьются травы о порог...
Выхожу навстречу лету
В мир желаний
и тревог.

По-мльчишечки серьезен,
С майской радостью в очах.
Восемнадцать ранних весен,
Словно крылья
на плечах.

В близком небе
звезд засилье,
Но моей звезды там нет...
Не успел расправить крылья —
Унесло...
за сорок лет.

Юбиляры 1975 года



КОМСОМОЛ УЗБЕКИСТАНА НАГРАЖДЕН ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

Эргеш ГАФУРЖАНОВ,
первый секретарь ЦК ЛКСМ Узбекистана

Комсомол Узбекистана прошел большой и трудный путь от разрозненных комсомольских ячеек и кружков молодежи до одного из крупнейших отделов ВЛКСМ, объединившего в своих рядах полтора миллиона юношей и девушек. Республиканская организация мужала в бок с басмаческими бандами, набиралась рабочего опыта, соорудила Большой Ферганский канал, Чирчикский электротехнический, Ташкентский и Ферганский текстильные комбинаты.

Великая Отечественная война потребовала от нашей Родины величайшего напряжения сил, духа, стойкости. Не снижая темпов двоящего промышленного производства, комсомол республики послал на фронт две трети своего состава — 220 тысяч молодых воинов. Больше пилотов из них за пролитую в бок с гитлеровцами смелость были награждены орденами и медалями, 280 воспитанников Ленинского комсомола стали Героями Советского Союза.

В послевоенные годы комсомол вновь взял рабочую смену. Подлинными символами трудового героизма молодежи Узбекистана стали строительство Бектабальского металлургического комбината, Фархадской ГЭС, Ферганского гидроузла, Кокандского суперфосфатного завода. Руками десятков тысяч строителей были воздвигнуты новые промышленные города — Навои, Зерафшан, Алмалык, Газли.

Продолжая традиции отцов, нынешнее поколение комсомольцев Узбекистана все силы и энергию вкладывает в выполнение главных задач, стоящих перед трудящимися республикой. Эти задачи грандиозны. Одна из них — превратить сотни тысяч гектаров мертвой дустыни в плодороднейшие земли. Лучших своих воспитанников комсомол направляет на строительство оросительных систем, которые пробудят и жизни необъятные просторы Джизакской, Каршинской, Сурхан-Шерабальской степей. В добром большом деле на помощь узбекам приходили и приходят их братья — русские и украинцы, белорусы и эстонцы, молодые посланцы всех народов нашей великой многонациональной Родины. Так были в годы первых пятилеток, когда республика только набирала силы, закладывали фундамент будущих трудовых побед. Так было, когда в рекордные сроки вставал новый город на месте разрушенного землетрясением Ташкента. Так есть сейчас, когда трудовой гений людей разных национальностей воздвигает гигантские воздухопроводы и моря, каналы и тысячекилметровые трубопроводы.

Рассказать, даже упомянуть о всех славных делах молодежи республики невозможно, но есть отрасли, в которой неравнодушны все узбеки, от юной до великой. Это хлопок. Наша общая забота, общая гордость, наш национальный долг перед страной.

Комсомол Узбекистана всегда считал своей основной задачей быть в первых рядах битвы за большой хлопок. Это значит постоянно совершенствовать над внедрением комплексной механизации и хлопководства, активно содействовать подготовке механизаторских кадров, быть душой создания коллективных хлопководческих бригад — ударных отрядов этой важнейшей отрасли. Во всей стране известно имя воспитанницы Ленинского комсомола, Героя Социалистического Труда Турсунной Ахуновой, бросившей клич: «Девушки, за руль!». За Турсунной шли тысячи ее сверстниц, ставших ныне прославленными хлопкоробами, ударницами коммунистического труда, гвардейцами пятилеток. С каждым годом все больше и больше ручной труд уступал место передовой технике хлопководства, для внедрения которой так много делают молодые рационализаторы, конструкторы, рабочие Узбекистана. 5 миллионов 330 тысяч тонн «белого золота» — столько еще никогда не собиралось на наших полях — дала республика стране в прошлом году. Столько же намерена дать в нынешнем!

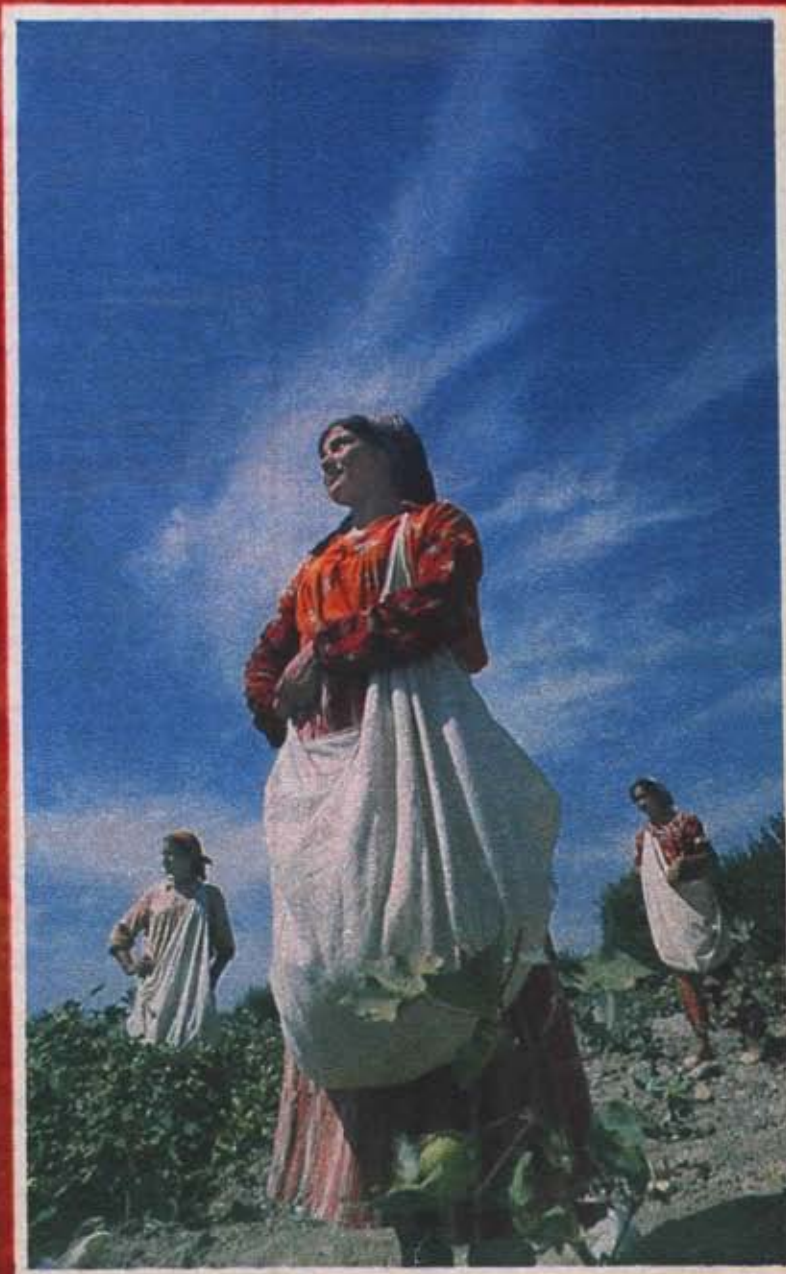
Накануне своего полувекового юбилея комсомол Узбекистана выступил с инициативой подготовить в этом году сотысячный отряд молодых механизаторов. Их знания и руки необходимы хлопководству.

Готовясь достойно встретить XXV съезд партии, комсомолы и молодежь города Ташкента стали инициаторами патристического соревнования под девизом «XXV съезду — XXV ударных декад». Итоги движения подводятся каждые десять дней. Коллективы, объявленные победителями, будут удостоены права поднимать трудовой рапорт партийному форуму. Одновременно молодежь республики изучает материалы партийных съездов, которым посвящены ударные декады, историю Коммунистической партии.

Высокая награда — орден Ленина за звание комсомола республики — это свидетельство того, что молодежь Узбекистана справляется с делами, которые поручил ему Родина. Это — свидетельство нашей трудовой и политической зрелости. Награда ко многому обязывает нас, комсомольцев, всех юношей и девушек республики. И мы не покажем сил для того, чтобы оправдать высокую оценку нашей работы.

ДЕНА 3

Алексей ВЛАДИМИРОВ,
Фото Сергея ПЕТРУХИНА.
Специальные
корреспонденты «Смены».



ОЛОТА

Возможно, они никогда не встречались и не знают друг друга — молодые колхозники и текстильщики комбината. Но им хорошо известно, что делают они одно большое дело. Весь хлопок, собранный в этот трудный сезон умелыми руками комсомольцев колхоза имени Ахунбабаева, попадет в такие же умелые руки молодых текстильщиков. Здесь, на Бухарском хлопчатобумажном комбинате, детище девятой пятилетки, тонны «белого золота» будут переработаны в тысячи метров ткани и готовой продукции придут к людям. Так молодые колхозники и текстильщики Узбекистана встречают знаменательное событие в жизни страны — XXV съезд КПСС.

Земля была сухая, как порох. Купол неба неподвижен и чист — ослепительно-синий в зените и белесоватоблеклый, точно на старом фарфоре, у горизонта. Далеко, за невидимым Зеравшаном, похожее в этот час на разрезанную пополам дыню солнце только поднимается, но всякий раз, когда райкомовский «газик» притормаживает на неровностях проселка, в открытые боковины тнлет горячий, пахнущий раскаляющейся пылью воздух. Кажется, чиркни спичкой — и вспыхнет земля.

Мы едем по земле колхоза имени Ахунбабаева, Свердловского района, Бухарской области. Кроме нас и водителя, в машине секретарь райкома комсомола Фархад Каримов и бригадир одиннадцатой комсомольско-молодежной Туймурад Джураев. Достаточно одного взгляда, чтобы понять: секретарь райкома ведет отнюдь не кабинетный образ жизни — на лице Каримова многослойный, всех сезонов, загар, какой крепко припечатывает полевому человеку среднеазиатское солнце. Лицо и руки бригадира тоже накрепко отмечены печатью климата и полевого образа жизни, но необычно голубые для узбека глаза под выцветшими, в рыжику ресницами делают Джураева похожим на русского крестьянина в страдную пору сенокоса. Но здесь сейчас другие заботы.

По обе стороны дороги тянутся до окоема зеленые строчки кустов с трехпалыми листьями, покрытыми глянцевитой пылью. Поля обрамлены прямыми рядами тутовника. Дорога замысловато петляет в этой сухой (в буквальном здесь смысле) геометрии; «газик» то и дело вползает на горбатые мостики, перекинутые через врыки. Иссохшие, в трещинах руслу только на самом дне хранят остатки мутной влаги; вода, кажется, съежилась в пальцем жаре, готовая вот-вот иссякнуть. На дорогу никто не смотрит — все внимание на прямых, узких линиях высыхающих арыков и бесконечных прямоугольниках полей, трещающих от жажды.

Секретарь и бригадир говорят по-узбекски, но, как постоянный удар гонга, повторяется в незнакомой речи одно сло-

во: «пахта» — «хлопок». В интонациях, с какой оба его произносят, тревога и надежда.

Смысл и причины этого тревожного ожидания стали понятны, когда, отпустив Каримова по неотложному делу в правление колхоза, мы вместе с бригадиром вышли на край хлопкового поля. В широколистой изгороди тутовника стояли пыльные кусты с раскрывшимися белыми коробочками. Хрупкая, беззащитная нежность выстоявавшего человеческого руками создания природы особенно остро чувствовалась в сухом, пальцем зное начинавшегося дня. Тем более тревожен был рассказ бригадира.

Нынешний год дал хлопкоробам особое испытание, самое суровое по здешним местам, — маловодье. Джураев не сказал, что такого не припомнят старики, хотя, по другим источникам, выходило именно так. Здесь, где и в лучшие сезоны на учете едва ли не каждый литр воды, с ранней весны каналы стояли почти пустыми; Амударья с трудом добиралась до устья и дать воду дальним районам Бухарского оазиса была уже не в силах. А лето ударило нарастающим жаром, земля трескалась, как стекло, и каменела. Случись такое лет сорок назад, люди должны были бы смириться с мыслью остаться без хлопка, но и сегодня катастрофа казалась неминуемой.

Это понимали все. Но в не меньшей мере понимали и требования времени: имя года — завершающий — говорило само за себя. И все же я подумал: каким же должен быть дух людей, чтобы в этих условиях, не теряя чувства реальности, взять не только план, масштаб которого не знали здесь за всю историю хлопководства, но и присовокупить к нему повышенные обязательства?! На что рассчитывала одиннадцатая комсомольско-молодежная, когда на своих восьмидесяти трех гектарах опаленной земли вместо плановых тридцати пяти центнеров с гектара обязалась собрать по сорок пять?

НА СОЛНЕЧНОМ КОЛХОЗНОМ ПОЛЕ БЕРЕЖНО ПЕСТУЮТ МАЛЕНЬКИЕ ПУШИСТЫЕ КОМОЧКИ — ОНИ СПРАВЕДЛИВО ЗОВУТСЯ «БЕЛЫМ ЗОЛОТОМ».



Риск, известно, дело благородное, но слишком дорогой была ставка, чтобы положить на эту шаткую категорию. Победу можно строить на точном расчете, но готовых формул для этого ни в каких известных справочниках не нашлось. Считали сами. Все возможное не один раз, казалось, до грамма было взвешено на бригадных комсомольских собраниях. Предлагалось многое, кое-что принимали, но еще больше отвергали. Момент был настолько серьезным и непохожим на прежнее, что главное, ударное оружие нужно было искать не в новых методах и рацпредложениях (хотя и их никто не отвергал), а в том, чтобы каждый поверил в свои силы, в возможности бригады так, как никогда раньше. Секретарь райкома и бригадир, приводя и тщательно анализируя примеры прошлых засушливых лет, не сулили ни одного легкого шага, но смогли убедить бригаду в том, что если уже и сделано все возможное, остаются еще невидимые сразу, подспудные резервы.

Так, с трудом созревало решение сделать немислимое, но когда его приняли, об отступлении никто уже не думал. Основной работы и источником энергии стали: комсомольский энтузиазм, культура труда, доведенная до совершенства, и точный на каждый день план, предполагавший, однако, неожиданности.

Они начались сразу: хлопчатник взошел не весь. Пересевать поздно. Оставалось одно: выпестовать (как скажешь иначе?) обильный — небывалый еще — урожай на каждом живом кусте!

Надо ли говорить о бессонных ночах, о работе в изнуряющий, сорокоградусный (это в тени, а в поле откуда тень?) зной. В срочном порядке бурили новые артезианские скважины, бетонировали каналы, чтобы не было потерь при фильтрации, не разгибая спины, рылхили и рылхили междурядья, не давая земле твердеть, ради хлопка свели до минимума орошение других культур. Воду собирали и накапливали по крупицам, как золото.

Крайнее напряжение выдерживали только благодаря чувству ответственности. Она давала нечто вроде второго дыхания. Как пароль и приветствие, ходили в эти дни в бригаде слова: «Не уставай!»

Впрочем, думать об усталости было некогда, отдыхать — тоже. В самую жаркую, нестерпимую для человека и земли пору — от часа до четырех, когда полагаются обеденный перерыв и сон в прохладном и тенистом бригадном шипоне, — поля не оставляли без присмотра. Поливальщики обходили их ряд за рядом, зная, что малейшее упущение — и отпадут с растений обожженные солнцем бледно-желтые цветы и хрупкие, еще не набравшие силы завязи, а потеря даже по одной на каждом кусте обойдется дорого — три-четыре центнера хлопка на гектар. По угодьям бригады вес шел уже на тонны. Потому и имело особый, понятный для каждого смысл бригадное «Не уставай!».

В июле увидели: хлопок будет, много хлопка. Главное сделано.

— Осталось главное, — говорит Джураев, отирая влажным платком бисер пота с оливково-темного лба. — Осталось убрать урожай. Хлопок не пшеница, созревает не сразу. Убирать приходится по мере раскрытия коробочек. Так что девчатам дела до зимы хватит.

Рассказ Джураева о событиях, которые начались весной и до краев заполнили небывало знойное лето, имел одну, крайне неудобную для меня особенность: бригадир ни словом не обмолвился о себе. По долгу профессии мне предстояло о нем рассказать, но при всем ярком узбекском солнце бригадир комсомольско-молодежной так и остался бы: для меня где-то в тени, если бы не одно маленькое обстоятельство. Случайность даже.

Бывает — нечасто, правда, — одно движение, один жест человека скажет о нем так много и подробно, что он сразу становится виден и ясен. Вопросы, которые ты собирался ему задать, не нужны уже в ответах словесных.

Мы стояли на краю хлопкового поля. Джураев смотрел из-под руки на цепочку девушек, рассыпанную в другом, дальнем конце. Потом взгляд его упал на пыльный зеленый куст с раскрывшимися белыми коробочками. Опустив темную большую ладонь в зеленую крону, Туймурад взял пушистый комочек, взял осторожно, но уверенно, как берет только что вылупившегося птенца опытный орнитолог. Тут впервые увидел я на всегда серьезном его лице улыбку. Особенную улыбку.

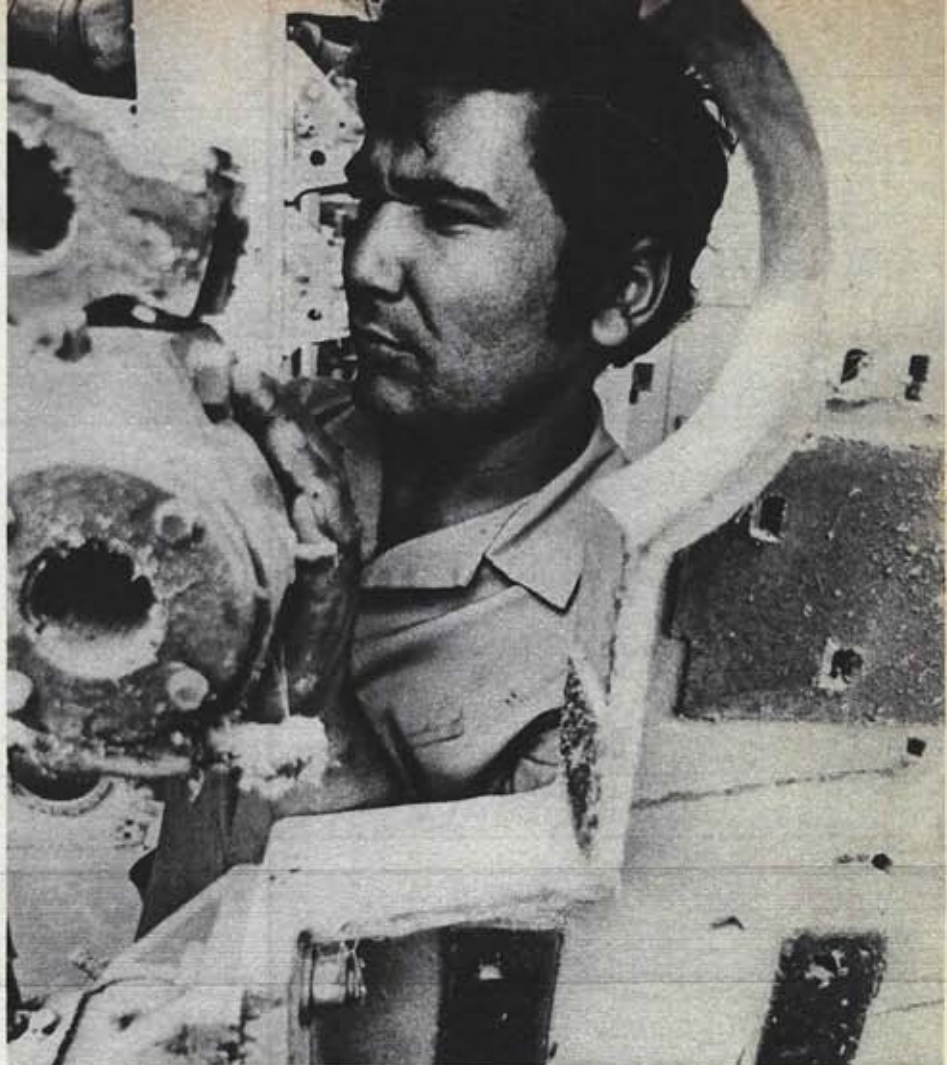
Эти движение и улыбка встали точным эпиграфом к портрету бригадира. Здесь было нечто большее, чем любовь к родному своему труду или благодарность поработавшего человека скупой, тяжелой земле. Здесь был весь человек, с его раскрывшимся сердцем, добротой, созна-

нием необходимости этой доброты, такой нужной в работе, если выбрал ее на всю жизнь. Невольно подумалось о тех, кто работает с ним: какими должны быть они?..

Нельзя было не залюбоваться этой картиной. Яркие национальные костюмы удивительно гармонично вписывались в зеленые ритмы поля под высоким солнцем. Несмотря на зной, движения девушек были четки и размеренны. Впрочем, на первый взгляд могло показаться, что нечего и искать особого разнообразия в работе сборщиц. Она, конечно, красива, но и проста: нагибайся, бери, снова нагибайся и опять бери — дело решают привычка и скорость. Но, думая так, уже через несколько минут я должен был признать себя невежественным дилетантом, потому что не было здесь ничего от заученного автоматизма. Напротив, работал целый комплекс человеческих качеств: темперамент, чутье, азарт, наконец, терпение, чтобы вовремя сдерживать этот азарт. Понятно, что каждому хочется взять больше хлопка и сделать это быстрее, и иной раз рука в азарте опередит чутье и вынет из коробочки незрелый сырец — и уже сбив ритм, минус качеству. Контролирует себя каждый по своему, и когда замечаешь это, работа сборщиц наполняется особым смыслом, и один человек уже не похож на другого.

Идут по междурядью бок о бок Салима Раджабова и Мамлакат Баротова. Обе ладные, ловкие, изящно осанистые, и хотя вчера только сменили школьный портфель на сумку хлопкороба, здесь у каждой свой почерк, своя манера. Салима работает быстро, отрывисто, точно трель выбивает на клавишах. Движения Мамлакат более плавные, они шире, крупнее, и потому поначалу кажется, что работает она медленнее. Но посмотришь: у обеих одновременно наполняются сумки белоснежным пухом, и обе одновременно спешат к полевым весам, где пух оказывается, кстати сказать, не таким уж легким — до двухсот килограммов этого самого «пуха» собирает в день каждая.

Работа девушек бригады Джураева захватывает высоким артистизмом. Это оче-



видно, но тут есть о чем подумать. В самом деле, сколько очерков, статей, репортажей посвящено золотым рукам сборщиц, пестующих «белое золото» страны, сколько восторженных эпитетов и сравнений вычерпано из кладдеза богатого нашего языка, но вот посмотришь свежим взглядом, и кажется, что главное так и не сказано, осталось где-то в стороне. А хочется понять глубокую причинную связь, хотя бы в этом нашем случае: как, почему в немислимо засушливый год, когда земля буквально горит и просит воды, а природа не может дать лишней капли, почему молодежь, зеленая, простите, молодежь, которой опыта накопить еще и время не распорядилось, почему эта молодежь не только выполняет урочный свой план, но и берет огромные, повышенные обязательства в полной уверенности в своих силах и конечном результате. Мы видели, что на благородный риск ставки не делали. Неужели только золотые руки, не знающая усталости молодость да совершенство культуры труда тут причиной? Нет, должен быть какой-то особенный секрет, кроющийся в качественной стороне коллектива, в его сердцевине. Иначе чем объяснить, что далеко не каж-

дая, даже самая опытная бригада может похвастаться такими обязательствами и такими достижениями?

Я не пытаюсь искать ответа вслепую, строя разного рода непрофессиональные догадки, и с вопросом, в чем же главная причина успеха его бригады, обращаюсь к Туймураду Джураеву, зная уже, что не в его характере отделяться общими словами.

И вот еще одна история одиннадцатой комсомольско-молодежной, как записал я ее со слов бригадира. История, мне кажется, поучительная и многое объясняющая.

Научить работать в поле быстро, даже красиво не так уж сложно, потому что хлопкороб — профессия здесь наследственная. Опыт и артистизм так или иначе приходят со временем, благо в хороших наставниках тоже нет недостатка. Придя в бригаду, скоро начинают работать хорошо, сначала выполняют, потом и перевыполняют норму. Казалось бы, цель достигнута. Но это еще не бригада высшего качества, недостает, по словам бригадира, духовного начала. А это-то самое трудное — чтобы человек, вчерашний школьник, глубоко, по-взрослому осознал, осмыслил, что значит этот невесомый «пух» для страны,

ГОРЫ ХЛОПКА ПРИХОДЯТ НА КОМБИНАТ. ТЕПЕРЬ ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА — ВЫПУСТИТЬ КАЧЕСТВЕННУЮ ПРОДУКЦИЮ.

Родины и какую поэтому высокую ответственность берет он на себя, если посвящает жизнь профессии хлопкороба.

Я заметил уже, что бригадир мыслит широко и обобщенно, но примеры приводит конкретные, из собственной практики.

После учебного года пришло в одиннадцатую бригаду новое пополнение молодежи. Конечно, никого не оставили без внимания, и скоро «новобранцы» стали работать хорошо, потом еще лучше. Но не чувствовалось какой-то искры в работе, вдохновения, что ли. Бригадир начал с тревогой подмечать, что к девушкам приходит тот профессиональный автоматизм, который имеет хотя и высокую, но определенную шкалу предела. Автоматизм, самый совершенный даже, — вещь плохая: за ним прекращается рост, человек останавливается в трудовом развитии, останавливается как личность. Нет, внешне все, кажется, было в порядке, и упрекнуть девушек бригадир не мог ни в чем. Он упрекал себя, ломал голову над тем, как помочь им миновать опасный предел, как высечь искру вдохновения.

Думал не один, много говорили об этом в райком, но проблема оказалась настолько серьезной и тонкой, что готового ответа не могли дать даже опытные комсомольские работники. Однако не отмахнулись: работает, мол, бригада хорошо, к чему лезть в высокие материи, это уже область психологов, а наше дело — план и обязательства. С этим у тебя все в порядке. Нет, ответ искали, но нашелся он неожиданно. Хотя, если подумать, закономерно.

На очередном комсомольском собрании, после трудного страдного дня, решались текущие вопросы работы бригады. Но когда в протоколе поставлена уже была последняя точка, разговор пошел вдруг... о хлопке. Да, да, о хлопке, но не о достоинствах новых «ташкентских» сортов, не о культивации и методах поливов, не об оправдавшем себя опыте соседней бригады, — разговор пошел о хлопке вообще, о хлопке как о явлении в масштабах страны.

Начали с малого, если малым можно назвать тот факт, что из каждых десяти полотняных сорочек семь изготовлено из их, узбекского хлопка. Потом с карандашом в руках подсчитали, что из хлопка, который обязался собрать в этом году одна только одиннадцатая бригада, будет изготовлено двенадцать тысяч метров тка-

ней. Припомнили еще шестьдесят видов продукции, изготавливаемой из хлопка. Кто-то даже скаламбурил по поводу того, что за легкое «белое» золото платят полновесным желтым. Но каламбур вышел серьезным, и совсем по-другому — проанализированно, прочувствованно, можно сказать, — осмыслен был тот факт, что в семидесятом году, после тяжелой засухи, доход страны от экспорта хлопка в три раза превысил расходы на импорт хлеба...

Это было воспитание конкретными фактами, доходчивыми и веселыми. Цифры, которыми оперировали на том памятном комсомольском собрании, были сильнее всякой агитации. Они действовали мгновенно и точно, пробуждая высокое рабочее самосознание, потому что молодежь глубоко постигала, осмысливала, каким же, в сущности, огромным, ответственным делом они занимаются в каждый свой рабочий день, в каждый час. Увлеченные разговором, они не подозревали, конечно, в тот вечер, что начали видеть значительно дальше границ своего поля, своего плана, начали мыслить экономически, граждански, если быть точным.

Одно комсомольское собрание высекло долго ожидаемую искру вдохновения. Разговор буквально взбудоражил всех и затянулся до рассвета, когда время было уже выходить в поле, но усталости не чувствовал никто. В тот день, начавшийся, строго говоря, вечером накануне, девушки перекрыли свои личные рекорды, а бригада — одна из ста шестидесяти бригад района — была занесена на доску почета. Но тогда никто еще не знал, что главное было не в высоких цифровых показателях, а в качественно новом осознании своей высокой ответственности за порученное дело. В сущности, произошло второе рождение одиннадцатой комсомольско-молодежной бригады, обретшей тот самый внутренний, духовный секрет успеха, который мы искали.

— Помню, отлично помню это комсомольское собрание. И последствия помню. Лишь тогда, сознаюсь, поверил я окончательно, что одиннадцатая не хватила через край, взяв весной такие повышенные обязательства.

Это говорит Фархад Каримов. Он только что приехал в поле на раскаленном своем и пыльном «газике», решив использовать «окно» и пройти ряд с сумкой сборщика. «Чтобы не забывалось». И вообще, как мы заметили, память у секретаря была отменная. Знания — тоже. С агрономом он говорил как агроном, с механизаторами — как механизатор. Потом мы узнали, что и через эти профессии прошла биография комсомольского секретаря...

— Ну как, бригадир, возьмете по сорок пять? — спрашивает Каримов, вываливая полную сумку в высокий белоснежный сугроб на краю поля. Пот катит с него градом.

— С такими помощниками можно и все пятьдесят, — улыбается Джурарев, переваливая увесистые тюки в высокий сетчатый прицеп. Потом говорит серьезно, как отрубает: — Возьмем. Не можем не взять. Год — завершающий.

Утром в надежде проследить дальнейший путь хлопковой коробочки с колхозного поля мы были на Бухарском хлопчатобумажном комбинате. В ворота одна за другой въезжали машины с прицепами, сквозь сетчатые борты которых выпирал туго спрессованный хлопок. Был, конечно, здесь и тот, что выпестовали девушки из одиннадцатой комсомольско-молодежной бригады колхоза имени Ахунбабаева. Новые цеха встречали эти белоснежные айсберги шумом, жужжанием тысяч веретен. Превращения хлопковой коробочки были поразительны, а когда мы увидели тысячечерствую дорожку мягкой готовой ткани, бегавшую с веселым постукиванием из зева ткацких станков, цикл, начатый трудной знойной весной на колхозном поле, не замкнулся. Не нужно было напрягать воображение, чтобы представить себе людей, которых согрел и украсит теперь белая пушистая коробочка, воплотившая в себе доброту человеческих рук и силу его разума. Комбинат был продолжением и началом другой жизни.

Нет, мы не успели хорошенько познакомиться с работой молодого текстильного гиганта, рожденного девятой пятiletкой, но здесь, как отблеск близкого будущего, сверкнула нам юбилейная, десятая. Самым популярным словом, которое слышали мы в цехах, в партерном, в комитете комсомола, было новое для нас, но теперь уже знакомое узбекское слово «сифат» — качество...

Подумалось только, что в таких муках рождавшаяся, с таким трудом выпестованная в поле хлопковая коробочка попала здесь в хорошие, надежные руки...

Командировка по письму читателя

Лидия ВАСИЛЬЕВА

«ПУСТЬ МЕНЯ НАУЧАТ!»

Письмо продиктовано не только родственными чувствами человека, тревожащегося за судьбу своего племянника, оно написано человеком, понимающим, что такое рабочая гордость за свой комбинат, за свое училище, за свое общежитие.

ПТУ № 146 — среднее профессионально-техническое строительное училище, созданное на базе Бескудниковского комбината строительных материалов и конструкторской № 1 Главного управления промышленности стройматериалов г. Москвы. Оно размещается в типовом корпусе, похожем на обычную школу-десятилетку. Сходство со школой усиливается, когда поднимаешься по лестнице, проходишь мимо классов, где звонкой женский голос по-учительски внятно рассказывает о поэтике Маяковского, а по соседству — ребячий неунывающий басок доказывает теорему.

Их 446, учеников, получающих здесь самую, пожалуй, необходимую сейчас для страны специальность — специальность строителя. Это будущие электромонтажники, слесари по ремонту строительного оборудования, слесари-сборщики строительных машин и механизмов, арматурщики-электросварщики, штукатуры-отделочники. Государство обеспечивает учеников ПТУ бесплатным обучением, обмундированием, питанием, спортивным инвентарем, книгами. В строительное училище набирают кадры не только из Москвы и ее «зеленой зоны», но и со всех концов страны: приезжают, общежитие государство предоставляет, прописку — тоже. Только учиться, только скорее становиться хорошими строителями.

Училище набирает силу: по плану 9-й пятилетки к концу 1975 года контингент учащихся увеличится до 550 человек. Естественно, расширится и общежитие, которое сейчас рассчитано на 200 иногородних учеников.

От ПТУ — полчасика на электричке до станции Депо, а оттуда 10 минут до молодежного общежития. Дом пятиэтажный, обычный: в одном подъезде — квартиры девушек, в другом — квартиры ребят. Расселены ученики свободно, нескучно. Я иду из комнаты в комнату, из квартиры в квартиру, но ничто не отличает одну от другой: тусклый свет (пластмассовый колапак сгорает от лампочки с большим накалом, поэтому комендант вывинчивает яркие лампы), голые стены, пустые тумбочки — ни одной книги, ни одной индивидуальной приметы живущих здесь таких разных людей. Ребята лежат на койках, кто-то читает газету, портя зрение, кто-то спит, не сняв костюма, лежа поверх одеяла...

Мы собрались все вместе в красном уголке, чтобы поговорить о жизни: как она у них складывается, почему в общежитии бывают драки, воровство, ссоры?

Сначала они молчали. Кто сразу отважится критиковать себя и своих соседей, выносить сор из избы, хотя этот сор мешает всем? Первыми отважились девочки, потом включились ребята, и в течение трех часов шел горячий разговор о судьбе 15—17-летних юношей и девушек, приехавших в столицу из далеких окраин, начинающих самостоятельную жизнь, овладевающих профессией. В чем их вина, а в чем беда?

Нadia Стародорова приехала в Москву из Рязанской области. Она будет арматурщицей и очень довольна своей будущей профессией. Но недовольна тем, как неинтересно, бесцветно живут они здесь: целимы вечерами девушки сидят и вяжут кофточки — и никаких других занятий! Экскурсии были лишь в самом начале учебного года. Вылеты в театр комитет комсомола получает бесплатно, по перечислению за счет училища, однако предлагаются неинтересные, «горючие» спектакли Московского областного театра и концерты областной филармонии; ребята сходят в театр один раз, а во второй не пойдут. В красном уголке общежития — ни бесед, ни даже танцев: отсутствуют телевизор и проигрыватель; нет в общежитии и спортивного инвентаря — ни лыж, ни коньков...

Нина Большакова из Алтайского края активнее относится к собственной жизни: она поступила на подготовительные курсы строительного института и три раза в неделю ездит в Москву. Но вот беда: ужин ребятам дают в 5 часов, значит, надо снова ехать в ПТУ, где расположена столовая. Времени на ужин уходит более двух часов. Ребята просят компенсировать ужин за обедом, или выдавать сухой паек, или привозить ужин в общежитие. И еще беда — готовиться к занятиям нелегко: в ПТУ кабинеты не открывают, чтобы не пропали наглядные пособия, а в общежитии учебных комнат нет.

На собрании выступил секретарь комитета комсомола ПТУ Николай Изюмов, упрекая ребят в том, что они не обращаются к нему за помощью. Но ни конкретных предложений, ни деловых выводов в его выступлении не было высказано. Формализмом, равнодушным пахнуло от его слов. А ведь кому, как не комсоргу, должна быть понятна истина: вне сферы общественной жизни человек не состоит. Заинтересовывал ли Николай Изюмов ребят общественным делом? Изучал ли интересы каждого, чтобы использовать их в общественной жизни училища? В общежитии нет настоящего коллектива, нет инициаторов хороших дел. От скуки, серости, лени и равнодушия возникает драка, ссоры, выпивки, даже воровство.

Дорогая редакция! Посоветуйте, как навести порядок в общежитии ПТУ № 146, расположенном в Бескудникове.

В этом училище учится мой племянник и его товарищи. Им нравится учиться там, но в общежитии у них воруют. У ребят украли шапку, свитер и еще какие-то вещи. Я вызвала отца из деревни, чтобы он съездил, узнал, какие у них порядки. Он съездил в училище, мастер гваллил мальчиков за хорошую учебу и поведение.

Я посоветовала им рассказать все своему мастеру. Они рассказали, и на следующий день их избили, и теперь они ездят ко мне ночевать. Это не дело, я точно, чтобы годы, прожитые в училище, ребята вспоминали с радостью и другим советом — с педагогическим образованием — и Ольга Федоровна Фокина, без образования, недавно пришедшая на эту работу. Я спросила их о плане воспитательной работы. Обе долго молчали, потом обрадованно припомнили: мы объявили конкурс на лучшую комнату!

Конечно, легче организовать конкурс, экскурсию, поход в театр, чем работать с каждым, пробуждая в человеке интерес к самому себе, умело поощряя самостоятельность, активность, а в этом одна из главных задач воспитателя.

Что же получается? Государство предоставляет ученикам ПТУ множество привилегий, а здесь они сводятся почти на нет. Во время нашего разговора было вскрыто много недостатков и в культурно-массовой работе училища, и в быту общежития. Даже виновных вроде бы нашли: администрация, комитет комсомола, воспитатели общежития.

А что же сами ребята, безвинные? Где их собственная ответственность за свою же жизнь, где требовательность к себе? Почему они ждут, когда кто-то ответит их за ручку в библиотеку, театр, музей, спортзал? Разве в шестнадцать — семнадцать лет, а не с детства человек понимает, что безделье, воровство, пьянство — преступление перед обществом и перед собой?

Действительно, как же ребята готовят себя в рабочие, что делают, чтобы войти в передовой класс общества полноправными его членами? Профессия требует от каждого самостоятельности, инициативы, творчества. А рабочий коллектив — гражданской твердости и убеждений, принципиальности в поступках.

Увы, этих качеств ребята не проявили во время нашего разговора в общежитии. Не нашлось смельчака, который бы резко, честно и прямо назвал тех, кто мешает спокойно жить, кто дерется, ворует, дебоширит. Ребята смолчали: слабые боялись, чувствуя себя незащищенными, сильные были уверены, что их не выдадут. А раскаются ли втихомолку хулиганы, перестанут ли безобразничать при таком попустительстве? Коллектива, сильного своей сплоченностью, дружкой, в общежитии нет.

Молодой человек приехал из провинции в столицу. Профессия определена. Учись, набирайся ума, знаний, умения, культуры. Современный город щедр к любознательным и глух к равнодушным. Кому-то он откроет свои сокровища — выставки, концертные залы, лектории, а для кого-то столица останется в памяти пятью-шестью кинотеатрами.

Жить в чужом городе, в общежитии трудно. Жизнь, оторванная от семейного порядка, от родительского внимания и заботы, требует от человека большой силы воли, собранности и целеустремленности. Годы учебы в московском профтехучилище для многих ребят станут годами, когда заложится фундамент их личности, то есть не только основа общеобразовательных, профессиональных знаний, но и основа политической сознательности, гражданской активности, чувства товарищества и дружбы. Очень это широкое понятие — учеба. Чекавшими строчками стихов выразил Маяковский ликующую готовность советской молодежи начала 30-х годов: «Я в в рабочие пошел, пусть меня научат!»

А не появилось ли у ребят из бескудниковского общежития этокое потребительское отношение к когда-то боевому лозунгу: «Пусть меня научат!» Пусть государство обеспечит меня общежитием, всякого рода дотациями, льготами, знаниями, думают некоторые из них, а я, мол, так и быть, постараюсь это как-нибудь потратить.

Иждивенчество всегда оборачивается равнодушием к настоящей жизни и ее подлинным ценностям. А это уже прямая угроза для человека.

Вот и задыхаются сейчас ребята из бескудниковского общежития от занюханности, приземленности собственных интересов, от бездуховности. Общение в их коллективе поверхностное, не взаимообогащающее, разговоры — «сплошной треп»: кто что купил, кто с кем «гуляет».

Молодой человек «пришел в рабочие». Ему дадут знания, научат профессии. Но подлинно высококультурным рабочим, творчески активным человеком он станет только тогда, когда начнет создавать себя сам.

Р. С. Вскоре после описанной встречи администрация бескудниковского ПТУ сообщила в редакцию, что в учебных группах провели собрания на тему «Моральный облик комсомольца»; из училищ отчислили двух самых трудных учеников, которых, кстати, подозревали в воровстве, и краж с тех пор не было; в общежитии силами ребят провели ремонт; в красном уголке установили телевизор; сменили коменданта. Достаточно ли этих мероприятий для того, чтобы изменить психологический климат не только в общежитии, но и в училище в целом? Достаточно ли для того, чтобы каждый из ребят стал настоящим рабочим?

Л. Яковлева,
Московская область.

Далекое — близкое

ТОБОЛЬС

Альберт ЛИХАНОВ

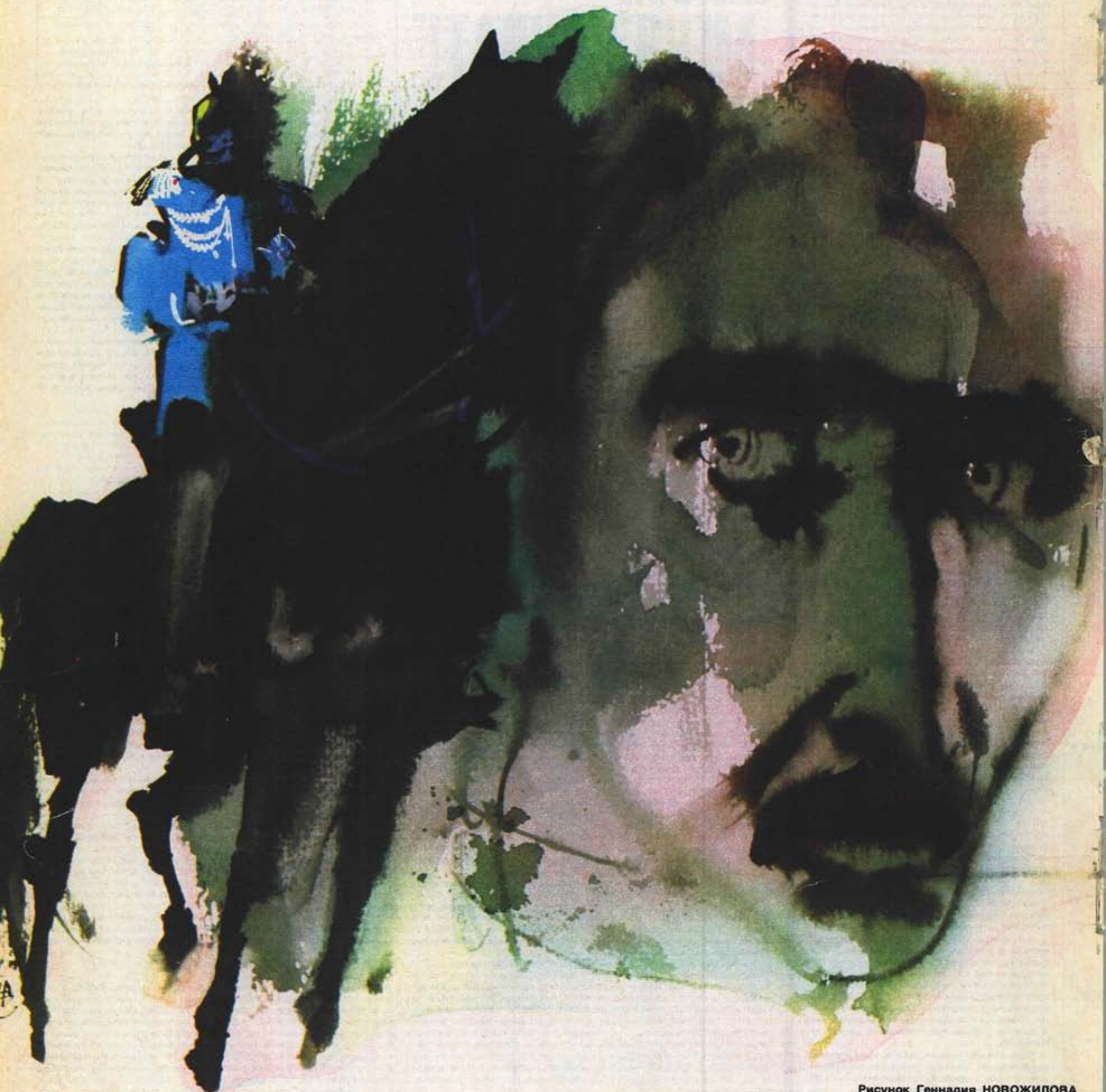


Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Ваш узник

К 150-летию
восстания
декабристов

Рылеев казнен. Повешен дважды. Казнены еще четверо: Пестель, Бестужев-Рюмин, Каховский, Муравьев-Апостол. Сто двадцать отправлены на каторгу и в ссылку.

В июне 1826 года началась еще одна глава в истории декабризма. Казню пятерых Николай поставил лишь точку в прологе к книге казней.

Сибирь, Кавказ, армейские полки вместо гвардейских — казнь гражданская, казнь чести, достоинства, попрание судеб.

Много лет спустя в глухой сибирской ссылке Вильгельм Кюхельбекер, тот самый Кюхля, лицейский друг Пушкина и Пущина, незадачливый, долговязый, смешной, запишет, встав рано поутру 12 мая, в своем дневнике:

«Сегодня ровно 14 лет моей очной ставке с К. (Каховским. — А. Л.). Чудный видел я сегодня поутру сон: будто я в какой-то земле, где Рылеев и Каховский, адобавок Р. (Рылеев) будто бы жив, а между тем мне рассказали его смерть: он, говорили мне, когда объявили ему его жребий, попросил надеть белую рубашку и потом протиснулся с женою, дочерью в какой-то комнате, и с тестем на дворе, куда старика привели в кандалах. Дочь при прощании он взял на руки и стал поднимать все выше, выше до потолка, покада ребенок не закричал...».

И следующая запись. От 26 мая.

«Сегодня день рождения покойного Пушкина. Сколько тех, которых я любил, теперь покойны!»

В душе моей всплывает образ тех, которых я любил, к которым ныне Уж не дойдет ни скорбь моя, ни смех.

Пережить всех — не слишком отрадный жребий! Вычитать ли мои утраты?

Гениальный, набожный, благородный, единственный мой Гробоод; Дельвиг умный, веселый, рожденный, кажется, для счастья, а между тем несчастливый; бедный мой Пушкин, страдалец среди всех обольщений славы и лести, которого уюлили и отравляли его сердце; прекрасный мой юноша, Николай Глинка, который бы был великим человеком, если бы не роковая пуля... и почти все они погибли насильственной смертью, а смерть Дельвига, смерть от тоски и грусти, чуть ли еще не хуже!»

Насильственная смерть... А разве сам он, Кюхля, умер иной смертью?

Десять лет томления в крепостях — тайно, так что даже близкие порой не знали, жив он или прах его давно покоится на безвестном погосте; десять лет один на один с собой, чтобы потом получить монаршью милость — ссылку в Сибирь.

«Император, — писал Пушкин в 1835 году своей знакомой П. А. Осиповой, — явил милость свою многим из заговорщиков 1825 года, между прочим и моему бедному Кюхельбекеру. По указу должен он быть поселен в Южной части Сибири. Страна прекрасная, но я желал бы знать, что он поближе к нам...».

Он радовался всей душой — усталый, подавленный, сложенный человек. Он уже не роптал. То, что когда-то могло казаться кошмаром, теперь было благодеянием. Царь добился своего, уничтожив если не личность, то человека. Монарший суд приговорил Кюхлю к смертной казни отсечением головы. Монаршья власть проявила монаршью милость: за долговязого поэта заступился великий князь Михаил. Смерть заменена двадцатилетней каторгой и пожизненным поселением в Сибирь — вот счастье... Потом каторгу заменили — срок и мера наказания показались, верно, смешотворными даже там, у престола, — чем это лучше казни отсечением головы? Вместо каторги назначили пятнадцать, потом десять лет крепости, он их полностью отсидел; один — в холодных, сырых камерах.

Друзья считали его чудачком. Чужачество привело его когда-то к дуэли с лучшим другом Пушкиным. Он выскочил чудачком и на Сенатской площади — в пушкинских бумагах есть даже рисунок: угрюмый Рылеев в треуголке, а перед ним долговязый Кюхля с пистолетом в руке — Кюхельбекер стрелял в великого князя Михаила, того самого, который позже ходатайствует о «помилованиях», но пистолет не выстрелил. Многие декабристы, из тех, кого удалось сломить морально, потом вспоминали Кюхельбекера с долей иронии, порой обидной. За занавесом времени, ища оправданий, вина других, они зло посмеивались над выскочкой, который при «трезвом» размышлении не мог быть «движителем» серьезного предприятия.

Может, это и так.

Может, это говорилось из любви к Кюхле, чтобы спасти его жизнь, посмеяться над «великим замахом», который угрожал ему. Мне кажется, в этих обвинениях была порой и доля искренности. Многих раздражало, что Кюхельбекер, нажавший на спусковой крючок, оказался в чем-то как бы символом восстания: пистолет не выстрелил.

Впрочем, речь сейчас не о том.

Кюхля все-таки был чудак, это верно. И качество,

толкнувшее когда-то на дуэль с Пушкиным, теперь его спасло.

Десять лет крепости. Эта участь была уготована не многим декабристам. Разум более спокойный, уравновешенный, трезвый, мог бы, как это ни парадоксально, не выдержать этой пытки. Кюхля не был герой. В конце судебных испытаний он был готов принять любую вину. Но вынести наказание в десять лет крепости?..

В крепостях ему позволяли писать — вот что спасло его.

Холодный ум непременно пришел бы к мысли о бесполезности дальнейшего существования. О бессмысленности любой деятельности — кругом стена, в которой невозможно пробить даже тонкую щель. Холодный, расчленивый, сильный — я подчеркиваю это определение, — именно сильный ум пришел бы к непререкаемой мысли о необходимости конца. О физическом самоуничтожении, как — в данной ситуации — превосходстве человека над наказанием. Мне думается, так поступил бы Рылеев. Оказавшись заживо замурованным, точно зная бессмысленность своего положения, непременно ощущая нравственную казнь — нельзя же, в самом деле, считать за прелесть свободы дальнейшее вечное поселение, безгласность и абсолютную немоту, — он, мне кажется, сильный, очень сильный духовно, покончил бы с собой. Впрочем, это лишь посыл, вполне допускаю — ошибочный. Спустя полтора века размышлять о прошлом довольно легко — ведь не сам ты выбираешь свою судьбу...

Кюхля выдержал. Он писал стихи. Обращался к антике, рифмовал и рифмовал, читал книги, высказывая в дневнике свои замечания, порой серьезные, порой смешные. Он жил, погруженный в себя, и, бесспорно, это качество спасло его физически. Спасло, можно сказать, и духовно, но лишь только применительно к нему самому.

Рылеева это существование бы не спасло.

Сочинительство в духе подражаний античной поэзии было бы ему не под силу...

Ясно одно: Кюхля выдержал потому, что был Кюхлей. А кроме того, не вправа мы, действительное, из нашего далека сравнивать реальную судьбу одного с предполагаемой судьбой другого.

Люди есть люди.

У них есть слабости и достоинства, и порой достоинства превращаются в слабости, как слабости могут стать своей противоположностью тоже. И как понятны мгновения человеческого счастья, донесенные до нас из невероятного далека...

В декабре 1835 года Вильгельм Кюхельбекер освобожден из крепостного заточения и с фельдъегерем отправлен в Баргузин.

После десятилетия одиночества он видит людей, может говорить с ними, смеяться, лететь. Он может вдыхать прозрачный воздух.

«В судьбе моей, — пишет он Пушкину 3 августа 1836 года, — произошла такая огромная перемена, что и поныне душа не устоялась. Дышу чистым, свежим воздухом, иду, куда хочу, не вижу ни ружья, ни конюха, не слышу ни скрипу замков, ни шепота часовых при смене: все это прекрасно, а между тем — поверишь ли? — порою жалею о своем уединении. Там я был ближе к вере, к поэзии, к идеалу; здесь все не так, как ожидал даже я, порядочно же, кажись, разочарованный насчет людей и того, что можно от них требовать...»

Как понятно это письмо!

Он не слышит «скрипу» замков, зато едва ли не одинок среди близких людей. Его мысли тянутся к «идеалу», он ошибочно полагает, что идеал этот может жить в крепости надежней, чем среди людей, и это подтверждает, наверное, мою мысль: да, Кюхельбекер вынес крепость благодаря своим странностям — нестранный в ней бы погиб, оставшись живым среди людей, даже самых несовершенных.

У Кюхельбекера выходит все наоборот.

На «воле» он остро чувствует свою ненужность, неприкосновенность к преодолению житейских трудностей.

В Баргузине он живет у брата Михаила.

Сибирское существование — дело тут понятное — отличается от всего предыдущего опыта любого из декабристов. Они ведь были дворяне. Многие — дворяне богатые. Были просто богачи. Их идея была оторвана от практической жизни — ведь и это имел в виду Ленин, когда говорил: «Страшно далеки они от народа». Дворяне занимались трудом умственным — были чиновниками, как правило, немаленькими, служили в армии. Состояние позволяло им безбедно жить и не знать, что такое собственный труд.

Нет прямых доказательств, что Николай I учитывал это обстоятельство. Но объективно — учитывал. Жизнь в Сибири для многих декабристов, хоть и дворян, но не очень богатых, без связей, без родственников, стала двойным испытанием. И если первым из них было изгнание, то вторым — труд. Да, да, самый настоящий, обыкновенный труд. Работа.

Правда, казна давала кое-какие деньжонки на содержание декабристам. Но это были крохи. Так, для поддержания внешней видимости: все-таки дворяне, хоть и

лишенные сословного звания. А по существу, каждый должен был жить, как может. Есть родственники, состояние — пусть помогают, хотя и ограниченно. А нет — пусть работают, зарабатывают себе на хлеб.

Царизм хотел вытряхнуть свободомыслие из голов декабристов и таким путем.

И тут декабризм раскололся.

Одни жили неплохо и в Сибири: помощь состоятельных родственников. Другие — и тут, мне кажется, определился демократизм этих декабристов, их близость к народу, к народной жизни, к труду — стали зарабатывать на хлеб своими руками. Третьи не имели богатых родственников и, к сожалению, не умели работать физически. Эти выходили на новый круг дантова ада.

Им предстояли новые испытания — нравственные и физические. Но и эти поступали по-разному. Отчаявшись, иные просились в солдаты на Кавказ — под пули, на верную смерть. Там, на мысе Адлер, погиб талантливый писатель, ближайший друг Рылеева Александр Бестужев-Марлинский. Другие — среди них был Кюхельбекер — подчинялись течению жизни, и жизнь их была печальна...

Остраненный, живущий не реалиями жизни, но памятью и возвышенными идеалами, бедный Кюхля попадает в ярмо сибирского быта. Живет в бане у брата — там ждуть не хлебушка, а помощника, но помочь Вильгельму ничем не может. Он пишет стихи. Просит родных хлопотать перед все тем же великим князем Михаилом о позволении печатать произведения — такое мог придумать только Кюхля... Единственный, кто ему помогает, — Пушкин. Анонимно печатает часть «Ижорского», поэтической мистерии Кюхельбекера. Бесконечно благодарный, Вильгельм непрестанно думает о Пушкине. Пушкин для него единственный светоч — и литературный и человеческий.

Из Сибири шлет он Пушкину традиционные стихи к 19 октября, дню лицейской годовщины.

*Чьи резче всех рисуются черты
Пред взорами моими? Как перуны
Сибирских гроз, его златые струны
Рокочут... Песнопевца, это ты!
Твой облик — свет мне в море темноты.
Твои живые, восточные мечты
Меня не забывали в ту годину,
Когда, уединен, ты пил кручину.*

*Когда ты и, как некогда Назон,
К родному граду простирали объятья,
И над Невою востреляли братья,
Услышав гармонический твой стон:
С седого Пейгуса, волшебный, он
Раздался, прилетел и прервал сон,
Дромоту наших мелких попечений,
И погрузил нас в волны вдохновений.*

Кюхля верен себе. Причину того, отчего «над Невою востреляли братья» — вспыхнуло восстание, — он видит в «гармоническом стоне» Пушкина. Впрочем, ведь стихи были адресованы другу и сочинены поэтом, не политиком, не борцом. Истина его тут не волновала, не в истине он видел цель стиха своего, хотя как сказать... Могло же перед ним быть нечто иное, другая цель, истина, так сказать, другого порядка, а именно — хоть в стихах, хоть спустя много лет, а сказать Пушкину: не правда ли, Александр, будь ты в ту пору в столице, и ты был бы с нами...

Да, наверное, так и есть, тем более что нам-то широко известен факт, когда Пушкин на вопрос царя, с кем он был бы 14 декабря, оказался в столице, ответил не колеблясь, с друзьями.

С друзьями — это не удивительно, это в характере Пушкина, удивительно, что спустя много лет, в Сибири, друг его, Вильгельм Кюхельбекер, подразумевает то же, не сомневался ни на мгновение в Александре.

Пушкинское послание «В Сибири» Кюхельбекер узнал, наверное, одним из самых последних. Если не самым последним. Так сложилась его личная судьба. Не знаю, обратил ли он внимание на одно слово — «дружество». В ту пору это было обычное обращение, так что, наверное, не обратил: «Любовь и дружество до вас дойдут сквозь мрачные затворы...» Это в нашу пору можно обратить внимание на архаичное ныне слово. Так вот о дружестве. Мне кажется, это не синоним слова «дружба». Я думаю, Пушкин вкладывал в это слово нечто иное. Дружба может быть между двумя, между группой людей. Сосланных в Сибирь декабристов было около ста. Дружбы между иными, честно говоря, и не было, во всяком случае, сто человек друзьями быть — все! — не могут, слишком много внутренних взаимосвязей, но вот дружество — да, это слово подходило, ссылаясь декабристов без натяжки можно было назвать дружеством, а отношение к ним — дружеством. Пушкин выбрал самое точное слово.

Кюхельбекер пользовался дружбой Пушкина, дру-

гие — дружеством; дружество связывало их и между собой — широко известные факты, когда состоятельные декабристы силком помогали бедным, тем, кто вложил жалкое существование, кому было тяжело.

Но главное в содружестве не это.
Главное — другое наполнение, другой смысл слова «дружество».

Оно в памяти друг о друге — живых и мертвых. Пафос дружества — в верности собственной памяти.

Это было поразительно!
Весильный хозяин страны хотел их растоптать, хотел их распылять, как картонный домик, развеять даже по Сибири. Они — пусть не все! — умудрялись верить, помогать, помнить.

Кюхельбекер верил в Пушкина.
В этой вере был высший смысл, особое содержание. Пушкин был для Кюхельбекера представителем декабристов на свободе. Кюхля, конечно, не мог не понимать ограниченности этой свободы. Но наверняка он не предполагал, что у Николая достанет смелости — да, смелости в самом серьезном смысле слова — казнить Пушкина. Убить его пистолетом Дантеса.

Представьте себе Кюхлю.
Несуразного, длинного, подслеповатого идеалиста. С семьей брата он не в ладах. Он одинок, даже женившись: жена его, Дросида Ивановна Артемова, дочь местного почтмейстера, — обыкновенная мешанка, далекая как от прошлого, так и от нынешнего своего мужа; единственное, что ему удается с ней поделить, — быт, воспринимаемый им иногда как любовь. Вся душа Кюхли, весь эпицентр его настроений — рядом с Пушкиным, в возможно — хотя бы и придуманном — будущем, в книге, которую, возможно, поможет выпустить Александр, наконец, в духовном сродстве с самым близким, самым гениальным.

И вдруг...
Как это написать?
Что с ним было? Что могло быть?
Известие о смерти Пушкина было сильнее дантесовского выстрела — он, конечно, плакал, Кюхля не мог не плакать, узнав, что Александра больше нет; он был в отчаянии — Вильгельм не мог не прийти в отчаяние; он кусал губы, люто навиная сероокого и лысоватого Николая — Кюхельбекер не мог не ненавидеть царя, понимая, где зарыта собака...

Это было накануне 26 мая, дня рождения Пушкина.
Спустя несколько месяцев после смерти Пушкина.
Вот уже долго Пушкина нет, а Кюхельбекер думает об Александре как о живом. Как это ужасно — думать о мертвом, как о живом. Но не ужасней ли думать о живом, как о мертвом?
Он пишет стихи.

Итак, товарищ вдохновенный,
И ты! — а я на прах священный
Слезы не пролил ни одной:
С привычки к горю и страданиям
Все высохли в груди болевой,
Но образ твой моим мечтаньям
В ночах бессонных предстоит,
Но я тяжелой скорбью сят,
Но, мрачной, близ жены мне милой
И думать о любви забыл...
Там мысли, над твоей могилой!
Смолок шорох благозвучных крыл
Твоих волшебных песнопений,
На небо отлетел твой гений;
А визги желтой клеветы
Глушцов, которые марали,
Как был ты жив, твои черты
И ныне, в час святой печали,
Бездушные, не замолчали;
Гордись! Ей-богу, стыд и срам
Их подлая любовь! Пусть жалят!
Тот пуст и гнил, кого все хвалят;
За зависть дорого я дам.
Гордись: никто тебе не равен,
Никто из сверстников-певцов,
Не смеркнешь ты во мгле веков,
В веках тебе клевет Державин.

Он называет стихотворение «Тени Пушкина». Он как бы ведет некий отчет: «Тень Рылеева», «Памяти Грибоедова», «На смерть Николая Глинки», «На смерть Якубовича»... Печальная участь — стихи отмечать потери. Ведь это не просто стихи. Это перевёрнутые страницы жизни.

Дружба и дружество для таких людей, как Кюхельбекер, были едва ли не главным в жизни. Быт и повседневность пронесли мимо, топча, подавляя, но все-таки — мимо. Потерянная дружба лишила частицы души. Она убивала. Медленно, но убивала.

Вот этого Николая наверняка не предавал.
Не мог предвидеть по причине своего существа.
А может, предвидел и это?
Ведь палач может быть изощренным. А изощренности предела нет. Изощренность переступает пределы ограниченности и тупости. В изощренности злодей может стать гением.

Каждого или почти каждого, у кого было сердце и не угасла память, медленно, но упорно убивали известия о смерти товарищей. Особенно Кюхельбекера. Его странность, его остротность, его причудливость были лишь частью его физиологической, что ли, психологической по крайней мере личности. В нем была жива душа. Также странная, но обладающая великодушными достоинствами — душа тонкая, ранимая, бесконечно верная.

Царь казнил Кюхельбекера смертями друзей.
Он как бы стоял возле виселицы и носком лакированного сапога медленно выбивал табурет, стоявший под Кюхлей. Он выбивал опору его духовной и нравственной жизни. Выбивал то, что связывало его с Пушкиным, Грибоедовым, Рылеевым, — дружбу. То, что связывало с остальными, — дружество.

Он умирает, не в прямом — в переносном смысле, хотя и стоически сопротивляется смерти. На что он надеется? Ведь надеяться не на что...

Вот его автопортрет той поры.
«Не был я красавцем никогда, — напротив, всегда был неловок и нескладен. Теперь же волос седой, зубов мало, спина сутуловатая, — чтоб не сказать — горбатая, — одно плечо выше другого: вот тебе портрет твоего дяди при росте 9 с половиной вершков, то есть 2 аршина 9,5 вершка и худощавости, что, кажется, в кольцо пролезешь. Аристократического у меня осталось — белые, мягкие руки, потому что поневоле не могу заниматься полевыми работами: сил нет, да и левой рукой не владею».

Из Баргузина он переезжает в пограничный городок Акшу — наконец-то находится способ зарабатывать, кормить семью своими руками, — в переносном, конечно, смысле слова: руками он может лишь писать свои никому не нужные, всех вокруг раздражающие стихи да листать книги. На сей раз работа соответствует его возможностям: он едет в Акшу воспитателем дочерей начальника города — была раньше такая должность.

Он ожил, задумал написать русскую историю в форме писем одной из своих учениц, Акша кажется ему раем, но всякий самообман рано или поздно кончается болью.

Семейство начальника города переезжает в другое место, помещик Кюхельбекеру оно более не в силах, умирает сын Иван, болеет жена, два года он тщетно добивается перевода из Акши, которая теперь уже не кажется никаким раем, наконец переезжает под Курган, затем в Тобольск.

Палач добился своего.
Долговязый, целивший не столько в великого князя, сколько в него — пусть даже пистолет дал осечку, — уже казнен. Почти казнен.

Он болен туберкулезом. Он ослеп.
Этого можно уже зачеркнуть.
Беспомощный, забытый, раздавленный нуждой, растоптанный потерями друзей, он умер 11 августа 1846 года в половине двенадцатого пополудни и похоронен на Завальном кладбище в Тобольске возле церкви Семи Отроков.

Вдова, Дросида Ивановна, уехала в Иркутск, его детей забрала сестра Вильгельма Юстина Глинка — там они и жили под фамилией Васильевых.

Даже фамилию отца носить не могли.
В 1856 году детям Кюхли возвратили дворянское звание и имя отца. Дросида же Ивановна пережила мужа на сорок лет, а когда умерла, Михаил Волконский, сын Марии Николаевны и Сергея Григорьевича, родившийся в Сибири, выхлопотал от казны 150 рублей на ее похороны.

Вот, кажется, и все.
Нет!
Ведь остались же рукописи. Слепой Кюхельбекер продиктовал свое литературное завещание Ивану Ивановичу Пушкину, лицейскому другу, незадолго до смерти, когда тот заехал навестить товарища.

Среди того, что лежало в сундуке с бумагами, было и это стихотворение.

Первое в ряду печального отсчета Кюхли, пережившего многих, но оттого лишь растянувшего свои муки на эшафоте. Стихотворение посвящалось другу — декабристу Петру Александровичу Муханову и называлось «Тень Рылеева».

Рылеев был для Кюхли первой тенью из огромного мира теней, счетоводом которого, стоя у входа с грустной своей лирой, долго был Вильгельм.

В ужасных тех стенах, где Иоанн,
В младенчестве лишенный багряницы,
Во мраке заточенья был заклан
Булатом ослепленного убийцы,
Во тьме на узничьем одре лежал
Певец, поклонник пламенной свободы;
Отторжен, отлучен от всей природы,
Он в вольных думках счастья искал.
Но не придут обратно дни былые:
Прошла пора надежд и снов,
И вы, мечты, вы, призраки златые,
Не позлатить железных вам оков!
Тогда-то не был сон — во мрак темницы
Небесное видение сошло:
Раздался звук торжественной цевницы,
Испуганный певец подъял чело
И зрел: на облаках несомый,
Явился образ, узнику знакомый.

«Несу товарищу привет
Из области, где нет тиранов,
Где вечен мир, где вечен свет,
Где нет ни бури, ни туманов.
Блажен и славен мой удел:
Свободу русскому народу
Могучим гласом я воспел,
Воспел и умер за свободу!
Счастливец, я запечатлел
Любовь к земле родимой кровью!
И ты — я знаю — пламенел
К отчизне чисто любовью.
Грядущее твоим очам
Разоблачу я в утешенье...
Поверь: не жертвовал ты снам;
Надеждам будет исполненье».
Он рек — и бестелесною рукой
Раздвинул стены, растворил затворы,
Воздвиг певец восторженные взоры
И видит: на Руси святой
Свобода, счастье и покой!

Под стихом, в нынешних изданиях, стоят еще две строчки. Как бы вычужденные из нерукотворного материала времени:
«1827
Шлиссельбургская крепость».

Человек среди людей

К четвертому курсу Люська ничем не отличалась от однокурсниц: и юбку завела коротко-сенскую (при матери Люська ее никогда не надевала — стеснялась), и брики хоть мостовую подметай, и сапожки, в которых плотные ее ноги походили на две блестящие черные бутылки.

Смешно вспомнить, какая она приехала поступать в медучилище: тихая, скромная, слова лишнего на первых порах не вымолвила. В деревенской-то школе, кажется, не ходила в робки, председатель совета дружины — не шутка. А тут! Девочки все собрались городские — кто с матерью, кто с отцом, и только она, Люська, все же одна. Мать целыми днями в полевой бригаде, и хоть сердце-то болело, а все же сказала: «Поезжай, дочка, не пропадешь, сама разберешься».

Она и в самом деле не пропала. Девчонки в группе оказались славные. На частной квартире промаялась всего год, на другой дали место в общежитии, и опять комната подобралась удачная. Ну, ссорились, случилось, не без того, а в общем, жили не тужили, бегали в клуб на танцы, в кино на два сеанса подряд, «телики» смотрели по вечерам.

Люська не просто привыкла к училищу. Она полюбила свой хрустящий белый халат, кокетливую «докторскую» шапочку и даже то, что от нее всегда чуть пахло лекарствами («Корболкой какой-то тянет», — ворчал Алексей). А на втором курсе при новой классной руководителе (литераторшу Людмилу Аркадьевну назначили) жизнь пошла просто прекрасная и удивительная.

Людмила Аркадьевна была не из тех учительниц, о которых говорят, мол, своя в доску. Напротив, она жила в каком-то ином измерении, манила девчонок своей непохожестью на других, особым, недоступным им пока изяществом, нездешними, непривычными их слуху словами, оборотами речи. Ее даже чуть-чуть побаивались, на уроках сидели не дыша и, когда она приходила в общежитие, смущенно жалась к стенкам с прихотливыми фотографиями киноактеров. Она вешала на крючок свое пальто, засовывала в рукав беретик, поправляла и без того туго затянутые волосы... и начиналось чудо. Людмила Аркадьевна знала бездну стихов и читала их поразительно — не по-актерски, а так, как часто читают поэты, вверяясь ритму. А еще она приносила с собой альбомы с репродукциями и маленькими магнитофон.

Девчонки готовы были любые танцы, любое кино променять на эти вечера у стола, застланного потрескавшейся клеенкой, под сиротливо оголенной лампочкой на длинном шнуре. Впрочем, Людмила Аркадьевна и был их постепено преобразовала на свой лад. К какому-то празднику подарила гравюру — портрет Блока, потом принесла из дома абжур, а однажды пришла с мужем, длинным, застенчивым, в очках, и он приладил какие-то самодельные бра над каждой кроватью.

Постепенно они полюбили учительницу так, что жизни не мыслили без своей «Людочки». Ей исповедовались, ее призывали в третейские судьи, ее приговоры не подлежали обсуждению, немедленно обретая силу закона.

Вот в это-то самое время одна из девчонок вдруг, по общему мнению, зазналась, стала всеми командовать, подчеркивая при этом свою дружбу с воспитательницей общежития Максимовой, которую все единодушно не могли терпеть. Татьяна и в самом деле из максимовского дома не вылезала, девчонкам казалось, что все их «тайны» выносятся за стены комнаты. Назревала ссора — они и посвятили во все перипетии Людмилу Аркадьевну.

Ну что ж Людмила Аркадьевна пригласила к себе Татьяну. О чем они говорили, девчонки не знали. Только видели, что после разговора Татьяна выскочила вся красная и побежала к Максимовой. А назавтра по училищу поползла безобразная сплетня: будто Людмила Аркадьевна обвинила Таню в том, что она, Таня, с мужем Максимовой... и еще бог знает в чем. Повторить невозможно.

Группа поднялась на дыбы. Людмила Аркадьевна и... такое? Да зачем, к чему? Татьяна явно сочинила весь разговор. Но опять-таки зачем? Все терялись в догадках. Максимова меж тем написала заявление на имя директора училища: мол, так и так. Оскорбление нанесено не только учащейся, но и ей, воспитательнице.

И случилось нечто чудовищное. Экзамены на носу, а Людмилу Аркадьевну увольняют за аморальное поведение. Слова эти звучали в сочетании с ее именем кошмаром, фантастикой. Девчонки бросились к директору. Анатолий Федорович встретил их строго. «Не только вам — и преподавателям объяснять не стану. Идите, девочки, ваше дело учиться. Учительница по литературе у вас будет, классная руководительница — тоже. Так что все в порядке. В порядке», — отрезал он.

СТОЙКИЙ СОЛДАТИК

Ирина ОВЧИННИКОВА

ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК

Легко сказать! Какой уж там порядок. Людмила Аркадьевна а вся почернела, ходила с опухшими от слез глазами. Девочки плакали вместе с ней, не оставляя ее ни на час. Все допытывались, какое такое «аморальное поведение» ей приписывают. Наконец, она не выдержала. Оказалось, ее обвиняют в незаконной связи с женатым мужчиной. Девочки взвились. Они не раз долгие вечера проводили в Людмилинском доме, ходили на лыжах вместе с ней и ее мужем, любясь их удивительно трогательной привязанностью друг к другу. Им ли было не знать: все ложь, клевета, мерзость. Не могло этого с их Людмилой быть, потому что не могло быть никогда.

Письмо в обздрав сочинили всей группой — Люська только перышком по бумаге водила. Сто тридцать человек подписали. Должны же в обздраве разобраться!

Как они ждали ответа! Каких только порогов не обивали! Наконец пришла в училище товарищ Дергачева. Руководящая, видно, женщина. Собрала группу — Люська прямо напригласила вся; сейчас все разъяснится, и их Людмила Аркадьевна снова войдет в класс, и все станет на свое место. Но товарищ Дергачева спрашивала только об одном: кто писал? Других вопросов у нее не было. Все попытки девочек повернуть разговор к сути дела ни к чему не привели. Люська сидела ошеломленная. Как же так? Ну, ладно, она писала, но ведь самое-то главное — правда. Люське нужна была правда, одна только правда, вся правда.

Девочки сами уговорили Людмилу Аркадьевну подать в суд.

— Все пойдем,— захлебывались они,— и все скажем. Потом решили: всех не спросят. Отрядили пятерых в свидетели. Люську назвали первой.

Анатолий Федорович вызвал их в кабинет по одной.

— Вы у меня поплачете. Вы у меня с такими характеристиками уйдете — в тюрьму не примут.

Четверо сломались. Вечером в общезнании прятали друг от друга глаза. По утрам в классе еще хуже было. Держалась одна Люська. Она поблещала, похудела. Шутка ли — каждый день Анатолий Федорович обрабатывал ее часа по три. Даже домой приглашал. И угрозами и лаской — всяко приступал. Вместе с заучив-Тамарой Афанасьевной и один на один. По-разному уговаривал.

— Тебе что, Гликينا, больше всех надо? Да знаешь ли ты, в какую грязь лезешь — всю жизнь потом не отмоешься. Люська то молчала, наслушившись, то плакала. Только один раз сорвалась, в крик закричала:

— Да как же вам не стыдно? Вы же нам какие слова говорите на уроках, чему учите? Да разве так можно? Вы же сами знаете про Людмилу Аркадьевну — святая она, чище чистого. Да я ни есть, ни пить, ни спать — ничего не смогу, пока правды не добыю.

Анатолий Федорович только плечами пожал:

— Ненормальная ты, Гликينا. Не знаю, как жить будешь. Ну вот, пойдешь медсестрой работать, и не понравится тебе то, что главрач говорит или делает. Так ты, что ж, прямоком ему все и выложишь?

— А как же? — выкрикнула Люська. — Конечно, выложу.

— Ну, Гликина, на себя пеняй, если что. Я ведь как отец с тобой. А пока походи и подумай еще.

«Пойди и подумай». Так кончался каждый разговор. И Люська шла и думала. Она забросила уроки, не могла куска проглотить — все думала. Назавтра ее опять звали к Анатолию Федоровичу, она стояла перед ним, упрямо наклонив голову, и повторяла, что ничего не придумала.

Думала же она не о том, что вот будет суд и придется выйти перед всеми и отвечать на вопросы — ей ведь со всех сторон твердили: в твою-то возрасте и на суд, да еще в таком деле свидетелем, постыдилась бы. Нет, она знала, что правду не стыдно говорить в любом возрасте, и так отвечала всем. Ее мучило: ну, а другие-то как же? Неужели все такие, как Анатолий Федорович? Вдруг же, правды-то... подумать страшно.

Суд был для Люськи испытанием, каких еще не выпадало на ее коротенькую жизнь. Она, не отрываясь, смотрела на Людмилу Аркадьевну. Казалось, клубок сплетен, одна другой омерзительней, разматывается, обвиняя ее с ног до головы. Своего голоса она не слышала, что говорила — не помнит. Перед глазами все мелькали строчки, которые она откуда-то выписала: «Говори правду, и тогда не надо будет ничего запоминать».

Суд восстановил Людмилу Аркадьевну на работе. Клевета была названа клеветой. Черное — черным, белое — белым! И хоть Людмила Аркадьевна прямо там же, в суде, написала заявление об уходе по собственному желанию, Люська чувствовала себя победительницей. Все в ней пело. «Ага, взяли? Есть она, правда-то, есть».

Но Люська не была бы Люськой, если бы ее удовлетворила роль единственной обладательницы правды. Ей нужно было,

чтобы правду знали все, чтобы добродетель торжествовала громко, во всеулышание, а пороки чтобы были посрамлены тоже не потихоньку, а вслух.

Именно Люська придумала провести в группе комсомольское собрание, рассказать про суд, а Татьяну, как комсомолку, наказать по всей строгости. Девочки идею поддержали. Решили обойтись сами, но каким-то образом про собрание стало известно, и не успели они рассестись по местам, как явился директор, кто-то из области, секретарь комсомольской организации училища и председатель профкома. У вас в группе, говорят, обстановка сложилась нервозная. Вы не учитесь, а черт знает чем занимаетесь. Давайте разбираться.

И пошло. Опять все про Людмилу Аркадьевну, и про то, что никто ее на работе не восстанавливал, и что человек она аморальный, а потому чтоб никто не смел не только домой к ней ходить, но даже разговаривать. Люська вскочила с места, хоть ей никто слова не давал, и, задыхаясь, не поспевая вытирать слезы, пыталась перекричать начальство.

— Да как вы можете? — надрылась она. — Да ведь вы сами слышали! Людмила Аркадьевна хорошая, лучше всех. И суд признал... Слышите, девочки, суд признал.

— Сядься, Гликина, прекрати истерику и агитацию свою дурную тоже. — равкнул директор.

Но девочки уже взвинтились.

— Решение суда прочтите. Ре-ше-ние, — скандировали они.

— Я вам сейчас покажу решение. Кончай базар. Ишь, развели тут...

— Тогда забирайте от нас вашу Татьяну. Не хотим мы с ней учиться, смотреть на нее, сидеть рядом не можем.

— А ну-ка, расходитесь по домам. — вдруг скомандовал директор.

И тут, словно из воздушных шариков вышел весь воздух, девочки сразу как-то сникли, умолкли, стали поспешно складывать книги и, не глядя друг на друга, разошлись. В классе осталась одна Люська.

Она смотрела внезапно высохшими глазами на взрослых в упор. Вцепившись в спинку стула, она готова была стоять так до последнего, как стояли герои ее любимых книжек.

— Слушай, — вдруг в наступившей тишине вымолвил представитель обздрава. — Слушай, сегодня ведь ты не сможешь спокойно разговаривать. Так что иди-ка выпись. А уж завтра мы с тобой все обсудим.

Он потрещал Люську по плечу и легонько подтолкнул к выходу.

Утром прямо с первого урока ее вызвали в директорский кабинет. Дядечка из обздрава сидел за столом Анатолия Федоровича.

— Ну, Гликина, давай-ка расскажи нам про свою жизнь. Понять хочется, каким таким медом эта самая ваша Людмила Аркадьевна обмазана, что ты прямо на людей за нее идешься.

— Никаким ни медом, — упрямо возразила Люська. — И не я кидаюсь — на нее кидаются.

— Ну, ладно, ладно, не ворчи. Но все-таки за что же ты ее так уважаешь?

Люська подняла глаза. Всерьез ли спрашивают, или так? А что, если всерьез?

— Да она... знаете какая? — заторопилась она. — Я вот через десять учительниц прошла, а такой не было. Самая честная, самая твердая, самая добрая — вот она какая. И ее предать!

— Так-так — Дядечка покрутил в руках шариковую ручку. — Ну, а то, что она чужого мужа хотела из семьи увести, детей осиротить, тебя не смущает?

— Не знаю я этого, — вспикела опять Люська. — Не знаю и знать не хочу. И никто не знает, да если бы и знал, так судить не смеет.

— Ага, значит, все-таки ты допускаешь такую мысль? Анатолий Федорович, — обратился он к директору, — объясните девочке, чтоб не сомневалась.

— Не хочу я слушать, — зашлась Люська, — вы права не имеете. И суд доказал...

Зачем она только купилась? Зачем полезла в объяснения, слезы распустила? Нет, больше она слова не скажет. И лицо ее приобрело то выражение непроницаемости, которое еще маму когда-то выводило из себя.

— Так ты что, бунтовать вздумала, Гликина? — повысил голос представитель обздрава. — Девочком взбаламутила, учиться никому не даешь. Так вот знай, если не уймешься — для начала строгий выговор тебе вкатим, потом в другую группу переведем, а там и матери сообщим. Полюбуйтесь, выросло сокровище — пощичте-ка для своей лапушки другое учебное заведение. Так что, милая, не берет тебя мытье, возьмем катаньем.

Люська все выслушала. Что ж, сказала, если есть у вас на то право, переводите в другую группу. Только вы не образованные люди, а деспоты.

Всю ночь девочки обсуждали Люськину беду. Что делать? Опять писать, что ли?

— Не надо, девочки, — Люська засунула руки в карманы, посмотрела на всех, и соседкам ее почудилось, что она стала старше эдак лет на десять, — не надо без толку нервы трепать. Мне Алешка говорил и, видно, прав был: мол, брось ты, дуреха, комиссарские эти замашки.

Люська села на кровать, поджала под себя ноги.

— Черт с ними. Не в своей группе — в чужой доучусь. Жалко, конечно. Ну да переживем. Скоро мы с Алешкой поженемся, уедем отсюда, все забудется. Ложитесь-ка, девочки, спать: утро вечера мудренее.

Утром на первый же урок Анатолий Федорович пришел в группу.

— Гликина, ты почему здесь? Забыла, что ли?

Тут девочки опять зашумели.

— Я что сказал, Гликина? Ну-ка, собирай манатки. А вы, — он обернулся к группе, — если не успокоитесь, всех раскидаю вот так же. Всею группу расформирую, так и знайте.

Он взял Люську за рукав и вывел из кабинета.

— Так-то, млышка. Не верила? Ну, теперь хлебай лиха. Нечего было Жанну Д'Арк из себя корчить.

До экзамена оставалось два месяца... На выпускном вечере Анатолий Федорович произнес нелютственную речь. Он желал своим питомцам быть всегда принципиальными, справедливыми, беззаветно любить дело, которому они будут служить, и людей, которые доверят им свои жизни. Очень хорошая была речь.

Историю эту я не придумала — о ней рассказала в письме та, которую я назвала Люськой. Теперь она уже не Люська, а Людмила Ивановна: вышла замуж за того самого Алексея, что учил ее уму-разуму. Уехала с ним и живет далеко от того города, где училась. Уже два года работает фельдшером, довольна. Как видишь, все в ее жизни изменилось: и обстоятельство времени и обстоятельства места. Ну, а образ действий? Он-то остался прежним? Или тоже подвергся изменениям?

Думаю, нет, не подвергся. Потому что Людмила Ивановна до сих пор задаете вопросом: «Была ли я права тогда или навиччала по молодости лет?» Спрашивая так, она сама же в конце письма развивает свою тревогу: «Если бы тогда промолчала, я бы не чувствовала себя гражданином».

Согласитесь, что человек, который вкладывает в слово «гражданин» такое содержание, имеет полное право называть себя гражданином. Солдат оказался отнюдь не бумажный, а очень даже стойкий.

Тогда, спросит читатель, из-за чего, собственно, шум, где горит? А дело в том, что нам надо всеми средствами бороться с такими горе-воспитателями, которые, провозглашая гражданские добродетели вендом всех педагогических усилий, в действительности отворачивают воспитанников от стремления (кстати, присущего юности) говорить «на безупречном языке поступка».

Если мы хотим, чтобы гражданская зрелость наступала в свое время и не превращалась в пустой звук, прежде всего мы должны научить детей, подростков, юношей поднимать голос в защиту тех, кого они любят и уважают.

Но если мы позволим себе раз-другой отвлечь от этой святой обязанности, если одернем, строго укажем: не твое, мол, дело, носом еще не вышел взрослых рассуживать, то не надо удивляться, когда, сам став взрослым, этот человек будет презренным «проходимцем мимо», адетлом философии невмешательства. Мы сделали его таким — с нас и спрос.

Школу гражданского поведения молодые люди проходят, что называется, с младых ногтей, постигая его правила и в пионерскую свою пору и еще более того в комсомоле. Вот почему и для самой бывшей Люськи, хоть и оказалась она молодым, и для меня, читавшей ее письмо, непонятно и странно то, что в той конфликтной истории среди званных молчунов оказалась и секретарь комитета комсомола училища. Ей-то уж по мандату долга было положено выступить в защиту справедливости.

Люське, в общем, повезло: весь предшествующий опыт ее коротенькой жизни восстал против послугого опыта, про который пост сказал, что это «ум глушцов». Восстал и победил. Однако можем ли, имеем ли мы право полагаться на случай, на везение? Разве не лучше было бы и для Люськи и для всех нас, если бы вокруг нее оказались люди, много людей, с которыми она по праву разделила бы радость победы?



КОМСОМОЛ ТУРКМЕНИИ
НАГРАЖДЕН ОРДЕНОМ
ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

Амангельды ДУРДЫЕВ,
первый секретарь ЦК ЛКСМ Туркмении

Когда на знамени комсомола Туркмении засияла высокая награда Родины — орден Трудового Красного Знамени, — всех нас переполнило чувство огромного счастья и глубокой благодарности партии, Советскому правительству за высокую оценку наших дел. Орден Красного Знамени — это награда комсомольцам Туркменистана всех поколений. Она вдохновляет нас на новые подвиги во имя социалистической Родины, во имя светлого будущего.

Мы, комсомольцы семидесятых годов, приняли эстафету преданности делу партии из рук славных поколений. Каждое из них оставило яркий след в истории комсомола республики, всего Советского Туркменистана.

Сегодня, являясь на встречу XXV съезду родной партии, комсомол республики объявляет себя ударным отрядом завершающего года пятилетия. В комсомольских организациях все шире развертывается соревнование молодежи под девизом — «Пятилетку — победный финиш! XXV съезду КПСС — достойную встречу!». Комсомольцы считают для себя большой честью включиться в борьбу за право подвизать рапорты Ленинского комсомола съезду партии.

Комсомольско-молодежная бригада конструкторов Ашгабадского завода «XX лет СССР», возглавленная В. Ферсом, первой среди комсомольско-молодежных коллективов встала на трудовую вахту «XXV съезду КПСС — 25 ударных декад!». Молодые рабочие обязались выполнить план 1975 года к 20 декабря, а к 24 февраля — завершить программу двух месяцев 1976 года, выпуская продукцию только отличного качества.

Этой почтой нашел широкую поддержку в комсомольских организациях республики.

Центральный Комитет Коммунистической партии Туркменистана, Совет Министров ТССР, Туркменский Совет профсоюзов и Центральный Комитет ЛКСМ Туркменистана объявили республиканское социалистическое соревнование в честь XXV съезда КПСС.

В целях широкой известности этого соревнования и распространения передового опыта учреждена книга-эстафета трудовых подарков трудящихся Туркменской ССР XXV съезду КПСС.

Мы уверены, что, встав на трудовую вахту в честь XXV съезда нашей партии, комсомольцы и молодежь республики еще раз продемонстрируют свою готовность быть всегда и во всем с партией Ленина, с партией коммунистов. Их ударный труд, отличная учеба станут достойным подарком предстоящему съезду, а книгу-эстафету трудовых подарков будут составлять новые страницы славных комсомольских дел.

Вот уже 59 лет комсомол Туркменистана живет, трудится и борется под руководством великой партии коммунистов. Мы верим делу своих отцов, тех, кто создал и отстоял первое в мире социалистическое государство. Мы, как никогда, тесно сплочены вокруг родной партии и ее Ленинского Центрального Комитета. Отмечаем 50-летие комсомола Туркменистана, мы призываем на верность партии, своей социалистической Родине, советскому народу, великому делу строительства коммунизма!



Как разглядеть первые ростки творчества?
И как помочь становлению молодого художника?
При ЦК ЛКСМ Туркменистана создана комиссия по работе с творческой молодежью. В ее составе — лауреаты премии комсомола, лучшие представители творческой молодежи республики. Эта комиссия организует поездки молодых художников, артистов, музыкантов по городам и районам республики, устраивает встречи с рабочей молодежью, ежегодно проводит различные выставки, художественные конкурсы, оказывает многообразную помощь выпускникам творческих вузов. Концертные бригады нередко выступают и в соседних республиках, на крупных стройках. В этом году, в частности, молодые туркменские артисты побывали на БАМе. Активно действует и постоянная агитбригада, участники которой — частые гости у рабочих и нефтяников, чабанов и хлопкоробов, пограничников и учащихся. Разумеется, все это лишь часть той огромной работы, которую ведет комсомол Туркменистана, выполняя наказ XVII съезда ВЛКСМ: «...постоянно совершенствовать работу с молодой творческой интеллигенцией».

Андрей БАТАШЕВ, специальный корреспондент «Смены»:

МНОГОЗВУЧНЫЙ ЗВОР

Фото Станислава КОРЫТНИКОВА и Сергея ПЕТРУХИНА

Бахши — так называют в Туркмени народных певцов, сказителей, музыкантов. В руках у бахши дутар — цимковый двухструнный инструмент со слабым и нежным звучанием...

Редкостен дар певца, редкостен дар артиста, способного создать мелодию, которая, отделившись от своего творца, вдруг поплывёт над землей, заставляя людей жить возвышенными, очищающими страстями. Таким даром был наделен знаменитый Шукур-бахши (1881—1930 гг.).

Я вспоминаю кадры из фильма «Состязание». Медленно ступает скакун, а в седле бахши, у которого нет ничего, кроме бесконечного свитка мелодий... Шукур-бахши долго не был дома, а когда вернулся, узнал: его брата увели в плен, в Иран. Туркменский хан предложил собрать войско и выступить в поход. Не потому, конечно, что ему так уж дорог был брат музыканта. Просто предоставлялась великолепная возможность пограбить иранские села под предлогом борьбы за справедливость. Шукур-бахши понимал все это и знал, сколько крови прольется в этом походе, сколько детей останется сиротами...

Ткань долговечности тонка,
Что на людей надето — дым.
Их кровь, текущая с клинка, —
Скользкий без запрета дым!

Шукур представил себе плачущих детей и услышал колыбельную, может быть, ту, что когда-то пела ему мать...

— Народные мелодии, — рассказывал мне композитор Аман Агаджиков, выданный в этом году на соискание премии комсомола Туркмении, — берут свое начало

от старинных плечей и колыбельных. У нас очень развиты колыбельные...

Наверное, потому, думаю я, что в истории туркмен слишком много битв, слишком много кровавых походов. И когда не оставалось никакой защиты, матери пытались спасти, оградить детей от всех бед своей великой нежностью, превратившейся в колыбельные...

Шукур отказался от предложения своего властелина. Он решил отправиться к иранскому хану один, взяв с собой не клинок, а дутар. Ему нелегко было сказать об этом. Несравненно труднее, чем иным эстрадным звездам заявить: «Я спою и завуюю весь мир!» Хан судил артистов строже, чем жюри самого представительного международного конкурса. И мог тут же казнить бахши. За дерзость.

Но Шукур верил, что вдохновение придет к нему именно в тот миг, когда это будет необходимо. Потому что вся его жизнь была почти непрерывной цепью таких мгновений, когда он чувствовал, как вибрирует все его существо, отзываясь на голос родной земли...

Чтобы ощутить все это, мне было мало фильма. И я познакомился в Ашхабаде с современным бахши — кандидатом филологических наук Довлеттегды Оқдировым, представленным на соискание премии комсомола республики. Я просил рассказать его, как рождается песня, как возникает прихотливый, словно узор текинского ковра, рисунок дутарной мелодии.

— Когда я беру дутар и начинаю играть, — говорит Довлеттегды, — я думаю о родном селе, о родных и близких, о природе. Я вырос в долине Кара-Кала, которая славится у нас своей красотой. И бывает, что вот так, задумавшись, ты забываешь о том, что играешь, хотя дутар и продолжает звучать под твоими пальцами. И вдруг замечал, что возник какой-то интерес-

¹ Махтумкули, «Дым».

ный музыкальный элемент. Постепенно я развиваю его. И со временем получается музыка.

У Шукура-бахши времени не было. Для начала его бросили в темницу. Но в конце концов отвели к хану.

«Какое у тебя дело ко мне?» — спросил хан.

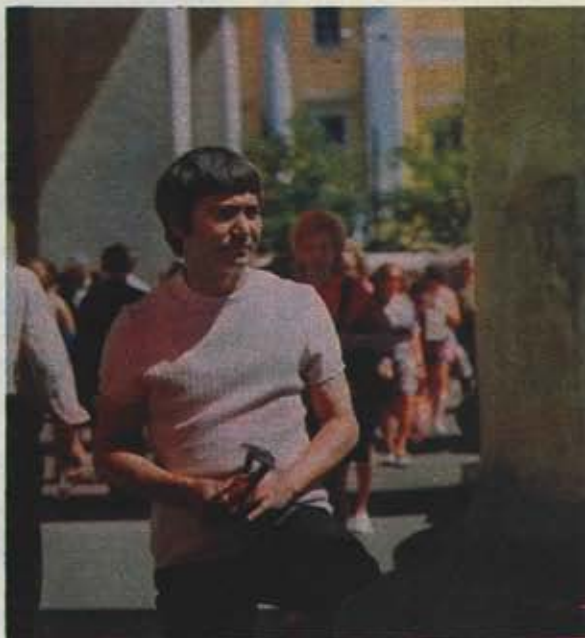
«Дело небольшое, хан-ага, — спокойно отвечал туркмен. — Я приехал сыграть тебе две-три песни, какие я знаю. — Он сделал небольшую паузу. — И еще, кроме того, в твоих руках находится мой родной брат. Я хотел бы увести его отсюда. Вот и все. Других дел у меня нет».

Хана окружали отборные воины. Но и Шукур был не один. С ним был его дутар...

— У туркмен особое отношение к музыке, — объяснял мне Аман Агаджиков. — По народным поверьям музыка обладает целительной силой. Поэтому к больному ребенку, чтобы он скорее выздоровел, родители приглашали музыканта, — непрерывно петь и играть.

Шукур-бахши должен был победить нечто более страшное, чем болезнь. Он должен был одержать верх над самым злом в образе войны.

Уверенный в победе своего придворного музыканта, хан разрешил устроить состязание между своим бахши и туркменом. В игре придворного было только то, что поддается объективной оценке: высокий темп, чистота звука, точность орнаменталь-



КИНООПЕРАТОР МУРАД КУРБАНКЛЫЧЕВ.
КОМПОЗИТОР АМАН АГАДЖИКОВ.



ЧАРЫ АМАНГЕЛЬДЫЕВ. «БАХШИ».

ного рисунка. Игра Шукура была иной. Для него словно не существовало ни хана, ни его приближенных. Был только он, артист, и было высокое небо. И в этот миг он ощутил себя и голосом родины и ее защитником. Да, Шукур-бахши был истинный народный певец, бессребреник и философ. Ничто — даже угроза смерти — не могло убить в нем музыку, потому что его человеческое достоинство, его честь артиста были сильнее страха смерти. И это ощущение дарило ему спокойствие, благородную сдержанность, предшествующие творческому восторгу.

Долгое время ни один из музыкантов не уступал другому. Но вот наступил момент, когда по условиям состязания нужно было сыграть новую мелодию.

Что увидел в этот миг Шукур? Какой красотой, каким страданием был переполнен?

В этот счастливый и трагический миг совершился чудесный переход. Духовная энергия артиста стала мелодией, в которой отныне и навсегда будет жить он, Шукур-бахши. Поэтому его и не могла устроить смерть, которой грозил ему ханский гнев.

...Исчезай мое тело, словно хворост, гори!
Буду я обжигать. Пожелавший согреться, слов моих не бери:
Мое слово, как уголь, почерневший снаружи, ярко-красный внутри².

Шукур выиграл состязание и освободил брата, остановив занесенные клинки, победив войну.

...Я слушаю Окдинова и думаю, что в его искусстве есть частица души Шукура. Когда Окдинов прикасается к дутару, он тоже

забывает обо всем. И тогда кажется, что мелодия, которую он начал играть, зазвучала задолго до того, как музыкант прикоснулся к инструменту. И будет звучать после того, как артист отложит дутар в сторону. Только я ее не услышу... Бахши же может в считанные секунды внутренне сконцентрироваться и, услышав в тишине музыку, подарить ее всем.

— Я пою все время, — говорит он. — Иногда не замечаю этого. В автобусе еду и вдруг вижу: один человек с удивлением на меня смотрит. Только тут я понял, что пою.

Я не тороплюсь, не пытаюсь сочинить как можно больше песен. В год у меня одна-две получаются. Если подходящих слов нет, я жду...

Артист ждет того мгновения, когда вдруг соединятся все впечатления, все ритмы, и сам он с удивлением услышит новую песню, которую создал сейчас, сию секунду. Но для этого нужна вся жизнь, необходимы все мгновения ее, радостные и печальные, тюльпаны на склонах гор, запах родниковой воды и гранатов в Сумбарской долине, открытая доверчивость детей и величественная мудрость стариков...

Ни разума, ни глаз я не берег,
Желаниям препятствовать не мог,
И плачу я в сетях земных дорог,

А жизнь летит, как птица бьет крыльями³.

— У Кемине есть стихотворение «Твои локоны», — продолжает Довлетгельды. — Однажды я шел на работу и все повторял строки Кемине. И увидел девушку. Она шла передо мной, видимо, спешила, и у нее были такие же локоны, какие воспевал поэт. И вдруг мои шаги, ритм стихотворения, облик девушки — все совпало. И родилась песня. Я даже на работу (я работаю в республиканском Институте усовершенствования учителей) опоздал. Ведь я не знаю нот, и, чтобы запомнить мелодию, я должен был несколько раз ее повторить. Я не знаю, как рассказать об этом, но в музыке должен еще обязательно чувствоваться цвет. Зеленый, как склоны гор, красный, как тюльпаны...

Цвет. Я хотел увидеть мир таким же ярким, горящим красками, каким видел его Шукур-бахши, каким видит его Окдинов. Эти краски открылись мне в мастерской художника, лауреата премии комсомола Туркменистана Чары Амангельдыева. И первая же картина, которую он показал мне, называлась «Бахши».

³ Махтумкули, «Сердцу».

БАХШИ ДОВЛЕТГЕЛЬДЫ ОКДИРОВ.

ХУДОЖНИК ЧАРЫ АМАНГЕЛЬДЫЕВ.



² Махтумкули, «Не могу отличить».

— Я хотел написать известного нашего музыканта Оразгельды Ильясова,— рассказывал художник.— Оразгельды прожил бурную, горячую жизнь. Пел он с трепетом...

Темное, разнообразно светящееся оттенками синего цвета небо, словно срез фантастического сочного плода. И под этим небом—бахши. Не дрогнут губы, не изменится взгляд—все духовные силы, все до капли, отдал он мелодии. Поэтому так странно неподвижно его лицо и так величаво спокойное...

— Я начал с музыки,— продолжает художник.— Прослушал все записи Ильясова, и мне стал яснее его образ. Брат Оразгельды Байрамы—дударист, и я ходил с ним на свадьбы, слушал, смотрел, делал эскизы. Музыка дает мне цветовой строй, колорит. В музыке есть темперамент. Я должен был исполнить свою картину так же, как Оразгельды исполнял свои произведения. Только тогда моя картина смогла бы вместить его образ. Вместить и выдержать.

Я долго думал, искал. Сделал быстро—загорелся надо... Сам он, бахши, всегда загорался, когда выходил на сцену.

— Когда Ильясов брал в руки дутар,—вспоминает Окдиров,—он другим становился. Смотришь—кто-то сильный идет на тебя. Как горный барс. А закончил песню, положил дутар—и будто исчез. Совсем маленький стал, простой... Как будто ничего не знает, ничего не умеет. Но прикоснулся к дутару—и преобразился.

— С музыкантом мне хорошо было,—говорит Чары Амангельдыев.—Представишь цвет, представишь музыку и можешь работать три дня. По чувству. Мне Оразгельды представлялся таким, как Шукур-бахши, как Сергей Есенин.

Шукур-бахши, Есенин... Амангельдыев говорил о той очарованности словом, музыкой, которая позволяет художнику, забыв о себе, увидеть и услышать весь мир. Именно об этой способности истинного артиста рассказывала жена Роберта Бернса: «Я увидела, как он рассказывает по берегу, что-то мурлыча про себя. И вдруг он обернулся и стал читать мне вслух стихи, задыхаясь от счастья. Он читал очень громко, и слезы катились у него по лицу».

Я смотрю на бахши, изображенного Чары Амангельдыевым, и понимаю, что он тоже пел, «задыхаясь от счастья»...

— Каждый предмет должен быть весомым,—говорит Чары.—Цвет этим только и занимается—передает материальности предмета. Цвета богаты колебаниями. Белый цвет гипса отличен от цвета белой лилии. Если разобраться в этих колебаниях—красиво можно написать. В природе и в музыке эти колебания тоньше, чем в живописи.

Чтобы достичь своей цели, художник должен соединить свою мысль с цветом.

— У каждого художника,—говорю я,—свои любимые цвета. У Сергея Есенина, например, это лимонный и синий... А какие цвета стали музыкой Шукур-бахши или Оразгельды Ильясова?

Вместо ответа Чары показывает мне коллекцию халатов, выполненных безвестными народными мастерами.

— Я раньше удивлялся,—говорит он,—почему у туркмен такие яркие, такие декоративные одеяния. Откуда столько красного цвета? Но отправьтесь весной в горы—они красные от цветов. Вот, можно различить, это маки, а это тюльпаны, только изображенные условно. Все взято из природы. Весной выйдешь в поле—там сияние этих красок.

Глядите, это красная гамма, это желтая... Это же картины! Нужно только разыграть на этом фоне свой театр, вписав своих персонажей...

Образы природы, преобразаясь в сознании художника, становятся образами искусства. А потом эти изображения рождают в нас, зрителях, цепочку ассоциаций. Нам легко представить и фантастические дворцы, и таинственных птиц и животных... И вполне возможно, что в бесчисленных этих, уже зрительских, образах промелькнут и те, первичные, которые когда-то вдохновили мастера. И получается, что орнамент связал жизнь прекрасного в действительности с новым и всякий раз современным восприятием человека, чуткого к красоте.

— Когда я смотрю на этот узор,—говорит Чары,—я слышу дутар. К каждой своей картине я могу найти музыкальный сюжет. Уверен, что когда народные мастера создавали свои произведения, в их душе тоже звучала орнаментальная дутарная мелодия.

— Наша музыка, может быть, еще более орнаментальна, чем произведения декоративно-прикладного искусства,—говорил мне потом Аман Агаджиков.—Игра дудариста—тот же ковер. Он может четыре раза подряд исполнять вроде бы одну и ту же

фразу, каждый раз видоизменяя ее и находя новые краски.

Туркменские мелодии невозможно записать с абсолютной точностью, потому что между нотами тоже что-то есть... Такие характерные, плавные, скользящие подходы. Причем дударисты, когда играют, иногда левой рукой немножечко тянут гриф назад. Изменяется натяжение струны и ее звучание. Народ очень чутко воспринимает и ценит такие нюансы...

Аман Агаджиков тоже лет в шесть начал играть на дутаре. Затем—уже в музыкальной школе—играл на виолончели.

— Когда я тянул длинные ноты,—вспоминает Аман,—мне хотелось, чтобы, кроме виолончели, звучало еще что-то. Я играл и пел, воображая, что я—бахши... Получилось какое-то полифоническое сочетание. Я пытался записывать свои импровизации. Впоследствии из этих записей я сделал три небольших квартета. Они пригодились мне, когда я поступал в Московскую консерваторию по классу композиции...

Консерваторию Аман Агаджиков окончил с отличием. И сегодня он—известный в республике композитор, автор оперы «Сона», балета «Фирюза», симфонии «Памяти героев Великой Отечественной войны 1941—1945 годов», множества других сочинений. Но в каждом его инструментальном произведении живет дутар, а в каждой песне, в каждой оперной арии слышится голос бахши...

— Нам очень дорога народная музыка,—говорит композитор.—Но мы хотим сделать ее более масштабной, полнозвучной. Мы должны использовать существующую гармонию, приблизив ее к дутарному звучанию. Мы стремимся создавать и новую гармонию, но исходя из потребностей народной музыки. Потому что песня бахши, искусство бахши ценится в народе, словно капля воды в пустыне...

Капля воды. Одна-единственная нота, слабая и нежная, но навсегда остающаяся в памяти...

— Мы снимали ленту «Песнь о воде»,—рассказывал мне кинооператор Мурад Курбанклычев, за цикл своих работ выдвинутый на премию комсомола.—Однажды я поднялся рано утром. Солнце уже появилось. И смотрю—воробей прилетел. Сел рядом с умывальником. Ждет, когда капля сохнет и оборвется. И ловит ее на лету.

Я решил снять этот кадр крупно. Но только включил аппарат—воробей улетел. Тогда я сделал длинный шнур, перевернул аккумуляторы в помещении, сам ушел. Стал пускать аппарат с помощью дистанционного управления. Вхолостую, чтобы приучить воробья к шуму. Часа через три воробей понял, что ничего страшного здесь нет. Да и жажда замучила. И мы сняли метров шестьдесят. В фильм вошло 3—4 метра, но для меня это были, наверное, самые ценные метры...

Мурад рассказал мне и о другом эпизоде. Как создавался киносюжет о добыче газа. Чтобы передать образ света и тепла, таящегося в этом незримом ископаемом, все снимали сквозь пылающий факел.

— Факел держал режиссер Ходжоберды Нарлиев. Жар в лицо, руки обжигает... Ну и температура в пустыне—градусов шестьдесят... Снимали дней двадцать. Людей, машины, буровые—все сквозь огонь...

Потом буровики говорили нам:

— Да, наша работа трудная, но и ваша не легче...

Этот факел, сквозь который авторы киносюжета увидели современную жизнь пустыни,—еще одна нота, жаркая, горячая, сияющая... Это тоже звучание дутара, но только в современном гармоническом изложении.

Две контрастные ноты. Всего две. Но чтобы услышать их, нужно обладать сердцем артиста, душой бахши.

Бахши... Это человек-искусство, человек-мелодия. И он обязан подарить слушателю то, чего они не смогут получить нигде. Ни за какие деньги. Обязан подарить им высокие чувства, облагораживающие эмоции. И он должен быть философом, человеком, который не заботится о собственном благополучии—ведь привязанность к материальным благам лишила бы его возможности жить чувствами и страстями героев любых времен.

Единственная ценность бахши—дутар... Туркмены говорят, что дутар лучше всего слушать на рассвете, когда вчерашние заботы уже исчезли, а сегодняшние еще не пришли, когда звучание дутара легко и естественно соединяет реальность и фантазию, прошлое и настоящее...

И тогда, вслушиваясь в эту музыку, помогающую вспомнить и предчувствовать, понимаешь, что слабое и нежное звучание дутара пронизывает все туркменское искусство, сплетая все его виды в сложный и постоянно развивающийся узор...

МУЗЫКА

НАДО ВНЕШНЕ

Гарий НЕМЧЕНКО

В жизни этого маленького городка бывает пора, когда на центральных улицах становится вдруг заметно больше рослых, с плечами в сажен парней с крепкими, уверенными лицами. Занятый своими заботами, ты сперва и раз и другой немаленько обернешься им вслед, и только потом до тебя дойдет: самбисты!

Значит, опять приехали к нам и москвичи с ленинградцами и сибиряки, опять несколько дней тихий Майкоп будет жить ожиданием жарких схваток, будет спорить до хрипоты и строить прогнозы, а потом в переполненном до отказа зале пединститута раздастся удар гонга, и на коврах сойдутся ребята в белых, перетянутых разноцветными понсами, холщовых куртках...

Надо хоть раз побывать в этом зале, чтобы представить себе болельщиков: и плотная, будто слипшаяся воедино толпа юношей, таких решительных, словно каждый из них тоже готов в любую минуту появиться на ковре; и убитенные сединами, с помолодевшими глазами мужчины; и стайка черноволосых девчат—студенток, по ярко пылающим лицам которых можно определить не только предмет симпатии, но, кажется, даже срок будущей свадьбы; и старец в горской папахе, издали прехвавшийся посморгнуть на успехи внука; и какой-нибудь толстощекий завсегдатай, поглядывающий вокруг себя с таким видом, как будто это исключительно ему все обязаны этим шумным праздником; и поднимающий крышу, раздвигаящий стены крик—это в его честь; и сидящая у ног его на полу пацана, замороженно следящая за каждым движением чемпиона; и тихая, в крестьянском платке, с огрубевшими от работы руками женщина, которой, несмотря на всеобщую давку, нашлось почетное место в первом ряду,—его мама...

Среди всеобщего гомона, среди этих тугих хлопков тела после удачного броска, среди коротких судейских свистков несильным шагом иногда пройдет к ковра невысокий человек с внимательными глазами на крохотном лице, присядет на низенькой скамеечке, наблюдая за схваткой, бывает, что-нибудь негромко подкажет, а то так и просидит молча, только уже после победы дружески улыбнется тому, ради кого пришел сюда. Опять почти незаметно пройдет по залу, и походка его при этом будет такая, словно он идет через комнату, в которой прилегли отдохнуть.

Не знаю, отчего мне всегда было любопытно исподволь наблюдать за этим человеком, и всегда мне почему-то казалось, будто

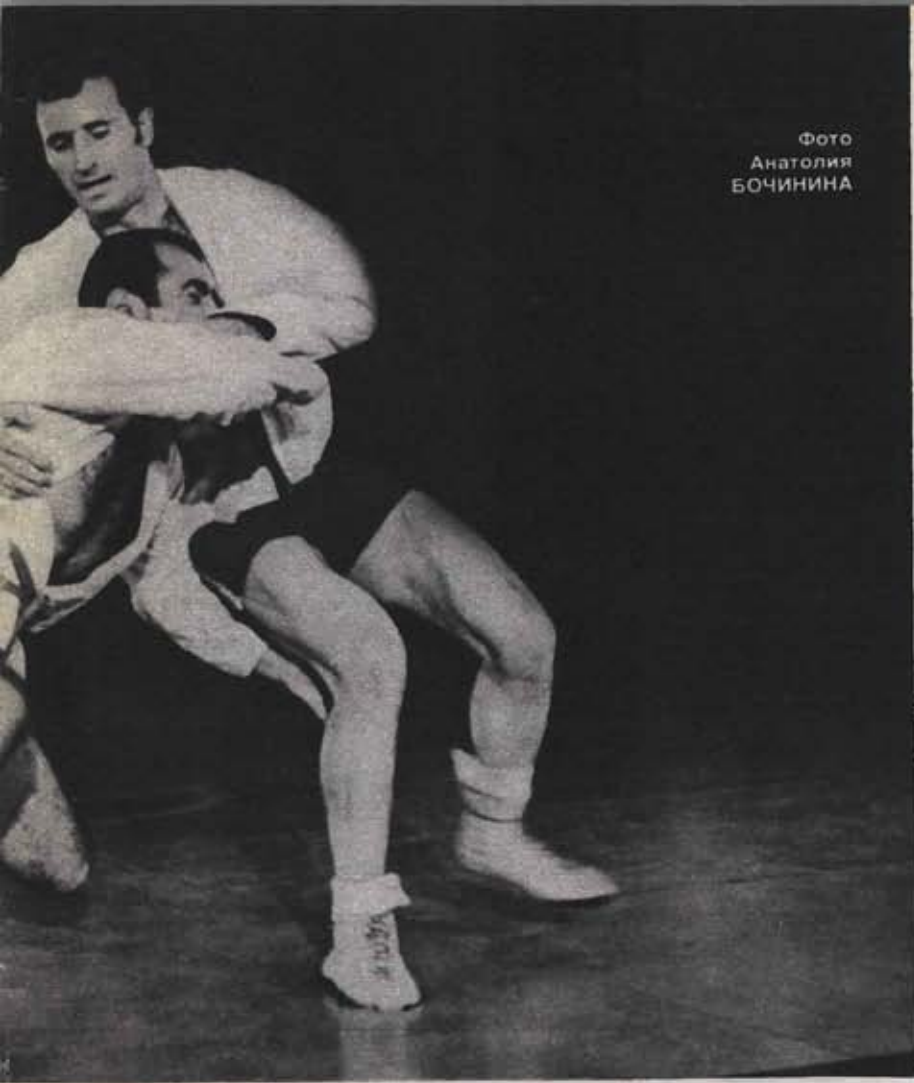


Фото
Анатолия
БОЧИННИНА

он, воспитавший здесь столько ребятшек, и меня, сорокалетнего, может научить чему-то очень важному в жизни — то ли терпеливому спокойствию и упорству, то ли неброскому достоинству...

Чего там, мало ли тех, кто по собственной славе сохнет и, если люди не поторопятся, сам себе ее принимает тщательно устранив, и бережет потом, и всячески холит... Он же не гонился за собственной славой, некогда было — работал. Слава нашла его сама.

Десять лет назад из Кишинева в родную Адыгею вернулся мастер спорта по самбо Якуб Коблев. Пошел работать ассистентом в местном педагогическом институте, а в свободное от занятий время на общественных началах стал вести секцию самбистов.

Об этом виде борьбы в ту пору знали в Майкопе немного. «Самбо?.. Это руки-ноги ломать?» И молодому тренеру пришлось обойти не один двор, не в одну дверь постучаться, не в один аул поехать, чтобы поручиться перед родителями: ничего плохого с их мальчиком не случится.

Зал был крошечный, шесть на восемь, в нем даже настоящей борцовский ковер не помещался, и занятия приходилось вести в три-четыре смены. Здесь в семь утра начинала со своей рабочей день и здесь же в одиннадцать почти его заканчивал. Теперь под хорошее настроение нынешние чемпионы, бывает, улыбаются наставнику: «Якуб Камболевич, а помните?..» Тогда они, придя в зал, случалось, заставляли своего тренера сплывшим и старались не разбудить его, потихоньку начинали разминаться. Прикладывали палец к губам и шикали друг на друга, а он, свернувшись калачиком, пять или десять минут еще подремывал на уголке ковра и только потом, словно очнувшись, приподнимался: «Приступили? Следующее упражнение...»

Первым из воспитанников Коблева норму мастера спорта выполнил Гумер Костоков. Как говорится, льса беда начало. Теперь в Майкопе около семидесяти мастеров. Пятеро из них — международного класса. Один имеет это звание по двум видам: по самбо и по дзю-до.

В вестибюле Адыгейского педагогического института висит большой стелд — «Наши чемпионы». И после сказанного выше можно, конечно, догадаться, что речь идет не о черенстве среди факультетов. Арамбий Хапай — чемпион мира по самбо семьдесят четвертого года. Гумер Костоков и Арамбий Емжж — чемпионы европейского первенства в Мадриде. Владимир Невзоров — чемпион Европы семьдесят первого и семьдесят второго года по самбо и по дзю-до. Аристотель

Спиров — победитель спортивных состязаний на десятом Всемирном фестивале молодежи, серебряный призер первенства Европы по дзю-до и абсолютный чемпион Спартакиады народов РСФСР семьдесят пятого года. Владимир Гурии — чемпион СССР семьдесят четвертого года по дзю-до среди молодежи. Список этот, как в таких случаях говорится, можно продолжить.

В Майкопе теперь проводятся многие крупные соревнования. Сборная команда страны готовилась тут к проходившему в Тегеране чемпионату мира. Майкоп назван базой подготовки нашей олимпийской команды.

А что Коблева? Он теперь не только заслуженный тренер РСФСР, но и кандидат наук, доцент, декан открывшегося недавно в педагогическом институте факультета физвоспитания. Это, так сказать, официальные данные. А послушать-ка все те легенды, которые ходят теперь вокруг его имени!

В шестьдесят пятом мама тринадцатилетнего подростка Минни Рубанова, решившись наконец, твердой рукой написала записку: «Товарищ Якуб! Разрешаю своему сыну...» Два года назад Михаил, тоже мастер спорта, закончил физмат, но, верный своему наставнику, работать остался с Коблевым. Сейчас он заместитель декана факультета физвоспитания.

Желая проверить одну из легенд, однажды я спросил его: а правду ли говорят — для того, чтобы повести команду на первые соревнования, Коблеву пришлось продать собственную машину?

Высокий и на редкость широкоплечий, но еще с юношеским пушком на щеках заместитель декана на секунду задумался:

— Вообще-то он продал бы, Якуб Камболевич. Если бы... она у него была. Теперь мы стали старше, и многое начинаешь понимать... Как он тогда одевался? Лишь бы чисто да выглядело. Зато если покупать мороженое — всем ребятам, если идти в кино — всей командой. Думаете, не знаем, чьи это были деньги? Потому что какие тогда были командировочные — одна слеза.

Извинившись, я позволил себе спросить еще об одной вещи: этот здешний обычай, когда в ресторане уважаемому человеку посылают через официанта коньяк или шампанское... Говорят, стоит Коблеву появиться за столиком, как тот через пять минут уже ломится от бутылки, но, когда тренер уходит, они так и остаются нетронутыми. Как же Якуб Камболевич выходит из положения?

— А никак. Просто улыбается... Только за те десять лет, что мы его знаем, он не выпил, пожалуй, и двадцати граммов.

Подумайте о себе. Поворотите прошлое. Припомните уже покрытые легкой дымкой забвения ошибки свои или неудачи... Разве никогда не хотелось вам иметь мудрого и надежного старшего друга? Разве не тосковали вы по наставнику и тогда, когда в пору было самому уже наставить молодых?

А теперь представьте себе этих вчерашних мальчишек, этих юношей, этих молодых мужчин, с каждым из которых он готов разделить и огорчения и радости, каждого из которых готов, чем только может, поддержать в трудную минуту. Он научил их не только броскам и подсечкам, не только приемам борьбы, но и чему-то куда более важному и достойному — может, оттого-то ему во время схватки бывает достаточно просто тихонько посидеть рядом с ковром?

Здесь же во время всероссийских соревнований и видел тренера, проводившего подростка-неудачника, на которого только что возлагал надежды, с ковра звонкой затрепичкой... И видел другого, который во всю ивановскую орал во время схватки: «Труи! Ты у меня больше не занимаешься! Домой пешком пойдешь — все!»

Самбисты-майкопчане, приехавшие с соревнований в Подмосковье, рассказывали, как их подвел чужой тренер. Сказал в электричке, что взял билеты на всех, а после, когда с двух сторон появились контролеры, потихоньку встал, показал единственный, быстренько вышел в тамбур и, когда полвагона спортсменов виновато оправдывались, только поглядывал иногда из-за двери.

У здешних ребят это в голове не укладывалось: «Да разве мог бы такое Якуб?!»

Никого из них он ни разу не обманул. Никого не подвел. И они отвечают ему такой же преданностью — не случалось еще, чтобы кто-то из майкопчан польстился на иногородние посулы. А разве их не было?

Из Майкопа уезжают только в двух случаях: или учиться, или служить в армии.

Как-то недавно и заглянул в спортзал института. У борцов шли занятия. Мальчишки, которых он когда-то кормил мороженым и многие из которых обехали уже полсвета, покорила всех мужеством своим и мастерством, бывшие эти мальчишки сидели вокруг него на ковре. Тренер говорил совсем тихо, почти неслышно, и я вдруг поймал себя на том, что подумал: никогда, может быть, не слышал я такой деловой и вместе с тем такой почитительной тишины...

Два или три года назад на всеоюзных соревнованиях ребята указали мне на одного из судей: «Учитель Якуба!» В перерыве мы разговорились, и Андрей Андреевич Дога, тренер сборной Молдавии, сказал: «Одним словом ничей характер, конечно, не определишь, но, если бы пришлось выбирать, я бы у Якуба такое главное качество назвал: самоотверженность... Помните, всегда — полная отдача». А в другой раз на правах болельщика и заговорил с Генрихом Карловичем Шульцем, бывшим шестикратным чемпионом страны по самбо, а теперь одним из наставников нашей сборной. Речь зашла о Володе Невзорове, и Шульц улыбнулся: «На сборах говорил ему: ты на тренировке все не выкладывай, кое-что про себя придержи. А он забудется и опять давай на всю катушку... Такая школа!»

Может быть, именно потому, что сам наставник имеет на то моральное право, в школе этой нет места тому, что мы называем серединкой на половинку, какдал тренировка тут — самая важная, Михаил Рубанов рассказывал: «Обещание ведь какая штука — полночи с ребятами проговорили, а на тренировке потом как варенья. Чувствуешь, что не в полную силу работаешь, на Якуба Камболевича глянешь, а он уж как будто ждет, чтобы ты на него посмотрел. Потом в конце занятий: все свободны, а ты останься еще на полчаса. Тут-то с тебя положенные семь потов и сойдут... Другой раз попросишь: что-то и не в форме — можно сегодня просто на стадионе побегать? Можно. Снова обратись с такой же просьбой, а он: вообще-то и уже говорил с тренером по легкой атлетике, он возьмет тебя...»

Из секции здесь отчисляли только за пропуски. Все остальное считается поправимым — лишь бы ты любил спорт и жил одним заботам с коллективом.

Не надо думать, конечно, что у самбистов всегда все хорошо. Случаются тут «чш». И есть тут свои «трудные дети» — все, как везде. Вот только подход к проблемам воспитания особый. Бывает, все испробовали, остается только навсегда вычеркнуть парня из списков секции, но здесь как крайняя мера применяется такой вариант — вызывает человека декан, противника пачку денег: «Здесь ровно восемьсот. Повесть ребятам в Киев. Будешь за старшего...»

И из Киева или, предположим, из Красноярска возвращается уже другой человек, и его победа над собой считается, может быть, самой важной из всех тех, с какими вернулась команда в родной город.

Бывает, где-нибудь на шумной улице, на вокзале или в аэропорту увидишь шагающих вразвалочку, с громкими голосами и развязными жестами молодых людей, весь вид которых подскажет тебе: спортивная команда. Воспитанников Коблева тоже отличишь в толпе, но только по приметам совершенно противоположным. Там, где поглядывают эти ребята, сразу устанавливается какая-то удивительная атмосфера. Не знаю, в чем тут дело, но от каждого из них словно исходит свет особенного, юношеского достоинства.

Нравственный авторитет самбистов непоколебим. Приходит к тренеру женщина с лицом растерянным и печальным, начинает рассказывать о собственном сыне: «Уже и миллион просила что-нибудь сделать и где только не была — теперь надежда только на вас...» И по дворам теперь не надо ходить. От родителей, которые доверительно просят тренера сделать из сына «настоящего мужчину», нет отбоя.

В Майкопе нынче работает детская спортивная школа по самбо, и филиалы ее созданы не только в аулах, но и за пределами Адыгеи: в Хадзыжиске, в Усть-Лабинске. Нередко в гости к своим подшефным приезжают майкопчане, или аульские ребята отправляются в Майкоп. А два последних дня каждого месяца и первый день очередного здесь проходит тренерский совет — на нем учатся друг у друга сами наставники, молодые воспитанники Коблева.

Не стану скрывать своих симпатий к майкопским самбистам, верным болельщиком которых я сделался сразу же, стоило мне впервые прийти в зал. Но, когда в городе начинались соревнования, когда сюда приезжали ребята из Сибири, душа моя разрывалась надвое, подбадривать и принимался сибиряков и потом, когда они частично проигрывали. Невольно мне становилось обидно за Сибирь, за этот громадный край с его миллионными городами, с таежными селами: неужели там перевелся нынче богатыри?

Стараясь докопаться до истины, не раз и не два беседовал с сибирскими тренерами, многие из которых во время пребывания в Майкопе старались как можно больше разузнать о школе Коблева и кое-чему здесь научиться.

— Конечно, все так, — сказал мне один из сибиряков. — И бороться в аулах начинают чуть ли не с трех лет, а теперь, когда появились Якуб, и того, небось, равные... И тренер он, конечно, не только выдающийся, но, по моему мнению, гениальный — это нам всем еще предстоит открыть. Все так. Но, знаете, если бы председатель нашего облисполкома сделал для самбистов хотя бы половину того, что здесь для ребят в пединституте делает ректор!

Легкового автомобиля у Коблева и шестьдесят пятом году и верно не было. Зато рядом с ним были люди, которым так же, как и ему самому, было чуждо равнодушие. Ректор пединститута Александр Корохович Ячиков и помогал найти средства для первых поездок и сколько сил вложил потом в строительство спортивного зала — того самого, в который съезжаются нынче не только со всех концов страны, но и из-за рубежа! Совсем недавно здесь принимали японских мастеров дзю-до и самбо. И сборная России, составленная исключительно из майкопчан, не подвела: соревнования по самбо закончились ничьей, а по дзю-до из восьми схваток гостям удалось выиграть только одну.

— Конечно, мы слышали о борцах из вашего города, — сказал на прощание тренер японцев Виктор Кога. — Но то, что здесь увидели, превзошло все наши ожидания... Но, погодите, в следующем году мы привезем другую команду!

Недавно в Японии с ответным визитом побывали советские самбисты, и среди них — несколько майкопчан. Тренер их нынче тоже за рубежом: в Мадриде помогает готовиться к Олимпийским играм испанской сборной по самбо.

Наверное, Александр Корохович Ячиков имел бы полное право подумать, что в успехах майкопских самбистов и их тренера есть доля его участия. Но от меценатства этот человек очень далек. Говорят, будто ему принадлежит слово: «Если бы Коблев занимался не самбо, а, предположим, лыжами или конным спортом, если бы он вообще был специалистом другого профиля — он нашел бы у руководства института точно такую поддержку, потому что нельзя не помочь человеку, который так беззаветно предан своему делу...»

Прекрасная эта штука — когда самоотверженность бывает оценена по достоинству!

...Стихает шум в спортзале пединститута. Разезжаются по домам крепкие ребята — рослые здоровяки, косая сажень в плечах. Но самые мужественные и самые сильные остаются в Майкопе: их дом — этот маленький город.



Юбилары 1975 года

КОМСОМОЛ КИРГИЗИИ НАГРАЖДЕН ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

Алмаз РЫСМЕНДИЕВ,
первый секретарь ЦК ЛКСМ Киргизии

Мысленно оглядывая путь, пройденный за полвека, мы с гордостью говорим, что с первых дней своего существования комсомол Киргизии был боевым авангардом нашей молодежи, надежным резервом и помощником партии. Через годы, через все трудности и испытания он проявил непоколебимую преданность революции, идеалам коммунизма.

Сотни тысяч киргизов прошли школу Ленинского комсомола, получили, работая в нем, идею и трудовую закалку. Они боролись с контрреволюцией, строили, мечтали, стояли насмерть у стен Москвы и Сталинграда в годы Великой Отечественной. Многие из них не дожили до сегодняшнего радостного дня. Имена их, известных и безымянных героев, живут и будут жить в нас вечно.

Матвей Турсунов — солдат революции, боец за установление Советской власти в Киргизии, комсомолец, он пал смертью храбрых в жестоких боях с басмачами. Уркун Салыев — неистовый борец за волю, социалистическую деревню. В свои неполные 20 лет комсомола была заверши убито разоблаченными им кулаками. Панфиловны Дуйшенкула Шопова и Чолпонбай Тулебердиев, повторивший подвиг Александра Матросова, — Герои Советского Союза, отдавшие свои жизни в борьбе за свободу и независимость нашей Родины. Владимир Буслаев — комсомолец, тракторист машинноиспытательной станции Кантского района республики, погиб при испытании новой техники.

Все они и сегодня на правом фланге ударного строительства, в нашем многотысячном строю.

Отмечая день рождения Ленинского комсомола, мы с радостью видим, что свершения всех комсомольских поколений находят свое живое продолжение в делах комсомольцев и молодежи 70-х годов, вликая современника. На высокогорных джайлоо и в долинах Киргизии молодежь водит огары овца, растит хлеб, хлопчат, на заводах и фабриках ее руками выпускаются точные станки, ткани всех цветов радуги, добывается в шахтах уголь. Примеры трудовой доблести показывают молодые труженики Токтогульской ГЭС и Фрунзенской ТЭЦ, Киргизского камвольного-суконного и Ошского текстильного комбинатов, Фрунзенского автоборочного и Кантского цементно-шиферного заводов.

Тысячи их сверстников — активных участников движения «Пятилетке — ударный труд, мастерство и погоня молодых!» работают под девизами «За себя и за того парня», «В труде, как в бою!», «Все для трудовой победы». Эти призывы и сегодня звучат так же по-боевому, как и дни первых пятилеток и военных лет. Надежды Лавская, Манасалы Сабыров, Николай Овчаренко, Мукан Салыев, Анатолий Андреев, Анна Бек-

турсунова, Петр Якуши, Александр Марозов, Леялибе Тикова — на них равняется молодежь.

Одним из главных направлений трудовой инициативы является борьба за отличное качество продукции, за повышение производительности труда, широкое внедрение достижений научно-технического прогресса. Только в 1974 году в производстве внедрено 4500 рациональных изобретений рационализаторов и изобретателей, в результате получено экономический эффект 6,5 миллиона рублей.

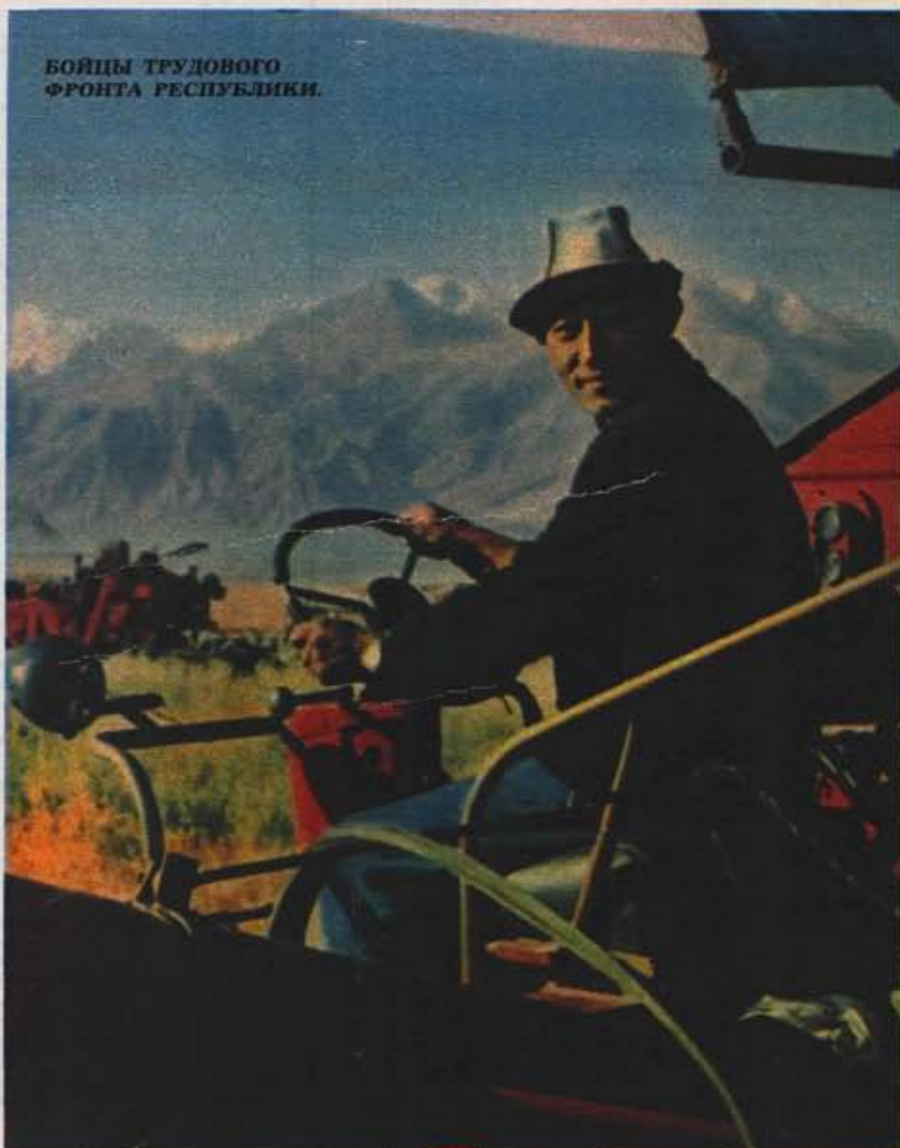
Предметом постоянной заботы комсомола стало шефство над сооружением Токтогульской ГЭС. Коллектив Всесоюзной ударной — это в большинстве своем молодежь, представители 40 национальностей нашей страны. И огни, недавно зажженные турбинами Токтогулки, — это праздничный салют в честь их дружного и самоотверженного труда.

Таков сегодняшний трудовой день комсомольцев и молодежи республики, который весомо вкладывается в общий большой день нашей необъятной Родины.

Глубоко взволновала молодежи и девушек республики высокая оценка, данная Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. Н. Брежневым деятельности молодежи в шестом комсомольском с. Москвы — победителям социалистического соревнования: «Партия высоко ценит трудовой энтузиазм советской молодежи, видит в Ленинском комсомоле свой боевой резерв и надежную опору». В этих словах черпают вдохновение и комсомольцы Киргизии. Более 9 тысяч молодых производственников республики выполняли задания первой пятилетки, 214 лучших юношей и девушек завоевали право сфотографироваться у святых нашего народа — Знамени Победы.

В созидательном труде время летит особенно быстро. В мае этого года комсомол Киргизии отпраздновал свое 50-летие, ему была вручена высокая награда Родины — орден Трудового Красного Знамени, а сегодня молодежь передовики промышленности и сельского хозяйства, целые комсомольско-молодежные бригады, экипажи, звенья, встали на предельно высокую вахту, включившись в широко развернувшиеся по всей стране движения под девизом «Пятилетие — победный финиш! XXV съезду КПСС — достойную встречу». Все помыслы молодежи направлены на то, чтобы завоевать право поднимать рапорт Ленинского комсомола XXV съезду партии.

У истоков Ленинского комсомола стоял великий Ленин. Комсомольцы, вся молодежь, четырехряды орденосного Киргизстана своим трудом доказывают верность ленинским заветам, преданность Коммунистической партии.



БОЙЦЫ ТРУДОВОГО
ФРОНТА РЕСПУБЛИКИ.

Алим БАБЕТОВ

"...С КАЖДЫМ ГОДОМ МНЕ МИЛЕЙ МОЯ ЗЕМЛЯ"

У молодой киргизской поэтессы Майрамкан Абылкасымовой вышло уже семь поэтических сборников. Два из них переведены на русский язык. За сборник стихов «Веру в сердце храню» и поэмы «Отчизна это знает», «Памятник не молчит» Майрамкан Абылкасымова удостоена премии Ленинского комсомола.

ЦАРИЦА ПРАЗДНИКА

Так ее назвал отец. Ведь дочка родилась 7 ноября. Поначалу сомневался: слишком, может, возвышенно? Но в аиле одобрили. Хорошее совпадение—родиться в такой праздник. Дочка подрастала, и отец уже не сомневался, а радовался столь удачно выбранному имени. Майрам—праздник, кан—царица.

И праздники начались для нее со сказок... Отец удивлялся: ну, сколько ей можно рассказывать их! Все, какие знал, пересказал, а дочка требует еще и еще. И Абылкасым-ата стал выдумывать свои сказки. О добре и зле. Но больше о добре. Во всех выдуманных сказках он, сельский учитель, утверждал: добро побеждает зло. Отец видел взволнованные, широко раскрытые глаза Майрамкан и вдохновлялся. Он импровизировал, влетая в свои сказки народные легенды, сказания.

Попутру, по росе, когда аил, притаившийся у красных гор, еще не освободился от ночной дремоты, босоногая девочка бежала на дальний лужок: встретиться со вчерашними героями сказок. Ягненка звала братом Иванушкой.

На берегу речки Майрамкан ждала появления волшебной феи. А она все не выходила. Только первые лучи солнца плескались в красноватой воде. Но девочка верила: фея покажется—и бежала по лужайке, пугая лазоревок, пеночек. Сколько радости дарило ей майское утро! Девочка возвращалась с лужайки домой—в глазах неумная, будоражащая радость. А у дома почему-то дяди хмурые, тети плачут... Мама умерла... Мама, у которой «пальцы ее—десять солнечных нежных лучей».

Светлых сказок не стало. Повзрослела девочка. Необъяснимое горе сжало плечи. Отец успокаивал, как мог. Вместо сказок рождались маленькие трагедии. Девочка их воспринимала, как боль. И постепенно образная трагедийность вытесняла реальную, житейскую.

О СВОЕМ ДЕТСТВЕ МАЙРАМКАН СКАЗАЛА:

Несмышленной меня захватила беда,
И от птиц ожидала я весточки с фронта.
Я же видела—птицы летели туда,
За черту горизонта.
Вслед за мной, босоногой, на дальний лужок
Мчался тощий ягненок, кудрявый дружок,
А в нетопленном классе худыми руками
Мы писали, волнуясь, диктанты о том,
Как отцы наши бьются с коварным врагом,
Как хранят пионеры спасенное знамя...

Мы любили цветы, мы очень любили цветы,
Но сажали тогда не цветы, а картошку...

В школу Майрамкан пошла, наизусть зная несколько отрывков из «Манаса».

Первое стихотворение—сатирическое—написала по поводу... Мальчик-одноклассник пропустил уроки. Есть у киргизов традиция: когда ребенок сделал первые шаги—это праздник. Его должным образом отмечают. Так вот, мальчик, у которого братишка сделал первые шаги, по этому поводу и прогулял. Майрамкан высмеяла его. И долго-долго потом переживала... Потому что мальчик обиделся и не разговаривал с нею.

Вот с тех детских пор человек научился переживать и сопереживать.

О ЮНОСТИ ОНА СКАЗАЛА:

Алепа земляника на откосах,
Склонялись над смородиной утесы,
А я рвала тюльпаны, чтобы их
Вплетать в свои свисающие косы.
Ах, травы,
Что успели в пух одеться!
Ах, пики гор, вознесиесь дерзко!
Весной вы снова маните меня,
Как воплощенье скрывшегося детства.

ГИМН ЛЮБВИ

Стройная, с косичками вразлет, покидала родной аил царица праздника. Чтобы продолжать свой праздник. Чтобы начинать свое будущее. Чтобы любить и творить, дерзать и мучиться.

Фрунзе—море людей, зданий, парков.
—Я поведу тебя по городу,—сказал ей юноша.—Я покажу тебе город-сад и подарю его тебе. Ты согласна?

Сколько цветов этой весной!
Сколько тюльпанов желтых и красных!
Сколько трав этой весной!
Щедрые грозы прошли не напрасно!

Смотрите—трава блестит под дождем!
А сколько в каждой улыбке привета!
Кажется, мир—сегодня рожден...
Смотрите, смотрите, как много света!

А чтобы воспринять все это, надо иметь широко распахнутое сердце. Такое, как у Майрамкан. «Несчастен человек, перед которым вход в красоту закрывается навек».

В вестибюле пединститута—объявление: «Всем! Всем! Всем! В комнате № 36 вы можете записаться в литературный кружок. Вас ждут встречи с Аалы Токомбаевым, Темиркулом Уметалиевым, Кубаньбеком Маликовым, Абдырасулом Токтомушевым, Суонбаем Эралиевым, Касымалы Баялиновым и другими. Записывайтесь у Майрамкан Абылкасымовой».

Не ожидала Майрамкан, что столько желающих будет. Спорили. Родовались и опять спорили. А главное, много читали. Это было одним из требований к кружковцам.

«Шоола» в переводе на русский—светильник. Так называли свой кружок энтузиасты. Ну, а светильник должен светить. Приглашались именитые поэты, писатели, музыканты, певцы. Выпускалась огромная стенгазета. Майрамкан писала переводы, рисовала карикатуры, придумывала веселые шутки. И еще писала стихи.

И шла я, миллионы следов оставляя
На пыльных асфальтах струящихся улиц.
Чего я искала, покоя не зная?
О мама, ты б видела, как подросла я!
Теперь я уже со смущением скрытым
Иду и поглядываю на джигитов,
В глазах отражая их гордые лица.

Ну, конечно же, юная душа была переполнена. И все, что в ней копилось, не могло, никак не могло оставаться втуне. Оно должно было вырваться наружу. И оно вырвалось. Стихи Майрамкан публикуют газеты, журналы.

СТУДЕНЧЕСКАЯ СВАДЬБА

Мой джигит, моя опора,
Твой платочек мною вышит.
Дай к твоей груди прижаться,
Нежной лаской обогрей.
Видишь, как сияют горы,
как на них тюльпаны пышут?
Крепче, крепче стисни пальцы,
силы поделись своей.

О ЗРЕЛОСТИ МАЙРАМКАН СКАЗАЛА:

Отчизне, всей душой ее любя,
Я отдавала мужество и силы.
Мечтаю, солнцем маленьким взойдя,
Светить с вершины своему аилу.
Чтоб каждый день мой, что пришел на свет,
В котором все—и радости, и беды,
Усталости неизгладимый след,—
Был днем моей, хоть маленькой, победы.

ЗА ЗВЕЗДОЙ ЗВЕЗДА

Трудно писать о поэтессе. И я не случайно часто обращаюсь к ее стихам. Это ее самовыражение. Ее понимание самой сути жизни. В стихах—она вся. Иначе и не может быть. Строки не пишущся, они льются из души. И нет такой силы, чтобы их сдержать.

Есть такое счастливое совпадение: и на виду и в себе—одно целое. На виду—ее стихи. В себе—их истина. Идет по улицам Фрунзе молодая женщина. Элегантная, подтянутая, а в глазах... детство.

Сегодня грянул вдруг весенний дождь.
Покой земли он радостно нарушил.
И куда от вихря не уидешь—
Ворвался в душу.
Опять всем сердцем чувствую весну,
Опять стяхнула я оцепененье...
Но снова слышу грустную весну
И гулкое сердцебиенье.
Хочу услышать запахи полей
И жаворонков золотые трели,
Хочу я стать немного посмелей,
Хочу побыть в апреле...

После встреч с поэтессой я по-новому начинаю воспринимать окружающее. Такие встречи дарят нам счастливые минуты бытия. Вспоминаю свою мать. Помните: «Пальцы ее—десять солнечных нежных лучей». Читайте стихи Майрамкан и... узнаешь себя, своих близких, друзей, сегодняшний день.

Представьте себе Майрамкан на официальных приемах в Москве, Киеве, Софии, Вене, Улан-Баторе, Будапеште. Строгая, взыскательная. И представьте—в своем родном аиле, среди детишек, женщин. Она одинакова.

Член ревизионной комиссии Союза писателей СССР, член клубов творческой молодежи Болгария—СССР, Монголия—СССР, член республиканского Совета женщин, Коммунист с 1970 года.

Работает в журнале «Ала-Тоо». Сколько молодых приходит к ней! И она всем помогает, советует. Ведь когда-то ей тоже помогали, советовали. Да и сейчас она учится у народных акынов, писателей. Любит Ольгу Берггольц, Мустая Карима, Анну Ахматову, Александра Твардовского, Кайсина Кулиева... Всех не перечислишь. Дома полки заполнены книгами.

Есть такой талант—делать добро людям. Не щадя себя. Майрамкан—такая. Она могла бы сказать словами шекспировской Джульетты: «Чем больше я трачу, тем становлюсь безбрежной и богаче».

«...С каждым годом мне милей моя земля». Это от щедрости души. От таланта «тратить» и воспринимать. Щедрей земля становится с каждым годом потому, что сама Майрамкан не только с каждым годом—с каждым месяцем, днем становится щедрее.

Здесь, пожалуй, уместно привести мысли, высказанные Чингизом Айтматовым:

«Я, как литератор, общаюсь с моими коллегами по искусству и нахожу в них много такого, что меня радует, огорчает, волнует. Нахожу то, что заставляет меня думать. Этим последним качеством отличается, на мой взгляд, творчество Майрамкан Абылкасымовой».

Ну, а теперь давайте попрощаемся с Майрамкан. Попрощаемся, чтобы обязательно снова с ней встретиться. Ведь с ее стихами трудно расстаться. Они живут в нас.

Снова, снова бодрит весна.
Хочу бежать по траве с букетом,
Снова, снова я влюблена!
Снова, снова пою об этом!

Горячая радость бурлит во мне
Хочу испить воды родниковой.
Снова моя голова в огне,
Все повторяется снова.



ОКТАБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. СКОЛЬКО СТОИТ КОНСЕРВАТИЗМ?
2. ДРЕВНИЕ ИСПАНЦЫ — ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ АМЕРИКИ?
3. АТАКА НА ПТИЦ
4. ЕЩЕ ОДНА ЗАГАДКА ПИРАМИД
5. НОВОЕ ДОМАШНЕЕ ЖИВОТНОЕ?
6. ЗИМОЙ — ЛЫЖИ, ЛЕТОМ — САНКИ
7. МИФ О КОВБОЯХ
8. МИР МОДНЫХ АРОМАТОВ
9. ДРУЗЬЯ ИЗ ПОДВОДНОГО МИРА
10. КАК В ДЕТЕКТИВНОМ ФИЛЬМЕ
11. ПОДЗЕМНЫЙ ЛЕС
12. В ОЖИДАНИИ... КОНЦА СВЕТА
13. ШЕСТОЕ ЧУВСТВО МОШЕННИКА

Обзор зарубежной прессы. Материалы печатаются в изложении

1.

Постепенный переход Канады к метрической (десятичной) системе мер приводит к тому, что Соединенные Штаты Америки остаются единственной высокоразвитой страной, избегающей самой распространенной в мире системы мер. Канада уже отказалась от шкалы Фаренгейта в пользу термометра Цельсия, а выпадающие осадки будут отныне измеряться в сантиметрах, а не в дюймах. Мерами гастрономических и бакалейных товаров теперь чаще становятся граммы и литры, нежели унции или кварта и пинты.

Несколько лет назад Торговая палата США установила, что в процессе торговых операций с другими государствами страна терпит ежегодно около миллиарда долларов вследствие своей догматической привязанности к громоздкой и неудобной системе мер, которой давно уже не пользуются ведущие индустриальные державы. Недавно в докладе федерального резервного банка Миннеаполиса констатировалось, что компании, занятые в международной торговле и торговле внутри страны, должны тратить дополнительные суммы из-за того, что им приходится использовать одновременно два комплекта оборудования и инвентаря.

Потери американских компаний еще более возрастут, поскольку Канада — крупнейший торговый партнер США.

До сих пор конгресс игнорировал все неудобства, что обусловлены архаической системой мер. Но есть надежда, что опыт Канады заставит и ее южного соседа задуматься над решением давно назревшей проблемы.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

2.

В последнее время среди ученых все большую популярность приобретает гипотеза об открытии Америки задолго перед викингами древними испанцами. Мысль о том, что первыми к берегам американского континента прибыли древние испанские мореплаватели, была высказана 40 лет назад археологом С. Гладвином. Сейчас эту гипотезу воскресил профессор Томас Ли, который во время своего выступления в Квебекском университете сообщил о находке вблизи Монреаля трех камней с надписями, свидетельствующими о том, что испанские моряки были в этой области ранее 150 года до нашей эры. В поддержку гипотезы высказался также известный ученый из Гарвардского университета профессор Фелл, который считает, что надписи на камнях были высечены между 450 и 150 годами до нашей эры. Из надписей следует, что первые европейцы на американском континенте происходили из испанской области Кадис. Они высекли на камнях свои имена и использовали диалект, известный из археологических находок на территории Испании. Профессор Фелл утверждает, что подобные надписи не единичны. По его мнению, камни с надписями древних испанских мореплавателей можно обнаружить как в Канаде, так и на побережье Мексики и американских штатов Род-Айленд и Мэн.

«МЛАДИ СВЕТ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

3.

Своеобразный «вклад» в защиту окружающей среды решили внести американские военно-воздушные силы. В районах двух воздушных баз в штатах Кентукки и Теннесси подготавливается уничтожение почти десяти миллионов птиц. Способ уже разработан. Птиц будут опрыскивать с вертолетов химикатом, который удалит с их оперения жировой слой, защищающий от холода. После подобной обработки первый же дождь приведет к массовой гибели птиц. Однако, как заявил представитель Пентагона по вопросам печати, «не беда, если нет дождя, — смертельным для птиц

окажется и падение температуры ниже +7 градусов С».

Большие стаи птиц действительно представляют опасность для воздушного движения, однако в других местах борьба с ними успешно ведется не уничтожением, а применением специальных отпугивающих средств. Этот аргумент среди прочих выдвинуло Американское общество защиты животных, выступившее с резкими протестами против намеченной кампании. Представители общества предупредили также о неизбежном после тотального истребления птиц размножении насекомых и грызунов. Судебные органы США, однако, отклонили их протесты, разрешив акцию уничтожения.

«РЕПУБЛЕШ», ВЕНГРИЯ

4.

Каждый из нас может жить до двухсот лет, а свежая пища может храниться в три раза дольше, чем сейчас, — вот какую гипотезу выдвинули ученые, занимающиеся изучением египетских пирамид.

Издавна считалось, что эти гигантские сооружения из каменных блоков служили лишь гробницами фараонов. Но позднейшие исследования показали: пирамиды могли быть и громадными телескопами, а размеры их сторон в определенной пропорции отражают расстояния до планет Солнечной системы.

Теперь раскрылся еще один секрет пирамид.

Впервые об этом заговорили в самом начале нынешнего века, когда французский ученый Эмиль Бови обнаружил в одной из пирамид несколько мертвых крыс. Крысы не разложились, как можно было бы ожидать, а, напротив, были полностью мумифицированы. Бови предположил, что самое строение пирамид столь же благоприятствовало процессу мумификации фараонов, как и балзамирование их останков.

Ученый вернулся во Францию и приступил к опытам. Он оставил в модели пирамиды мертвое животное и какое-то время спустя обнаружил, что животное начало превращаться в мумию. Размышляя над этим загадочным явлением, специалисты задумались: а не скажется ли оно и на возможности продления жизни человека?

Американские продовольственные фирмы начали эксперименты с целью выяснения влияния пирамид на сохранение пищи. Уже стало ясно, что здесь имеет место процесс обезвоживания, который, как известно, способствует длительному сохранению продуктов питания. В какой степени это открытие может быть использовано в коммерческих целях, пока сказать трудно. Но уже подтверждено, что если делать пирамиды не из камня, а из металла, то пищу в них хранить будет нельзя.

Любопытно, что в Сан-Франциско некоторые люди начали строить жилые дома в форме пирамид, надеясь, что сон в таких помещениях продлит их жизнь. Но, как нетрудно догадаться, потребуются какое-то время, чтобы выяснить, оправдаются ли надежды этих энтузиастов.

«УИКЭНД», АНГЛИЯ

5.

Следует ли приручить ламантина? Такой вопрос был поставлен недавно на международной конференции в Джорджтауне (Гайана), где ученые десяти стран обсуждали, нельзя ли с помощью ламантина решить ряд проблем тропических стран. Ламантин, иначе называемый морской коровой, является малоизученным млекопитающим, которое, к сожалению, вымирает. Это общительное, ласковое и добродушное животное представляет интерес для человека по двум причинам: во-первых, у него очень вкусное мясо (отсюда и браконьерство, которое в конечном счете может привести к полному исчезновению ламантина), и, во-вторых, ламантин способен во множестве поедать водяные растения. В тропических странах эти растения сильно засоряют реки и каналы. Так, например, река Нил в Судане на протяжении тысячи километров покрыта толстым слоем водяных гиацинтов. Водяные растения блокируют каналы, увеличивают испарение, благоприятствуют размножению комаров и загрязняют воду. Поэтому-то и возникла идея заселить реки ламантинами.

Сейчас в каналах и реках Гайаны живет 120 ламантинов. Ученые считают, что для нормального функционирования национальной оросительной системы требуется 250 животных. Но прежде следует более подробно изучить вопросы, связанные с питанием, размножением и патологией морских коров. И, конечно, необходимо принять все возможные меры для защиты этих полезных животных от браконьеров.

«СЪЯНС Э АВЕНИР», ФРАНЦИЯ

6.

Подъемник для лыжников, построенный в Вассербахе (ФРГ), был, естественно, предназначен для использования только в зимний сезон. Наверху, на высоте 732 метра, проектировщики предусмотрели смотровую террасу и небольшой ресторан. Но летом здесь бывает слишком мало народа, так что возить и обслуживать было практически некогда. Ничто не влекло туристов в Вассербах летом, и обслуживающие учреждения — подъемник, ресторан и прочее — стояли, как говорится, на приколе.

И вот принято решение построить саночный путь. И, конечно, не на основе ненадежного в летнюю пору снега, а самый современный — из асбоцемента. Для этой цели были специально сконструированы санки с корпусом из легкой пластмассы и системой двойных тормозов. Седок может сам регулировать скорость движения, что является немаловажным психологическим фактором с точки зрения безопасности движения. Впрочем, скорость спуска, который продолжается три минуты, не может быть опасно большой, так как на асбоцементном пути предусмотрено много небольших поворотов. За час по этой трассе может проехать 300 человек.

Это новшество принесло Вассербаху известность: в летний сезон здесь бывает по 250 тысяч человек, желающих испытать необычное ощущение — стремительную поездку по гладкому асбоцементному желобу с вершины горы.

«ХОББИ», ФРГ



7.

Он, пожалуй, самый заметная фигура американского фольклора — стройный, самоуверенный, гордый ковбой, смело защищающий закон. Однако в последние десятилетия это традиционное представление о благородном бродяге пошатнулось. Причина — естественная реакция на поток насилия, вызывающийся с теле- и киноэкранов.

По мнению У. Сэнджа, историка из Оклахомского университета, реальные ковбои, состоявшие на треть из негров, мексиканцев и индейцев, были неотесанными и грубоватыми парнями 18—25 лет, батраками, в большинстве случаев не имевшими даже собственной лошади. Хозяин рывчо строго следил, чтобы они не пользовались огнестрельным оружием, не играли в азартные игры, не устраивали скачек в свободное время. С тех пор хозяева голливудских «фабрик грёз» обыграли незамысловатый сюжет в стольких вариантах, что миф совершенно вытеснил в сознании американцев реального ковбоя — востуха на коне, делающего трудную, малоромантичную работу.

«ПАРАЛЕЛИ», НРБ



добротный и выдерживает 15—20 циклов стиральной обработки. О дальнейшем можно не беспокоиться: мода не вечна». Да, мода не вечна, точнее говоря, она бывает крайне быстротечной. И надо максимально поспешить, чтобы успеть достаточно заработать на этой внезапно взметнувшейся ввысь модной волне ароматических изысков. Успеть, пока не придет другая, еще более немислимая мода.

«ВИЕСНИК У СРИЕДУ», СФРЮ

9.

Валери Тейлор, увлекающаяся подводной фотографией, дружит со многими обитателями морских глубин. Ее лучший друг (вы его видите на снимке) — мурена, которой Валери дала кличку Гарри. Гарри живет около южной оконечности австралийского Большого Барьерного рифа. Валери посещает своего друга, кормит его и играет с ним вот уже семь лет. Когда она начинает медленно всплывать вверх, Гарри тычется своим любопытствующим носом в «молнию», на которую застегнут костюм фотографа.

«Опасно? Ну, что вы, это — очаровательное создание», — говорит Валери. Из млекопитающих животных она больше всего любит австралийского морского льва. «Самое милое, привлекательное, ну просто восхитительное существо, полное очарования», поясняет Тейлор. — Когда морской лев видит вас, то он так изумлен, что его глаза, кажется, готовы вылезти из орбит: он никогда прежде не встречал ничего подобного. Животное бросается выяснять, что к чему. Морской лев покрывает вас поцелуями, кладет лапы на вас, он полон любви. Морской лев так расположен к незнакомцу потому, что здесь, в этом тихом районе, никто не обижал его».

«Спруты — наиболее умные из холоднокровных существ», — продолжает Валери. — Они великолепные родители, очень умны и даже артистичны. Многие из них строят свои собственные дома с дверями, которые они умеют закрывать, с крышами и — дабы придерживаться норм добрососедства — с дорожками из белой гальки, которые ведут к дверям домов».

И для акулы фотограф находит добрые слова, доказывая, что этот хищник играет в океане важную роль: акулы — сборщики мусора, они очищают море от всех тех отбросов, которыми засоряет Мировой океан.

«ФОКУС ФИЛИППИНС», ФИЛИППИНЫ

8.

«Это самое гениальное изобретение, сделанное в Соединенных Штатах со времен появления на рынке хулахупа», — сообщила флоридская газета. — Всемирный успех новой идеи обеспечен». Но журнал, издающийся в Нью-Йорке в категорическом тоне заявил: «Ничего подобного. Это типичный образец американского недомыслия».

И восхищенные и недоумившие говорили о новом товаре, наводнившем американский рынок, — о майках, ткань которых насыщена разными запахами и ароматами. За четыре месяца их было продано три миллиона штук.

Эти майки с короткими рукавами имеют спереди изображение цветка или плода, ароматом которых напоена ткань. Самыми модными запахами считаются запахи апельсина, клубники, малины и... виски. В этом случае владелец майки может любоваться изображением бутылки у себя на груди. Последним по популярности является запах бананов.

«Успех небывалый!» — заявил изобретатель ароматического чуда Джим Голд. — Вскоре мы начинаем срочный выпуск самого модного аромата. Как вы уже сразу могли догадаться, это будет запах марихуаны. Впрочем, не волнуйтесь: аромат этого популярного зелья мы воспроизвели синтетическим путем. А на будущий год, к двухсотлетию юбилею Соединенных Штатов, мы наладим выпуск маек с непревзойденным запахом медового пирога — нашего традиционного праздничного лакомства. Что же касается стирки, то пусть публика не волнуется: наш товар

10.

Канадской прессе было о чем писать: суд в Торонто рассматривал дело об убийстве, которое могло бы послужить сюжетом для сценариста, работающего в жанре детектива.

Строительный подрядчик Питер Деметер заключил договор о страховании

жизни на сумму один миллион долларов. Эти деньги должен был получить тот из супругов, который переживет другого. С той поры и Питер и его жена Кристина начали строить хитроумные планы, как получить эти деньги. Каждый думал, что успеет опередить другого. Эту гонку смерти выиграл муж: приехав однажды домой в сопровождении пяти приятельниц Кристины, он нашел жену мертвой на полу гаража. У Питера было идеальное алиби — весь вечер он провел в обществе упомянутых пяти женщин в своей вилле за городом, а затем попросил их съездить вместе в магазин и помочь выбрать жене подарок. В последний момент Деметер отказался от покупки, и вся компания решила поехать к нему домой. Остальное уже известно.

Но обстоятельства, при которых была заключена страховка, вызвали у полиции подозрение. Предполагали, что убийство совершил наемный убийца. В ту же ночь Деметер был арестован. Наемный убийца скрылся без следа, а подстрекателя суд приговорил к пожизненным каторжным работам. Между прочим, защитник Деметера доказал, что Кристина чуть было не опередила своего мужа: она также нашла убийцу, гангстера-профессионала, но он не смог выполнить своей задачи, так как за день до этого был убит в перестрелке с полицией. Во время судебного процесса Деметер потребовал, чтобы ему была выплачена сумма страховки, поскольку он пережил свою жену. Но, как и следовало ожидать, суд отказал ему. Миллион долларов будет выплачен четырехлетней дочери Питера и Кристины.

«ШВАЙЦЕР ИЛЛЮСТРИРТЕ», ШВЕЙЦАРИЯ

11.

Десять лет назад в джунглях Венесуэлы вблизи границы с Бразилией с самолета был обнаружен феномен природы — отверстие диаметром около 400 метров. Экспедиция английских альпинистов лишь недавно установила, что в огромной пещере, или, вернее, пропасти глубиной 300 метров, растет подземный лес — листовые деревья с необычайно густыми кронами. Под ними обнаружили неизвестные до сих пор научному миру растения, среди которых плотоядные виды. Существование новых видов вызвано, очевидно, особыми жизненными условиями, в частности недостатком солнечного света. Дальнейшие исследования, как считают специалисты, могут принести интересные результаты не только ботаникам, но и зоологам.

«БОЭМИЯ», КУБА



12.

Швейцарские газеты уделяли много внимания случаю, который, кажется, сошел со страниц врачебно-фантастического романа. На одной загородной вилле обнаружили шестнадцать членов секты, которые ожидали в соответствии с

пророчеством их духовного наставника Рино Ферраро не более, не менее, как... конца света. Их убедили выйти убожестве на этой вилле перед катастрофическим днем, когда должно было погибнуть все живое на нашей планете. Членов секты напихали окоченевшими и находившимися на грани голодной смерти. Одна из сектанток, подданная ФРГ Лиизен Мейр, скончалась от истощения за день до обнаружения.

Комментируя не только с сарказмом, но и с тревогой этот случай, показывающий легковере и неустойчивую психику многих граждан в капиталистическом обществе, газеты потребовали применения суровых мер к руководителям секты.

«МАГАЗИН», РУМЫНИЯ

13.

Почти десять лет Тьерка Верманнга голландская пресса называла «золотым парнем голландской археологии». И хотя парнем он перестал быть уже давно — сейчас ему 46 лет, — его заслуги в археологии, казалось, оправдывали любой комплимент.

В 1966 году он появился в университете в Гронингене и принес свои находки — доисторические каменные орудия, добытые из-под земли вблизи древних Хоогенсильде. Оценкой камней занялся заведующий кафедрой, ученый с признанным авторитетом, профессор Ватерболк, который приступил к работе, полный скептицизма, и закончил ее, наполненный радостным воодушевлением. Камни из Хоогенсильде представляли собой подлинные орудия доисторического человека. Их возраст — более 130 тысяч лет, и, стало быть, они на 60 тысяч лет старше самых древних из прежних археологических находок в Голландии.

Счастливым археолог-любитель (по профессии он мастер по ремонту швейных машинок) продал за порядочную сумму камни университету и получил премию от государства, после чего обещал, что приступит к дальнейшим поискам. Гронингенский университет предложил ему должность ассистента, но Верманнг отклонил это предложение. Он потребовал для себя диплом почетного доктора, на что университет не мог согласиться при всем желании, так как кандидат закончил свое образование в третьем классе начальной школы.

Верманнг продолжал поиски на собственный страх и риск, и вскоре в университете в Гронингене стали сожалеть о том, что не уступили его требованию. Руководимый, как он выразился, шестым чувством, Верманнг выискивал все новые находки, приводящие в восторг профессоров. То он открывал собрание 428 каменных наконечников для дротиков времен неандертальского человека, а то лагерь доисторических охотников на мамонтов. Все, что находил, он продавал за большие суммы и вскоре пользовался такой славой, что эксперты не утруждали себя исследованиями подлинности приносимых им камней.

И только несколько месяцев назад другой эксперт университета в Гронингене, доктор Даниэль Стаперт, обеспокоенный легкостью, с какой не имеющий образования любитель добывает «клады», которые не удалось обнаружить самым выдающимся ученым, подверг камни еще одному всестороннему анализу. Он доказал, что Верманнг сам придавал форму камням, сам застрелял и обтесывал их, обжигал потом в специальной печи и закапывал в поле, чтобы позднее без труда их отыскать. На поверхности камней обнаружено присутствие красителей, которыми доисторический человек располагать не мог.

Общая сумма, полученная мошенником от голландских музеев и учебных заведений, составила 53 тысячи долларов. Однако голландцы уже перестали им интересоваться. Значительно больше внимания уделяется сегодня светилам науки, которые позволили одурачить себя.

«ДООКОЛА СВЯТА», ПОЛЬША

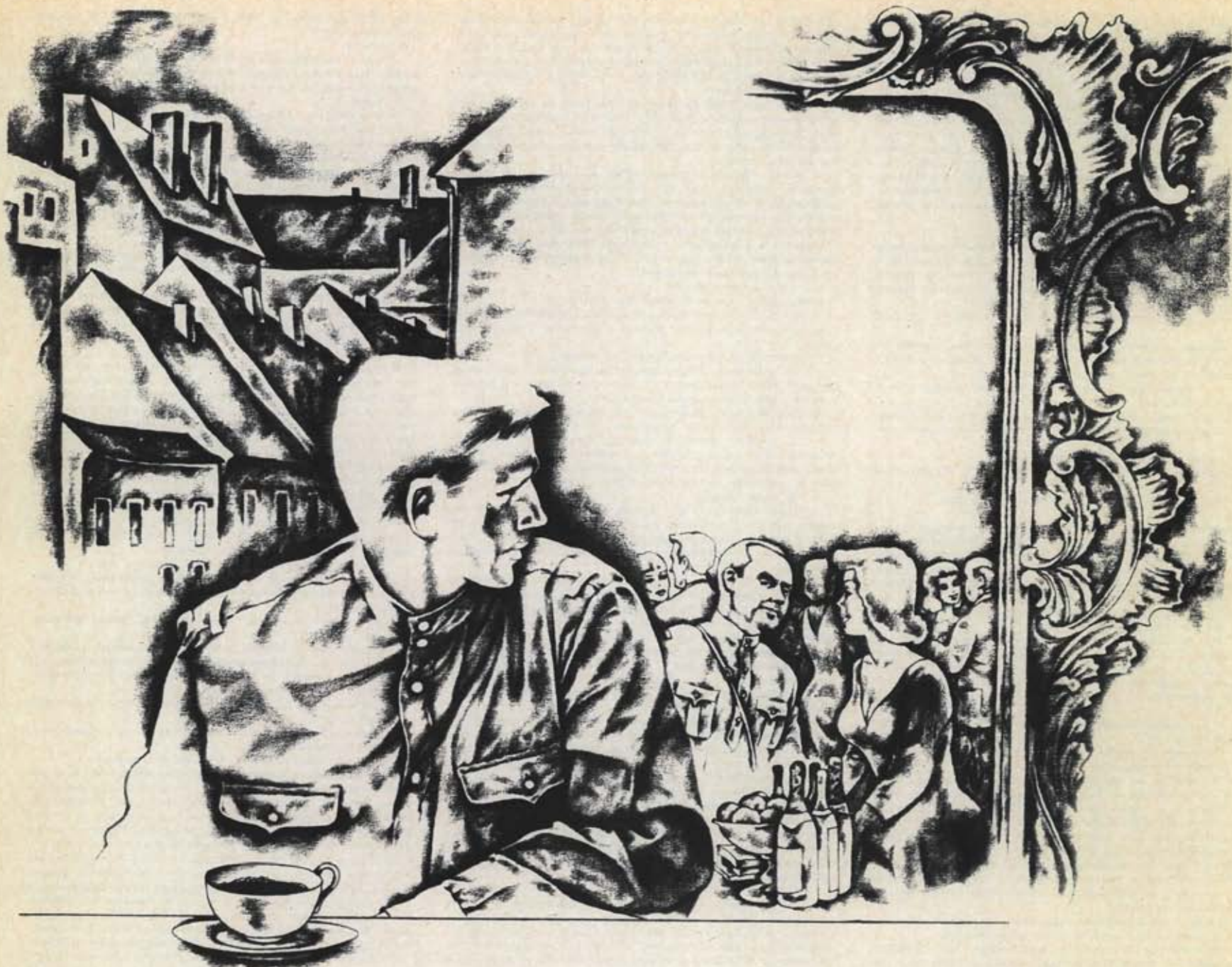


Рисунок Валерия КАПАСЕВА

— Да как же это я могу допустить?— взвился я.
— Подождите, подождите. Я же говорю — на десять минут. Ну, что вам стоит?

— Хорошо, допустим.
— Если допустить, вся ваша система доказательств начнет рушиться, как картонный дом,— сказал Груздев.

Я вспомнил, как уже пытался сегодня связать все наши факты, чтобы подпереть обвинение Груздева, и как эти подпорки все время ускользали из рук, шатались, не хотели стоять на месте. Ну, пусть теперь он их попробует на прочность. Но сказал бодро:

— Интересно поглядеть, как это у вас получится.

— Сейчас увидите,— пообещал он и начал:— Уже на первом допросе вы исходили из того, что, ненавидя Ларису, я решил избавиться от нее. Я действительно любил ее когда-то, но... Долго рассказывать, что там и как у нас происходило, но любовь выгорела — вся, дотла. Вы считаете, что антипод любви — ненависть. Но, поверьте, это вовсе не так! Настоящий антипод любви — равнодушие... И ничего, кроме равнодушия, Лариса у меня в последнее время не вызывала... Квартира. Квартира, как вам известно, моя, и вопрос ее обмена был лишь вопросом времени. Кстати, известно ли вам, что Лара хотела вернуться к матери, но именно я решил оставить часть своей площади? Если нет — спросите у Надежки, у их матери — они подтвердят. Неужели я произвожу впечатление человека столь нетерпеливого и к тому же столь жестокого, что мне легче убить, чем подождать месяц-два? — Груздев внимательно смотрел на меня, рассчитывая увидеть, какое впечатление производят его слова, но я, хоть и думал, что наши мнения здорово совпадают, просто он до конца эти вещи закручивает и додумывает, но виду не подавал, сидел и слушал — давай, мол, излагай, раз условились...

Я протянул Груздеву папиросу, он поблагодарил кивком, заломил мундштук стабилизатором, прикурил и продолжал:

— Важной уликой против меня вы считаете заявление этого алкоголика — Липатникова о том, что он меня видел на лестнице. Но я вам еще раз говорю: я был там не в семь часов, а в четыре! И Ларису дома не застал, поэтому и написал записку... Я не знаю, как мне это доказать, но помогите мне! В конце концов чем слова Липатникова ценнее, чем мои? Но ему вы верите безоговорочно, мне же вовсе не верите...

— Ваш сосед — человек незаинтересованный,— подал я голос.

— Ну, допустим. Но он ведь только человек, зраре гуманум эст — человеку свойственно ошибаться... тем более, как это и делается, всех соседей расспросите, осмотрите его часы — может быть, они врут, еще что-нибудь сделайте! Только делайте, не сидите сиднем, успокоившись на одной версии. Еще раз мою жену допросите, квартирохозяйку, сопоставьте их рассказы — тут миллиграммы информации могут сыграть счастливую или роковую роль...

— Хорошо,— перебил я его.— Я обещаю вам еще раз все это проверить досконально. Но вы отвлеклись...

— Да. Действительно.— Груздев тряхнул головой, словно освобождаясь от порыва чувств, которые он себе только что позволил.— Главная улика против меня, просто-таки убийственная — этот злосчастный «байярд».

— Вы сказали Жеглову, что мы вам его подбросили,— встал я.— А зачем? Вы об этом подумали? Наши ребята каждый день жизнью рискуют...

— Подумал,— сказал Груздев твердо.— Вероятно, я был не прав. Не вдаваясь в обсуждение ваших моральных качеств, я подумал: для того, чтобы эти вещи мне подбросили, вы должны были иметь их сами... А это уже маловероятно. Значит, их подбросил мне убийца, и отсюда следует, что он меня знал. Вот в этом направлении вам и надо искать.

— В каком направлении искать — это вы меня не учите, сообразим сами кое-как!

Он, видно, понял, что хватил лишку, потому что сразу же вроде как извинился:

— Да мне и в голову не приходит... без меня учителя найдутся. Я просто хотел сказать, что самая у вас неблагоприятная задача — доказать мою вину. Поскольку я не виноват. И рано или поздно это откроется, я в это свято верую, а то бы и жить дальше не стоило... Он тяжело, судорожно как-то вздохнул, добавил: — Был такой китайский мудрец, Конфуций его звали, вот он сказал однажды: «Очень трудно поймать в темной комнате кошку. Особенно если ее там нет...»

Поймать в темной комнате кошку — это значит доказать, что он убил Ларису. А кошки в комнате вовсе нет — м-да, это он лихо завернул, красиво, надо будет Глебу рассказать, он такие выражения любит. К слову вспомнилась мне «черная кошка», и от этого я почему-то почувствовал себя совсем неуверенно, тоскливо мне стало как-то. Помолчал я, и

Груздев сидел молча, в камере нашей было тихо, и только на первом этаже слышался смех и крепкие удары костяшек о стол — свободная от караула смена забивала «козла». Ввел он меня все-таки в сомнения, Груздев, надо будет все, о чем он толкует, до конца проверить. А я, выходит, никак на него повлиять не смогу? Сильнее он меня, выходит? Это было как-то обидно сознавать, и я попробовал:

— Илья Сергеевич, все, про что мы говорили, — это, куда ни кинь, воображение. Ну, поскольку мы вообразили, что вы не виноваты. А факты остаются, и для суда их, по моему разумению, будет вполне достаточно, чтобы вас осудить. И какой будет приговор, вы сами знаете, у вас в камере Уголовный кодекс имеется. Так не лучше ли сознаться, ведь у вас наверняка какие-то причины были, ну, не уважительные, конечно, а эти... смягчающие, что ли. Суд учтет, и может, вам жизнь сохранят.

Груздев вскинул, лицо и шея пошли у него красными пятнами, он закричал:

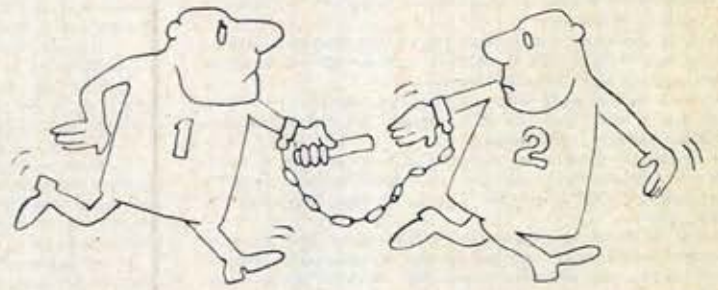
— Нет! Никогда! Признаться в том, чего не совершал, да еще в убийстве? Никогда! Как же я жить-то дальше буду, убийцей?.. Не-ет... Уж если мне суждена эта Голгофа... я взойду на нее... я взойду... Не-ет, мой друг — сказал он глухо, но очень твердо, окончательно.— Раз уж я человеком родился, надо человеком и умереть!

По комнате растеклось, всю ее до отказа наполнило тяжелое наше молчание, каждый думал о своем, а внизу по-прежнему с треском, с хрустом врубали «козла», гомонили, смеялись. На окно, шестая здоровенными крыльями, слетел сизарь, он заглядывал в комнату и смешно крутил крохотной головкой, словно приглашая выйти из прокуренного помещения подышать свежим воздухом. Груздев долго смотрел на него, а когда голубь, захлопав крыльями, взлетел в небо, проводил его взглядом, и вдруг лицо его, суровое, сухое, с жесткими складками вдоль рта, утратило на моих глазах четкость, черты стали расплываться, губы жалко задрожали — Груздев плакал! Я неуклюже пытался успокоить его, и так мне было невыносимо видеть взрослого плачущего мужчину, что я отвернулся к окну, делая вид, что не замечаю его слез, и он сам, видимо, старался сдержаться изо всех сил, и за моей спиной раздавалось тяжелое сопение и хрипящие всхлипы, похожие на рычание.

Наконец он сказал:
— Не вижу я выхода! Весь в уликах, будто меня кто-то



Рисунок Владимира СОЛДАТОВА



Рисунки Сергея ТЮНИНА



ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Под редакцией
заслуженного тренера
РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

**ЧЕМПИОНСКИЙ ТИТУЛ
ЗАВОЕВАН**

Валерий Чехов. Имя этого 19-летнего студента Московского института физкультуры стало недавно известным широкому кругу любителей спорта. Выступая в августе—сентябре нынешнего года в югославском городе Тьентиште, он завоевал золотую медаль чемпиона мира по шахматам среди юношей. В аналогичных соревнованиях последних лет лишь двое наших соотечественников становились победителями: Анатолий Карпов—в 1969 и Александр Белявский—в 1973 годах.

Турнир в Тьентиште явился для молодого мастера, воспитанного в шахматном коллективе Дворца пионеров столицы на Ленинских горах, серьезнейшим испытанием. В числе его 47 соперников из 46 стран было немало даровитых и весьма перспективных шахматистов. В некоторых встречах, как, например, в предпоследнем туре с трехкратным чемпионом среди юношей США Ларри Кристиансеном, В. Чехов оказывался в очень трудных ситуациях, но проявлял завидную выдержку и находчивость. В результате он добился быстрого спортивного показате-

ля—10:3, не потерпев ни одного поражения!

Поздравляя комсомольца Валерия Чехова с чемпионским титулом, нельзя не адресовать слова благодарности его тренерам, в частности одному из наших наиболее заслуженных наставников и старейших мастеров, Г. А. Равинскому, с чьей помощью в течение ряда лет талантливый юный спортсмен овладевал тайнами шахматного искусства.

Два следующих фрагмента из партий В. Чехова, сыгранных в Тьентиште, хорошо иллюстрируют истинно боевой, полный задора и поэтому весьма зрелищный стиль его игры.



Перед вами интересная позиция, к которой пришла партия юного москвича со своим сверстником из Польши Адамом Кулиговским после 20-го хода черных. На первый взгляд черные без помех завершат мобилизацию своих сил, и на поле «боя» возникнет обстановка со взаимными шансами. Од-

нако игравший белыми В. Чехов энергичным пешечным наступлением на королевском фланге развил опасную инициативу.

21. f2—f4! g7—g6 22. g2—g4! c6—c5 23. d4—c5 b6—c5 24. Ka4—c5 Лаб: a2 25. f4—f5!

На алтарь атаки белые смело кладут пешку. Черные отклоняют «данайский дар», ибо принятие жертвы привело бы их к большим неприятностям; например, 25. ... g1 26. g1 c: f5 27. Лg3+ Сg6 28. Ke6! fe 29. K: g6 hg 30. Л: g6+ Kрh7 31. Ле: e6 Лg8 32. Фg4! и т. д.

25. ... Се6—d7 26. Фb4—b3 Ла2—a7 27. Kc5: d7 Kf6: d7 28. Ke5—c6.

Вот и награда за активные, находчивые действия—белые выигрывают качество и пешку. Остается продемонстрировать технику реализации материального преимущества, что требует определенной четкости и умения.

28. ... Фd8—a8 29. Kc6: a7 Фа8: a7 30. Фb3: d5 Kd7—f6 31. Фd5—f3 Фа7—d4 32. Кpg1—g2!

Естественно, что белые готовы вернуть противнику пешку, но вызвать размен ферзей, ибо тогда лишнее качество скажется быстрее.

32. ... g6—g5 33. Ле1—e2 Лf8—b8 34. Ле3—d3! Фd4—c5 35. h2—h3 Лb8—b4 36. Фf3—e3 Фc5—c6+ 37. Кpg2—g1 Kf6—e4.

К немедленной гибели черного короля вело продолжение 37. ... h6 38. Лd8+ Кpg7 39. Фе7! и т. д. Теперь же меняются лады, и сопротивление становится нецелесообразным.

38. Лd3—d4! Лb4: d4 39. Фе3: d4

Ke4—f6 40. Фd4—c3 Фc6—b6+ 41. Фc3—e3, и черные сложили оружие.



А здесь изображено любопытное положение, случившееся в партии В. Чехова (у него были черные) с А. Пабло (Испания) после 15-го хода белых. Советский шахматист отлично сориентировался в острой ситуации и учинил сопернику молниеносный разгром. Финал понятен без комментариев.

15. ... 0—0—0! 16. Фа4: a7 Cd7: b5 17. Фа7—a8+ Крс8—c7 18. Фа8—a5+ Крс7—b8 19. Фа5: b5ff4—f3 20. g2: f3 Ke5: f3+ 21. Крe1—f1 Kf6—h5! 22. Сc1: h6 Kh5—g3+, и белые капитулировали.

**XVIII ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА
«СМЕНЫ»**

В сентябре «Смена» открыла свою XVIII шахматную олимпиаду. Это традиционное заочное сорев-

нование читателей из восьми туров завершится весной 1976 года. Для тех любителей шахмат, кто еще не включился в новую олимпиаду, мы кратко повторяем задания первого тура.

1. Назовите первого официального чемпиона мира по шахматам и годы его обладания этим высоким титулом (1 балл).

2. Белые—Крb6, Фg4, Ke4, Ke5, п.с3. Черные—Крд5, Cd3. В этой задаче нужно найти мат в два хода (5 баллов).

3. Белые—Крh4, Фd4, Ла1, Лf1, Сс1, пп.а2, b2, c2, e4. Черные—Крг8, Фg2, Лb5, пп.а7, f7, g7, h7. Какая комбинация приводит черных к победе? (5 баллов).

Группа победителей олимпиады получит премии, а участникам, выполнившим классификационные нормативы—23, 49 или 78 баллов из 100 возможных,—будут соответственно присуждены четвертый, третий и второй спортивные разряды по шахматам.

15 ноября 1975 года—последний срок отправления писем в редакцию на первый тур олимпиады. В нем, кроме фамилии, имени и отчества, укажите свой возраст, место работы или учебы, разряд по шахматам (если имеется), а также точный домашний адрес. В конверт обязательно вложите почтовую открытку, чтобы жюри могло оперативно сообщить вам олимпиадный регистрационный номер. Не забывайте в решениях пользоваться полной шахматной нотацией. Итак, ждем вас на старте XVIII олимпиады «Смены»!

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 4/IX 1975 г. А 04 284. Подписано к печати 18/IX 1975 г. Формат 70 × 108/16. Усл. печ. л. 5,66. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 2258. Заказ № 1104. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

КОСЫНКА

Слова Ольги ФОКИНОЙ.

Музыка Вячеслава ВЕТРОВА.

Отгорела косынка,
Отцвела, отлиняла...
Я все лето косынку
С головы не снимала:
В ней косила и жала,
В ней гребла и копнила,
От июльского жара,
От дождя не хранила.

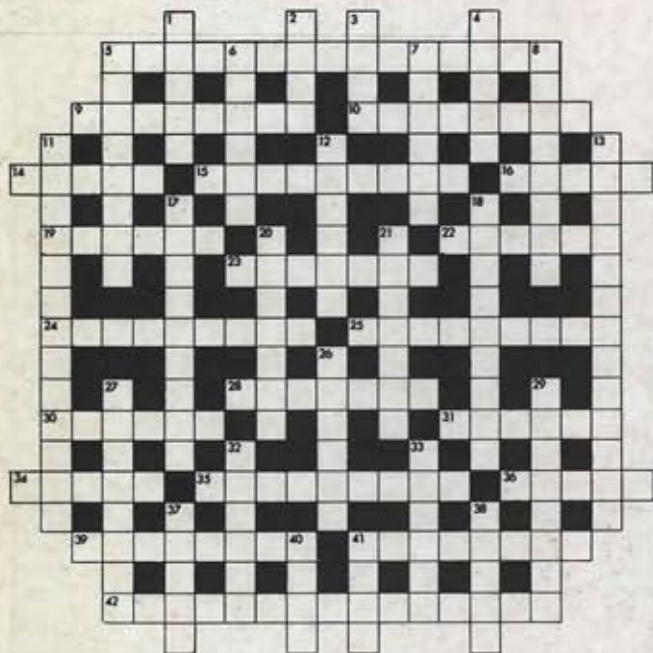
У дороги осинка,
Как цветок, заалела,
А моя-то косынка
Отцвела-отгорела.
Уж пора ее, видно,
Заменить полушалком:
В отлинялой-то стыдно,
А и бросить-то жалко.

Соком ягод любимых
Я косынку подкрашу.
Буду в осень и зиму
Я косынку дражнить.
Если милый придет—
Он придет, наверно,—
По косынке заметит,
Как люблю его верно.

ИСТОРИЧЕСКОЕ, ПРОИЗВЕДЕНОЕ.

КРОССВОРД

Составил В. КУЗЕНКОВ,
г. Ленинск



По горизонтали:

5. Стихотворение В. Маяковского.
9. Лирическая музыкальная пьеса.
10. Участник боя быков.
14. Точка пересечения оси вращения Земли с ее поверхностью.
15. Колонна в виде статуи.
16. Дикая африканская лошадь.
19. Командир воинского подразделения, части.
22. Центр автономной области.
23. Кондитерское изделие.
24. Металлургическая печь.
25. Струнный инструмент.
28. Юрист, защитник.
30. Тригонометрическая функция.
31. Опера А. Спендиарова.
34. Вид чашки, употребляемой в Средней Азии.
35. Составная часть военного искусства.
36. Специальный щит со световыми сигналами, надписями.
39. Горы на юге Турции.
41. Оригинал текста для типографского набора.
42. Популярная русская актриса.

По вертикали:

1. Стихотворный размер.
2. Зодиакальное созвездие.
3. Картина И. Левитана.
4. Футляр для хранения письменных принадлежностей школьника.
5. Фортепьянная пьеса.
6. Советская футбольная команда.
7. Игра-загадка.
8. Художник-передвижник.
11. Русский живописец-портретист XVIII—XIX веков.
12. Морская птица.
13. Учитель.
17. Военное звание.
18. Огородное растение.
20. Круглый павильон, беседка.
21. Степная рысь.
26. Денежный знак.
27. Стихотворение Н. А. Некрасова.
29. Свободная должность.
32. Крупная африканская птица.
33. Киноактер, народный артист СССР.
37. Государство в Индокитае.
38. Приспособление для изготовления литейной формы.
40. Денежная единица Ирана.
41. Картина И. И. Шишкина.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 19

По горизонтали:

4. Гвадалахара.
7. Глиэр.
8. Белая.
10. Абхазка.
12. Коломбо.
14. Октавд.
16. Волонс.
19. Пидика.
20. Стереотип.
22. Адьюнкт.
24. «Муравей».
26. Ионийцы.
28. Матейко.
29. Темза.
30. Рафия.
31. Пролонгация.

По вертикали:

1. Саврасов.
2. Альбатрос.
3. Барбадос.
5. Плато.
6. Лайка.
9. Кронциркуль.
11. Модификация.
13. Могилев.
15. Тюленин.
17. Октод.
18. Артек.
21. Бюллетень.
22. Айтматов.
23. Тихорецк.
25. Антей.
27. Индий.

АЛОЕ ОБЛАКО

В этот день небо было необыкновенным. Оно напоминало огромный сказочный купол из нежного голубого шелка, по которому крупными белыми пятнами разбросаны редкие кучевые облака. Они плыли так медленно, что казалось, будто врезаны в небесную голубизну. И только пристально вглядываясь, можно было заметить, как меняются их причудливые очертания — то сокращаются, то вновь увеличиваются голубые прогалины!

Уже второй час я стою у мольберта на высоком холме возле одинокой полуразваленной церкви. Внизу притаилась речка, за ней по-над лесом раскинулось пестрое одеяло поспевающих хлебов. Вон там серой отутюженной лентой вьется асфальтовое шоссе. Однако не красота земли захватила меня сейчас. Я пишу необыкновенное

ЗОЛОТО ОСЕНИ.



июльское небо. На гладком упругом холсте возникает новая голубизна.

Увлеченно работая кистями и мастихином, я мысленно разговариваю с высоким небом, с плывущими облаками. Мне становится понятен их незатейливый язык. Они живут, действуют, спорят.

Особенно поразило меня величием и гордой красотой одно алое облако, что стояло под самым солнцем. Даже кистью, не то что словами, невозможно передать всех оттенков, которыми светилась его лучезарная корона! Будто скатал кто-то тысячу радуг в один огромный клубок и сунул его под легкую облачную вуаль.

Алое облако улыбалось. Оно понимало, что на всем небе нет облаков красивее его. И само солнце выглядит рядом с ним маленьким и незаметным.

ПЕРЕД БУРЕЙ.

ЛЕСНЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ.

ШТОРМИТ.



Синяя тучка, что недавно выплыла из-за леса, сливаясь с голубизной неба и холодея от зависти, прослезилась вдруг. Соседние тучи еще более бледнели, когда приближались к алому облаку. А оно играло, цвело, как самая красивая роза из самого красивого сада.

С большим интересом наблюдал я за жизнью неба. Хотелось лучше отразить его великолепие и тревожную глубину на картине, передать спор облаков и тучек, по-своему рассудить их. Больше всего я бился над тем, чтобы передать истинную прелесть алого облака. Наверное, в сотый раз пытался найти для него верные цвета и оттенки...

Облако светилось все новыми и новыми красками, пока не подул из-за горизонта прохладный ветер и не отогнал его от вихрастого солнца. В одно мгновение оно побледнело, стало обычным — серым и незаметным.

Я стоял у мольберта и думал, что красивы и заметны мы лишь тогда, когда находимся возле солнца, возле светлого и возвышенного дела.

Алексей ОВСЯННИКОВ

